СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

38

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ОСЬМЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1845.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXXVIII.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ОСЬМЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1845.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2156

ПЯТЬ ГЛАВЪ

ИЗЪ НОВАГО РОМАНА *П. Кулѣша:*

ЧЕРНАЯ РАДА.

(Продолженіе.)

ГЛАВА III.

Да проживъ я свой вѣкъ
Не такъ якъ человѣкъ:
Що люде живуть,
Якъ цвѣты цвѣтуть,
Моя жъ голова —
Якъ вяла трава.

Изъ народной пѣсни.

Дорога отъ Паволочи до мѣста отдыха лежала нашимъ путникамъ черезъ открытыя степи, перерѣзанныя въ разныхъ направленіяхъ длинными долинами, которыя въ первобытныя времена были вѣроятно логовищами рѣкъ, или, можетъ быть, заливовъ моря, разливавшагося по всей странѣ, гдѣ нынѣ рѣки Пселъ, Ворскла, Тясминъ: не даромъ же находятъ въ тѣхъ мѣстахъ остатки кораблей и ог-

ромные желѣзные якори. По дну этихъ долинъ мѣстами пробиралась мелководная рѣчка, мѣстами тянулись и вязались одно съ другимъ камышеватыя болота, мѣстами зеленѣли лѣса, какъ бы притаившіеся отъ степныхъ вѣтровъ подъ скатами береговыхъ возвышенностей. Въ такихъ удольяхъ расположены всѣ села Украинскія, раздѣленныя почти всегда рѣчкою, на которой шумитъ водяная мельница и блеститъ еще издали между туманною зеленью садовъ деревенскій прудъ. Степная природа Украйны, указавши своимъ обитателямъ мѣста для поселеній самыя выгодныя, вмѣстѣ съ тѣмъ указала и позиціи самыя живописныя. Ѣдешь въ безлюдной степи, оразноображенной только древними могилами, тянущимися вездѣ по горизонту — и вдругъ передъ тобою открывается долина между полями, внизу дымится по обѣимъ сторонамъ рѣчки село и зеленѣютъ сады во всей своей свѣжести. Это явленіе, въ степной сторонѣ, имѣетъ для путешественника столько же прелести, какъ-если, утомленный видомъ пыльныхъ и шумныхъ улицъ города, войдешь въ какую-нибудь комнату — и передъ тобою на стѣнѣ нечаянно развернется во всей красѣ глубокопочувствованное художникомъ созданіе живописи.

Но не до того было нашимъ путникамъ, чтобъ любоваться красотою селъ Украинскихъ и перспективою удолій, извивающихся вмѣстѣ съ блестящею лентою рѣчки между высокими полями. Ночью они

смѣло проѣзжали возлѣ деревень и даже чрезъ деревни; но съ наступленіемъ утра, когда сельскіе пейзажи открываются во всей своей поэзіи, они далеко объѣзжали села, избѣгали всякихъ разговоровъ и лишнихъ привѣтствій со встрѣчными поселянами, и держались дороги, только имъ однимъ извѣстной.

Писатели Украинской школы обыкновенно всѣ могилы Украинскія относятъ къ періоду козачества. Это происходитъ отъ того, что никто изъ нихъ не брался за этотъ предметъ съ серьёзной стороны, отложивши въ-сторону фантазію. Чтобъ дать иное понятіе объ этихъ оригинальныхъ памятникахъ, характеризующихъ Украйну, довольно сказать, что могилъ въ Украйнѣ цѣлые десятки тысячь, и что козаки въ краткій періодъ своего существованія должны бы были только этимъ однимъ и заниматься, чтобъ насыпать ихъ такое множество. Воинственный мой попъ, жившій почти за двѣсти лѣтъ передъ нами, не раздѣлялъ мнѣнія своихъ образованныхъ потомковъ. На вопросъ своего молодаго спутника о происхожденіи этихъ могилъ, онъ умолчалъ о козакахъ, ибо всѣ козацкія дѣянія были хорошо ему извѣстны, а углубился въ неопредѣленно-древнюю эпоху и началъ ему расказывать темное преданіе о Плясовицахъ, выходившихъ плясать на могилы при восхожденіи солнца, о людоѣдахъ, населявшихъ будто бы когда-то эту страну, и проч. Все это было темно, запутано, облечено въ аллего-

рическіе вымыслы; но тотъ, кто приложитъ эти преданія къ сказаніямъ Геродота и Страбона, убѣдится, что истина, даже и въ безобразныхъ развалинахъ своихъ, переживаетъ мнѣнія ложныя, какъ бы они ни были убраны въ блестящіе признаки правды. Когда наши путники переѣзжали такъ называемый *Зміевъ* валъ, начинающійся на берегу Днѣпра возлѣ Триполья и идущій дугообразно къ рѣкѣ Тетерву, старый попъ указалъ своему спутнику на одну могилу, къ которой валъ примыкалъ по ту и по другую сторону *, и сказалъ: — Вотъ тебѣ доказательство, какъ давно насыпаны эти могилы: давнѣе самаго вала. А какъ давно сдѣланъ этотъ валъ? того никто не знаетъ. Говорятъ только, что когда-то, въ незапамятныя времена, жилъ въ пещерѣ надъ Днѣпромъ змѣй, которому люди должны были давать каждый день по человѣку, да когда бъ еще по какому-нибудь, то пожалуй, нашлося бы много дармоѣдовъ, что отъ нихъ только другимъ тѣсно — пусть бы и истреблялъ ихъ по-немногу — а то подавай ему самыхъ лучшихъ дѣвицъ, какія только есть по селамъ. Долго терпѣлъ бѣдной народъ такое несчастье; наконецъ выискались два такіе молодца, братья Борисъ и Глѣбъ: придумали, что дѣлать и съ змѣемъ; сковали желѣзный плугъ, запрягли въ него змѣя; одинъ братъ взялъ его рас-

* Эта замѣчательная и едва ли не единственная, сколько до сихъ поръ намъ извѣстно, въ валу могила находится въ Васильковскомъ уѣздѣ, возлѣ села Порадова.

каленными щипцами за языкъ, а другой управлялъ плугомъ и погонялъ змѣя огромнымъ молотомъ; итакъ отъ самой пещеры, отъ Днѣпра, сдѣлали межу мимо Василькова черезъ Бышевъ до самаго Тетерва. Гдѣ прошелъ плугъ, тамъ вотъ и теперь видишь еще ровъ, а вывороченная изо рва земля сдѣлала этотъ валъ. Орали бъ, можетъ быть, еще и дальше; но когда дошли до рѣчки Тетерва, тутъ змѣюка, увидѣвши воду, бросился пить, и до тѣхъ поръ пилъ, пока не лопнулъ на мѣстѣ.

— Я не разъ слышалъ, сказалъ козакъ, что змѣй, о которомъ вы, батюшка, говорите, жилъ не въ Трипольи, а возлѣ Кіева, и что его убилъ Кирило Кожемяка *.

— Знаю и это; только кто жъ скажетъ навѣрное? Это дѣлалось не за дѣдовъ и не за прадѣдовъ нашихъ, а Богъ знаетъ, когда. Точно, говорятъ и такъ, что змѣя убилъ Кирило Кожемяка, а валы эти насыпаны князьками, которые въ-старину владѣли Украйною. Тамъ, гдѣ теперь Каневъ, Бѣлая-Церковь, Паволочь, жили тогда невѣрные народы, и отъ нихъ-то ограждались князьки этимъ валомъ. А послѣ, когда почуяли въ себѣ больше силы, оттѣснили дальше невѣрныхъ и насыпали другой валъ,

* Такъ называется этотъ миѳологическій нашъ герой въ преданіяхъ народныхъ; въ лѣтописи Преподобнаго Нестора онъ называется *Усмо-швецъ*, т. е. сшиватель кожъ, сапожникъ.

который идетъ отъ Днѣпра по-надъ Росью мимо Корсуня и Богуслава, а потомъ пониже Бѣлой-Церкви и Сквиры. Если правду сказать, то этому больше можно вѣрить, нежели змѣю и желѣзному плугу; только по какой же причинѣ идетъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ толкъ и о змѣѣ? Это не должно быть даромъ... А о Кирилѣ Кожемякѣ, если хочешь знать, такъ вотъ какъ расказываютъ.

И началъ длинную легенду о Кіевскомъ князѣ, его дочери и змѣѣ, которую мы пропустимъ, потому-что она извѣстна всякому, кто родился въ Малороссіи и воспитанъ не Французскими нянками.

Занимаясь такимъ образомъ археологическими вопросами, которые, право, ничѣмъ не хуже современныхъ намъ гиппотезъ, путешественники наши подвигались все дальше къ сѣверу сквозь лѣса, которые здѣсь попадались имъ на пути гораздо чаще — и чѣмъ ближе къ Кіеву, тѣмъ становились гуще и суровѣе. Подъ-вечеръ въѣхали они на Бѣлогородскую дорогу, лежавшую передъ ними почти поперегъ.

— Тутъ гдѣ-то нужно намъ поворотить влѣво, сказалъ старикъ. Давно уже я былъ въ этихъ мѣстахъ; не былъ съ того времени, какъ въѣзжали мы въ Кіевъ съ батькомъ Хмѣльницкимъ послѣ славнаго Сборовскаго дѣла. Ахъ, то было счастливое время! Дождется ли еще Украйна другаго человѣка,

который бы такъ, какъ Хмѣльницкій, попралъ пятою своею всѣ силы Польскія и всю гордость вельможнаго панства? Будемъ молиться Богу, чтобъ дождалась!

Въ это время въѣхали они на возвышенность, въ которой вдругъ открылся вдали пышный видъ Кіева съ золотоверхими своими церквями. Всадники наши сошли съ коней и, припавши къ землѣ, долго и усердно молились. Благоговѣйное молчаніе, въ которомъ они возносились мысленно къ Богу, показывало, что теперь они вполнѣ почувствовали важность своего предпріятія, при видѣ этаго святаго города, связывавшаго неразрывнымъ узломъ силы Русскаго духа на югѣ противу всѣхъ невзгодъ и непріязненныхъ дѣйствій враговъ Руси и православія.

— А, вотъ и сухой дубъ надъ дорогою! сказалъ попъ, когда они опять пустились въ путь. За этимъ дубомъ должна быть дорожка въ лѣсъ, которая приведетъ насъ въ самое Хмарище. Такъ, есть и дорожка. Ну, теперь мы все равно уже, что и у Черевана.

Дорожка лѣсомъ была такъ узка, что они должны были ѣхать одинъ за другимъ. Попъ ѣхалъ впереди, козакъ за нимъ. Послѣ получасовой ѣзды, достигли наконецъ Хмарищъ. Это былъ островъ, обтекаемый какою-то безымянною рѣкою, или, луч-

ше сказать, водянистымъ болотомъ, потому-что вода блестѣла только мѣстами, а кругомъ краснѣли пласты болотнаго мху, перемѣшанные съ зелеными кустами верболоза и очерета. Островъ возвышался на нѣсколько аршинъ надъ поверхностью воды, и съ перваго взгляда казался вовсе необитаемымъ; только по верхушкамъ цвѣтущихъ яблонь, бѣлѣющихъ изъ-за темной зелени дикихъ кустарниковъ, можно было предполагать, что тамъ кто-нибудь поселился. Его назвали Хмарищемъ, вѣроятно потому, что окружающій его лѣсъ заслонялъ его со всѣхъ сторонъ, какъ хмарами *. Еще солнце было далеко отъ горизонта, а уже все болото покрыто было холодною тѣнью; только верхушки деревъ на островѣ освѣщены были яркимъ золотистымъ свѣтомъ. Черезъ болото тянулся длинный узкій мостикъ изъ сосновыхъ досокъ, поддерживаемый нѣсколькими перекладинами на тонкихъ дубовыхъ сваяхъ. По немъ можно было только пройти пѣшкомъ, или верхомъ проѣхать; другаго способа не было переправиться черезъ болото.

— Живетъ же народъ! сказалъ попъ, взъѣхавши на мостикъ, который весь шатался и гнулся подъ копытами его коня. Не насыплютъ гребли **, а ѣздятъ по такой колыскѣ, пока лукавый кого-ни-

* *Хмара* — туча.

** Плотины.

будь возметъ. Не наѣзжай, не наѣзжай, Петро! Я вспомянулъ имя лукаваго на его гнѣздѣ; такъ смотри, чтобъ не сыгралъ онъ съ нами такой штуки, какъ подъ Берестечкомъ. Охъ! тамъ много козацкихъ головъ погибло лютою смертью въ болотѣ! Если бъ всѣ шли порядкомъ, никого не взялъ бы врагъ, а то сунулись [1], какъ овцы отъ волка.... Охъ, охъ, охъ!... *Благъ и правъ Господь, сего ради законоположитъ согрѣшающимъ на пути!*

Кони сами понимали опасность переправы и по инстинкту самосохраненія отстали одинъ отъ другаго на значителяное разстояніе и ступали осторожно по доскамъ. Не шутка была обломиться, или оступиться на этомъ мостикѣ: болото казалось бездоннымъ, и съ своими гнилыми мхами и неподвижною водою было страшнѣе всякой быстрины. Наконецъ достигли острова. Западная часть его, та, съ которой они подъѣхали, была выше восточной, такъ-что если глядѣть съ боку, то островъ казался опрокинутымъ на одну сторону; потому-то и не видно было никакихъ строеній, расположенныхъ за переднею возвышенностію на покатой его поверхности. Мостикъ, по которому ѣхали наши путники, изгибался подъ разными углами между болотными кустарниками. Выѣхавши изъ-за кустарниковъ, они увидѣли, что островъ былъ не только обитаемъ, но даже защищенъ со стороны моста деревянною башнею. Башня въ вышину была не болѣе полуторы

сажени, сложена изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ и врыта вся въ землю, такъ-что крутой берегъ казался крѣпостнымъ валомъ. Сквозь башню былъ входъ на подворье, защищенный дубовою дверью, густо обитою гвоздями; надъ дверью небольшое оконце. Вершина башни равнялась поверхности берега и, вмѣсто зубцовъ, вооружена была заостренными кольями.

— Э! сказалъ попъ, да это настоящій замокъ! Сдѣлать только хорошій запасъ провизіи да пороху, такъ тутъ, сломавши мостъ, можно отсидѣться отъ инаго мизернаго войска. Ворота, видно, заперты. Постучи, Петро!

Петро подъѣхалъ къ воротамъ и принялся стучать рукоятью своей сабли. Эхо отзывалось въ лѣсу, но на островѣ было тихо. Наконецъ, не скоро уже, послышался чей-то кашель и медленные шаги по ступенямъ внутри башни. — Врагъ его знаетъ, говорилъ тамъ кто-то, какой-то теперь народъ шумный настал. Пріѣдетъ Богъ знаетъ кто, Богъ знаетъ откуда — и стучитъ, чуть воротъ не разломаетъ! А лѣтъ какихъ-нибудь пятнадцать назадъ, тотъ же самый народъ сидѣлъ на Украйнѣ тихо и смирно, какъ пчелы зимою въ ульѣ, и когда бъ Ляхи не потревожили козацкаго роя, то и до сихъ поръ такъ бы сидѣли. Худо было за Ляховъ, да все жъ

и наши гуляютъ не въ свою голову! Охъ, Боже правый, Боже правый!

Знаю, знаю, кто это! сказалъ попъ: это Василь Невольникъ. Одинакова у него всегда натура: иначе не умѣетъ думать, какъ только въ-слухъ. А вотъ, смотри, когда сейчасъ не примется расказывать про свою Турецкую неволю, хоть я это уже сто разъ отъ него слышалъ.

— Кто тамъ стучитъ, какъ будто въ свои собственныя ворота? спрашивалъ Василь Невольникъ, высунувши въ оконце голову. Хотѣлъ бы я, чтобъ хоть одна козацкая душа постучала въ ворота той башты, гдѣ я сидѣлъ въ неволѣ ровно три года, якъ одинъ день. Охъ, Боже правый, Боже правый!

— О! сказалъ попъ. Еще не знаетъ, кто, а уже пускается въ расказы.

— Кто тамъ такой? повторилъ Василь Невольникъ.

Старикъ отвѣчалъ ему текстомъ изъ Священнаго писанія.

Тутъ нужно замѣтить разъ навсегда, что Малороссійскіе старики приводили въ разговорахъ лю-

бимые свои тексты не всегда кстати и не всегда въ глубокомъ ихъ значеніи.

— Милостивый Боже! воскликнулъ Василь Невольникъ, да се жъ Паволочскій полковникъ Шрамко съ своимъ сыномъ орломъ! Не знаю, чи отворять ворота, чи бѣжать до пана, щобъ знавъ, якихъ мае гостей въ своемъ Хмарѝщѣ?

— Коли не знаешь, отозвался Шрамко (это дѣйствительно былъ онъ), такъ я тебѣ скажу, что дѣлать: отвори намъ сперва ворота, а потомъ бѣги хоть къ десяти панамъ.

— Правда, правда, добродѣю мой коханый! сказалъ старый придверникъ, и началъ спускаться внизъ, думая по-своему въ-слухъ: — Гора съ горою не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется! Охъ, не надѣялися жъ мои старыя очи увидѣть еще разъ пана Шрамка! А вотъ же еще увидѣли! Охъ, Боже правый, Боже правый!

Въ-слѣдъ за этимъ застучалъ засовъ и отворились ворота, въ которыя козаки въѣхали склонившись: такъ они были низки. Василь Невольникъ до того простеръ изъявленіе своей радости, что, бросившись къ Шрамку, поцѣловалъ его стремя, но Шрамко дружески его обнялъ и поцѣловался, какъ равный съ равнымъ. Послѣ того Невольникъ при-

витался съ Шрамченкомъ, сердечно его обнялъ и съ любовью глядѣлъ ему въ глаза: — Орелъ, а не козакъ! орелъ, а не козакъ! восклицалъ онъ въ восхищеніи. Что если бъ такихъ молодцовъ хоть двѣ чайки * приплыли въ Керманъ **, когда я сидѣлъ тамъ въ неволѣ! Охъ, Боже правый, Боже правый! Далась мнѣ эта неволя добре знаться! Кандалы постирали руки и ноги; холодное желѣзо до желтой кости тѣло козацкое попроѣдало.

Въ самомъ дѣлѣ, въ его наружности было что-то такое жалкое, какъ будто онъ только-что выпущенъ изъ неволи. Это былъ низенькій, сгорбленный, худощавый старичишка, со впалыми, какъ будто къ чему-то присматривающимися глазами. Губы его сложены были такъ жалобно, какъ будто онъ во всю жизнь свою ни разу не засмѣялся, а мину имѣлъ такую бѣдственную, какую, кажется, можетъ имѣть только гребецъ на Турецкой галерѣ. На немъ былъ синій жупанокъ и старые, когда-то алые шаровары, но и этотъ нарядъ казался на немъ чужимъ; ему больше пристало бы рубище какаго-нибудь нищаго, не знающаго, что значитъ теплая хата и мягкій кусокъ хлѣба. При

* Чайками назывались Запорожскія лодки, въ которыхъ они дѣлали морскіе набѣги на Татарскія и Турецкія земли.

** Аккерманъ, или Бѣлгородъ Татарскій.

всемъ томъ, въ наружности его было что-то и привлекательное, можетъ быть потому, что это было существо бѣдное, но очень доброе, живо чувствующее дружбу къ людямъ и признательность за благодѣянія.

Подворье пана Черевана представляло зеленую равнину, покатившуюся внизъ вмѣстѣ съ безыскуственными группами деревъ, большею частью плодовитыхъ. По травѣ ходили кони и коровы съ телятами. Отъ воротъ башни, шли двѣ дорожки: одна, теряясь между вишнями, вела, видно, къ хатѣ, выглядывавшей соломенною крышею изъ-за саду; другая шла направо къ невысокому плетню, окружавшему пасику.

— Пора встать съ коней! сказалъ Шрамко. Петро соскочилъ на землю и принялъ коня отъ отца. Василь Невольникъ хотѣлъ-было взять на серся попеченіе о лошадяхъ, но Шрамко воспротивился: — *Не овесъ коня тучитъ*, сказалъ, онъ, *а хозяйское око.*

— О, Боже правый! воскликнулъ тотъ, да развѣ жъ я не присмотрѣлъ бы за ними лучше, нежели за своими собственными?

— Знаю, знаю, пріятелю, не обижайся: это не для того сказано. Мы съ тобою довольно уже по-

возились возлѣ коней на своемъ вѣку: намъ теперь пристало лучше пановать, нежели служить; а молодой человѣкъ пусть потрудится, пока не дождется себѣ помощниковъ. Ну, веди жъ меня до хаты, Василю!

— Въ хатѣ однѣ женщины, добродѣю мой коханый, а панъ въ пасикѣ. Да у насъ и не безъ гостей.

— Кто жъ у васъ есть?

— О, да какой гость! Не буду нарочно говорить; посмотрю, какъ ты удивишься и обрадуешься.

И повелъ Шрамка черезъ пасику.

Но прежде-нежели познакомлю читателя съ паномъ Череваномъ и его гостемъ, считаю необходимымъ распространиться нѣсколько больше о полковникѣ Шрамкѣ, чтобы читатель, слѣдя за дальнѣйшими приключеніями его жизни, зналъ уже совершенно, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Войны Хмѣльницкаго, будучи войнами болѣе партизанскими, нежели регулярными, образовали въ Малороссіи множество искусныхъ и отчаянныхъ наѣздниковъ, которые своими частными похожденіями истребили въ десять лѣтъ Поляковъ, Уніатовъ

и Жидовъ едва ли не больше, нежели самыя битвы Хмѣльницкаго. Эти наѣздники извѣстны были подъ именемъ *охочихъ* или *охочекомонныхъ* козаковъ (а въ послѣдствіи *компанѣйцевъ*). Они не состояли въ войсковомъ реестрѣ, служили на своемъ коштѣ изъ одной охоты, или добычи—и никому, кромѣ добровольно-избранныхъ изъ среды себя старшинъ, не давали отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Предводители ихъ, живя только войною и для войны, пренебрегая всѣми опасностями и часто совершая чудеса храбрости, пользовались въ народѣ громкою славою и всеобщею любовью. Ихъ воспѣвали бандуристы, и чтили волею и неволею, какъ любимцевъ народа, главнѣйшіе войсковые старшины.

Однимъ изъ такихъ партизанскихъ атамановъ былъ полковникъ Шрамко. Родословная его потеряна въ туманѣ мало-писавшей древности. Впрочемъ и писать было не-чего. Предки его, будучи козаками, снесли нѣсколько Татарскихъ и Польскихъ головъ, вспахали нѣсколько десятинъ поля, выпили нѣсколько бочекъ горѣлки, меду и пива, выкурили нѣсколько пудовъ табаку и перегибли безъ слѣда по себѣ то на войнѣ отъ пули и меча, то въ плѣну въ тяжкой неволѣ на Турецкихъ галерахъ, то наконецъ дома отъ давнихъ ранъ и дряхлости. Они впрочемъ не назывались Шрамками: это воинственное прозвище одному ему принадлежало; родовое жъ ихъ имя было Чепурный.

Отецъ полковника Шрамка учился въ Кіевскихъ школахъ и былъ въ Паволочи священникомъ. Когда явилась въ Польшѣ *унія*, онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ ея противниковъ, и наконецъ явно принялъ участіе въ возстаніи козаковъ подъ предводительствомъ славнаго въ пѣсняхъ Наливайка. Съ крестомъ въ одной рукѣ и саблею въ другой, онъ не разъ водилъ козаковъ на приступы. Но когда Поляки осадили наконецъ ихъ подъ Лубнами на урочищѣ *Солоницѣ* и принудили ихъ выдать Наливайка и Лободу, тогда много козаковъ было выключено «за бунтъ» изъ реестра и обращено въ крестьянское званіе; а Чепурный, вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ, долженъ былъ присягнуть на Евангеліи, что никогда не будетъ участвовать въ козацкихъ «бунтахъ». Сорокъ лѣтъ потомъ онъ не бралъ въ руки копья и сабли, занимался обязанностями священника, пахалъ землю, кланялся и угождалъ панамъ. Но ни лѣта, ни горе, ни тяжкое угнетеніе не погасили въ немъ милой козацкому сердцу думы объ отмщеніи притѣснителямъ Украйны. Когда вспыхивали одно за другимъ возстанія Тараса Трясилы, Павлюка Остряницы, онъ жадно прислушивался къ голосу народной молвы и порывался сбросить съ себя тягостное рабство, подобно тому, какъ ручной журавль, съ подрѣзанными крыльями, увидя пролетающихъ подъ сводомъ неба свободныхъ журавлей, отзывается на ихъ крикъ изъ своей тѣсной ограды и машетъ без-

сильными крыльями и грустить, когда длинная ихъ цѣпь скроется за садами.

На короткое время огни козацкаго табора освѣщали темную ночь Малороссіи. Не на долго вспыхивали возстанія. Поляки успѣвали погашать ихъ прежде, нежели они разгорятся и обхватятъ цѣлую область. Но наконецъ поднялось огромное, страшное зарево изъ Запорожья. Напрасно Ляхи заграждали дороги стражею. Зарево видно было отъ конца до конца Малороссіи—и призывный кличь Хмѣльницкаго, казалось, доносился къ народу «изъ Низу Днѣпра» съ повѣвомъ вѣтра. Земледѣльцы оставляли на полѣ свои плуги; пивовары бросали въ темныхъ *броварахъ* * котлы, ремесленники свои работы, отцы маленькихъ дѣтей и женъ, сыновья дряхлыхъ отцѣвъ и матерей, и тянулись скрытными путями и по ночамъ на Запорожье, подобно тому, какъ вòроны, почуявъ обильную добычу, оставляютъ свои гнѣзда и слетаются со всѣхъ сторонъ на одно поле, дружные и какъ бы давно знакомые одинъ другому, или какъ губительная для пажитей саранча ползетъ, скачетъ и летитъ, незнать откуда, на несчастную землю, обреченную голоду—и напрасны всѣ усилія человѣческія, чтобъ остановить, или истребить ее. Такъ и козаки, не смотря на всѣ мѣры пановъ не дать имъ соединиться въ одну

* *Броварь* — пивоварня.

армію, раждались повсюду, какъ будто изъ земли, и какъ всѣ тяжести стремятся къ своему центру, такъ и они стекались къ Хмѣльницкому, который былъ для нихъ солнце, освѣщающее тьму, прогоняющее воровъ и разбойниковъ, дающее имъ жизнь.

Дмитро Поповичь былъ уже въ то время старъ и дряхлъ—не могъ самъ взяться за оружіе; но у него былъ давно-возмужавшій сынъ, который наслѣдовалъ и его силу, и его отвагу, и его ненависть къ Полякамъ. У него были и внуки, три крѣпкіе юноши, воспитывавшіеся въ Кіевской академіи. Онъ никогда не терялъ надежды на освобожденіе Малороссіи отъ ига Польскаго. Провидя въ своемъ поколѣніи таланты козацкихъ предводителей, онъ только ждалъ минуты, чтобъ выпустить ясныхъ своихъ соколовъ на стадо лебедей—и когда вѣсть о Хмѣльницкомъ стала единственнымъ страхомъ для Ляховъ и *Недоляшковъ* *, и единственною радостью для православныхъ, онъ выбралъ темную ночь, разбудилъ своего сына и сказалъ: — Не время теперь спать; время сдѣлаться намъ изъ овецъ волками. Оставь эти загоны, въ которыхъ Ляхи дѣлаютъ съ нами, что хотятъ; ступай въ степи къ Хмѣльницкому, и выточи изъ пановъ по бочкѣ крови за

* *Недоляшками* козаки называли обратившихся изъ православія въ католичество.

каждую каплю поту, что проливали мы подъ ярмомъ для ихъ прибытку. Вставай, мой сынъ; я изготовилъ тебѣ коня; есть у меня и козацкая *збрôя*— не все еще Ляхи отняли: козакъ скорѣе отдастъ душу въ мукахъ, нежели послѣднюю саблю и послѣдній *списъ* *, съ которыми онъ рано, или поздо возметъ свое у ненавистныхъ *католиковъ*.

Не нужно было больше уговаривать того, къ кому относились эти слова. Велика была тогдашняя минута для Малороссіи: разумѣлъ козакъ козака по одному слову, по одному легкому намеку. Встаетъ; идетъ онъ за своимъ отцемъ въ темнотѣ.

— Ступай тихо, говорилъ старикъ; не разбуди никого. Худо поднимать тревогу во дворѣ разставаньемъ: проклятые Ляхи глазами спятъ, а уши держатъ на-сторожѣ.

Идутъ черезъ огородъ на гумно; спускаются въ гуменную яму. Тамъ, при свѣтѣ лучины, новый сторонникъ Хмѣльницкаго копаетъ въ указанномъ мѣстѣ и открываетъ ящикъ съ доброю саблею, ружьемъ, пистолетами и прочимъ козацкимъ снарядомъ.

— Вотъ, мой сынъ, тебѣ наслѣдство послѣ

* Копье.

отца, сказалъ старикъ. Сохрани его до смерти. Жупаны кармазинные и богатые *оксамиты* *— всѣ Ляхамъ достались. Надѣвай это оружіе на сермягу, а жупаны и золотые пояса тотчасъ добудешь у пановъ, какъ только съ ними *привитаешься* **: они дома недоступны и горды, а на войнѣ — сговорчивой народъ.

Погасили огонь, вышли за гумно. Подъ плетнемъ фыркали кони.

— Ты, Потапъ? тихо спросилъ старикъ.

Я, коротко отвѣчалъ кто-то изъ-за плетня.

— Вотъ тебѣ, мой сынъ, и конь и попутчикъ въ дальней дорогѣ. Теперь собери всю свою память; передумай обо всемъ, что я тебѣ расказывалъ про наши давнія козацкія войны. Не ѣзди такъ открыто, какъ будто въ-гости; научись хитрости у лисицы, а терпѣливости у волка; день сиди въ камышахъ и байракахъ, а ночь лети быстрѣе птицы. Пусть тебѣ мѣсяцъ будетъ вмѣсто солнца, звѣзды вмѣсто провожатыхъ ***, а темная ночь самою луч-

* *Оксамитъ* — бархатъ.

** Привитаться — поздороваться.

*** Въ безлюдныхъ и ровныхъ степяхъ козаки угадывали путь днемъ по солнцу, по возвышеннымъ кряжамъ земли и по могиламъ, по звѣздамъ, вѣтрамъ и рѣчкамъ.

шею охраною. Охъ, когда бъ я могъ стряхнуть съ себя десятка два лишнихъ годовъ и выпрямить свою сгорбленную спину! не лежалъ бы я дома на боку, когда въ полѣ гремятъ противъ Ляховъ *гарматы* *. Прощай же, мой сыну! прощай, мой ясный соколъ! Донеси тебя Богъ счастливо до славнаго Запорожья; а тамъ рука твоя на что-нибудь пригодится, если то правда, что у тебя козацкое сердце.

Обнялись, поцѣловались—и черезъ минуту козаковъ не стало; только конскій топотъ слышенъ былъ въ полѣ.

Съ того времени старикъ и день и ночь думалъ о войнѣ Хмѣльницкаго — и какъ страстный любовникъ уносится мечтою къ своему предмету и созидаетъ вокругъ него рай по волѣ своихъ желаній, такъ и его воображеніе переносилось въ козацкій станъ, слышало отважныя рѣчи, видѣло великаго вождя, устрояющаго козаковъ къ страшному бою, бросалось съ ними въ пылъ сраженія, жадно точило непріятельскую кровь и торжествовало побѣду; и какъ любовникъ, любящій горячо и свято, много лѣтъ, съ нетерпѣніемъ, ожидаетъ времени, когда исполнятся его надежды и онъ получитъ награду за совершенство своей души, такъ и онъ съ томленіемъ, съ жаждою ожидалъ радостной вѣсти о

* *Гармата* — пушка.

торжествѣ православныхъ надъ Поляками. Когда жъ послѣ блистательной Корсунской побѣды разлетѣлся по всей Украйнѣ Бѣлоцерковскій универсалъ Богдана Хмѣльницкаго и къ самому Чепурному прискакалъ отъ сына гонецъ и, увидя его сидящаго на порогѣ хаты, еще въ воротахъ поднялъ вверхъ бумагу, крича ему издали: «радуйся! наша взяла! Ляхи побиты! сынъ твой сотникомъ»! старикъ хотѣлъ встать, протянулъ впередъ руки, но не могъ отъ радости перевести духу—и умеръ.

Такъ кончилъ жизнь свою сторонникъ отважнаго Наливайка. Сынъ его, подъ именемъ Поповича, продолжалъ сражаться подъ знаменами Хмѣльницкаго: первый являлся на *грецъ*, то есть на единоборный бой передъ началомъ сраженія, первый взлѣзалъ на непріятельскіе окопы, послѣдній уходилъ съ поля при ретирадѣ, съ радостью брался за самыя опасныя порученія гетмана. Дивились всѣ, какъ эта голова такъ долго держится на плечахъ, будучи безпрестанно въ сѣчахъ, въ огнѣ, въ опасностяхъ; дивился и самъ Богданъ Хмѣльницкій, замѣтившій его съ первыхъ дней службы по мужественному виду, красотѣ и смѣлости. Онъ скоро сдѣлалъ его сотникомъ, потомъ полковникомъ Паволочскимъ; часто приглашалъ на свои пиры и подносилъ изъ своей руки золотой кубокъ *горѣлки* *.

* *Горѣлка* — водка.

Когда жъ прошло нѣсколько лѣтъ въ безпрестанной войнѣ, и Чепурный воротился однажды къ Хмѣльницкому изъ кровавой схватки съ Поляками, Хмѣльницкій, посадивши его за столомъ межь генеральною старшиною и полковниками и подавши ему свой золотой кубокъ съ горѣлкою, спросилъ, какъ его зовутъ. Тотъ удивился и обидѣлся, однако жъ отвѣчалъ: — съ твоей гетманской милости и козацкой ласки полковникъ, а по имени Иванъ Чепурный.

— Якій ты Чепурный! сказалъ смѣясь гетманъ. Поведи рукою по своему лицу: одинъ черезъ другой лежатъ рубцы, закуренные порохомъ; только и красы, что козацкіе усы. Полно тебѣ зваться Чепурнымъ; называйся отнынѣ Шрамкомъ: пусть твои почтенные шрамы * не забудутся въ потомствѣ.

И пошелъ онъ съ той поры зваться въ козацкомъ войскѣ Шрамкомъ. По тогдашнему направленію умовъ, ничего лестнѣе нельзя было выдумать гетману для козака-рубаки. Шрамкò гордился своимъ прозвищемъ, какъ гордится полководецъ, получившій отъ своего государя новый титулъ во имя знаменитой своей побѣды — и оно прибавило ему

* *Шрамъ* — рубецъ на тѣлѣ послѣ раны; *Шрамко* — человѣкъ съ рубцами на лицѣ, balafré.

еще больше извѣстности во всей Малороссіи. Охочіе козаки стекались на его кличь скорѣе, нежели на кличь какаго бы то ни было предводителя; всякой считалъ на особенную честь воевать подъ начальствомъ такаго прославленнаго атамана — и имя полковника Шрамка было въ то время однимъ изъ самыхъ громкихъ именъ въ Малороссіи.

Такъ протекло десять кровавыхъ лѣтъ Хмѣльнищины. Сыновья Шрамковы успѣли въ это время возжать—и одинъ за другимъ являлись въ поле и служили надежными сподручниками страшнаго для Поляковъ и славнаго по всей Украйнѣ атамана. Двое изъ нихъ были убиты при осадѣ Смоленска; но любимѣйшій, Петро, на котораго Шрамко полагалъ всѣ свои надежды, пережилъ всѣ опасности десятилѣтней войны и служилъ утѣшеніемъ грустной старости наѣздника, избитаго въ бояхъ. Чувствуя упадокъ своихъ силъ, и видя, что задача освобожденія Малороссіи, какъ ему казалось, уже рѣшена, Шрамко оставилъ военное поприще и принялъ на себя священническій санъ, чтобъ, послуживши, какъ говорилъ онъ, людямъ, послужить еще и Богу. По виду онъ былъ еще свѣжъ и крѣпокъ; но когда на дворѣ была сырая погода, глубокія его раны отзывались несносною болью — и онъ громко кряхтѣлъ, поворачиваясь на своей постели. Послѣ военныхъ бурь и безпрерывной дѣятельности, онъ полюбилъ уединеніе и бездѣйствіе, какъ любитъ свою глухую пещеру левъ,

рыскавшій прежде съ неукротимою яростью по лѣсамъ, или какъ любитъ тихую воду гавани старый, разшатанный корабль, для котораго въ свое время и вѣтры и волны открытаго моря были не страшны. Въ случаѣ войны, онъ посылалъ своего сына въ походъ, а самъ хозяйничалъ, пилъ меды и наливки съ стариками-сосѣдами и вспоминалъ давніе подвиги; любилъ изрѣдка посѣтить какаго-нибудь дальнаго пріятеля, у котораго обыкновенно, по случаю его пріѣзда, собирались гости и заводился пиръ на цѣлую недѣлю; любилъ и самъ принять и угостить далекаго и близкаго гостя. Словомъ, велъ такую жизнь, лучше которой и выдумать нельзя для козака.

Такъ думалъ онъ окончить свои дни; думалъ, что Украйна наконецъ успокоится отъ войнъ, опустошавшихъ ее въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Но этой сторонѣ назначено было волноваться, горѣть пожарами и поливаться кровью до послѣдняго упадка ея вещественныхъ и нравственныхъ силъ. Козачеству, по естественнымъ условіямъ, такъ же чуждо было спокойствіе, какъ зазженному ядру, которое разитъ все, къ чему прикасается — наконецъ, когда уже ослабѣетъ сила его полета и оно упавши лежитъ неподвижно, и тогда еще его не трогай — отъ прикосновенія оно получаетъ новую силу и опять готово поражать съ прежнею яростью. Сперва зашутилъ козацкими головами хитрый Выговскій; потомъ

недостойный сынъ Хмѣльницкаго, своимъ слабодушіемъ, далъ Полякамъ возможность схватиться снова за Украйну. Наслѣдовавшій послѣ Юрія Хмѣльницкаго гетманъ Тетеря радъ былъ оторвать одну половину Малороссіи отъ другой, чтобъ только удержать за собою лестное титло гетмана. Какая участь постигнетъ родину — до этаго ему не было нужды: онъ больше думалъ объ утвержденіи связей своихъ съ Польскими магнатами, нежели о сохраненіи правъ Украинскаго народа, купленныхъ столь ужаснымъ кровопролитіемъ. Уже паны Польскіе, пользуясь потачкою гетмана, мало-по-малу стали поселяться въ Украйнѣ. Подъ ихъ протекціею и Жиды начали прибирать къ своимъ рукамъ откупа̀ и разныя отрасли промышденности. Не рѣдко мелькала межъ народомъ и ненавистная для Украинца фигура ксёнза католическаго. Старый Шрамко видѣлъ, къ чему все это клонится. Душа его возмутилась страшными опасеніями. Онъ рѣшился противодѣйствовать Тетерѣ всѣми возможными мѣрами, предостерегалъ отъ искушеній простой народъ, поселялъ недовѣрчивость и нелюбовь къ гетману въ козакахъ, на которыхъ имѣлъ всегда великое вліяніе—а теперь, по принятіи священническаго сана, тѣмъ больше. Наконецъ, когда умеръ полковникъ Паволочскій, и на полковой радѣ зашелъ вопросъ, кого избрать на мѣсто его полковникомъ, Шрамко явился въ своей священнической рясѣ на раду и сказалъ: — Дѣти мои! наступаютъ грозныя време-

на; скоро, можетъ быть, вы увидите себя овцами посреди волковъ. Нужно вамъ теперь такаго полковника, который бы привыкъ гонять этихъ волковъ за Случь и за Вислу, который бы любилъ Украйну, какъ родную мать, а козаковъ, какъ родныхъ дѣтей своихъ. Не одну да и не двѣ пули ношу я въ своемъ тѣлѣ; но еще крѣпка рука моя. Вамъ же теперь нужна не столько рука, сколько голова, которая бъ знала, что было прежде, и что впереди будетъ, кого считать врагомъ, и кого пріятелемъ. Послужилъ я православному Христіанству при батькѣ Хмѣльницкомъ; послужу вамъ, дѣти мои, еще и теперь, если будетъ на то ваша воля!

Всѣ были въ восторгѣ отъ такаго предложенія (даже и тѣ, которые сами надѣялись быть избранными въ полковники), подняли одобрительный крикъ, прикрыли Шрамка своими шапками и знаменами, вручили ему полковничьи клейноды и провозгласили предъ всѣмъ народомъ полковникомъ [*], при пушечной пальбѣ, какъ водилось по обычаю [2].

Гетманъ Тетеря съ неудовольствіемъ и тайнымъ опасеніемъ узналъ объ этомъ непредвидѣнномъ избраніи, но не осмѣлился уничтожить опредѣленія полковой рады и прислалъ Шрамку подтвердитель-

[*] О Паволочскомъ попѣ-полковникѣ см. *Лѣтопись Самовидца, или Романовскаго* и *Лѣтопись Грабянки.*

ный свой универсалъ на званіе полковника [3]. Съ того времени оба они, сохраняя видъ пріязни, наблюдали взаимно за каждымъ дѣйствіемъ одинъ другаго. Наконецъ Шрамко задумалъ что-то рѣшительное и выѣхалъ тайно изъ Паволочи, распустивши слухъ о своей болѣзни и сдавши управленіе полкомъ и городомъ своему асаулу Лобасу.

Приключеніе по дорогѣ съ Поляками, которое такъ его забавляло, смутило однако жъ спокойствіе его души. Онъ опасался, чтобъ не узналъ Тетеря о его тайномъ выѣздѣ изъ Паволочи; но дѣло уже было начато—и Шрамко рѣшился продолжать его, не смотря на всѣ препятствія и опасности.

*

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. *А то сунулись.*

Послѣ того, какъ Хмѣльницкій отрѣзанъ былъ отъ своего войска, козаки сильно защищались, такъ—что Поляки рѣшились выморить ихъ голодомъ, и чтобъ воспрепятствовать ихъ ретирадѣ, поставленъ

былъ сильный отрядъ войска при переправѣ черезъ болото. Одинъ Полякъ, очевидецъ этой ретирады, такъ расказываетъ о бѣгствѣ козаковъ изъ-подъ Берестечка. «Въ то время произошло въ ихъ станѣ, не извѣстно отъ чего, какое-то страшное смятеніе; ибо одни бѣжали во весь духъ къ переправѣ, а другіе, бросивши военные снаряды, оружіе, пушки, возы, коней, плѣнниковъ, больныхъ, женщинъ и пр. и пр., какъ опаленные бѣжали, зажмуривши глаза, сами не зная куда. Наши подозрѣвали, не штука ли это какая-нибудь, и потому не скоро за ними двинулись, такъ-что поставленный на переправѣ отрядъ, думая, что на нихъ ударила вся наша сила, отступилъ оттуда. Наконецъ наши, увидѣвши, что (козацкій) обозъ опустѣлъ, бросились и, кого тамъ застали, перебили на смерть, разграбили возы и забрали найденныя тамъ вещи, какъ-то: сермяги, мѣшки, рядна, ремни, желѣзо и другія подобныя вещи. Такова-та была нашимъ награда за богатства, потерянныя подъ Пилявцами»! (Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego, 90.)

Изъ этаго показанія видно, что мы не такъ сильно пострадали подъ Берестечкомъ, какъ описываютъ позднѣйшіе лѣтописцы и историки. То только горе, что мы потеряли всю свою артиллерію и шкатулку съ гетманскими бумагами. Артиллеріи жъ было у насъ по городамъ довольно, ибо мы нѣскол-

ко разъ отбивали ее у Поляковъ; но бумаги погибли навсегда. Авторъ приведенныхъ выше Pamiętników говоритъ, что шкатулка съ гетманскими бумагами отдана была королю: можетъ-быть, порывшись въ Краковскомъ архивѣ, можно бы отыскать хоть нѣкоторыя изъ нихъ.

2. *Какъ водилось по обычаю.*

Обычай этотъ сохранился и тогда, когда избраніе въ полковники зависѣло уже не отъ полковой рады, а отъ непосредственнаго Царскаго распоряженія. Въ *Партикулярномъ Журналѣ* Ник. Дан. Ханенка, подъ 1742 годомъ, читаемъ любопытное описаніе обряда при утвержденіи полковника. «Подлугъ отданнаго вчора приказу собранъ полкъ съ знаменами передъ мою квартеру; а потомъ, какъ прибылъ и полковникъ ко мнѣ, то отдана ему честь отъ всего полку поднятіемъ ружья на караулъ и зъ музыкою. Потомъ пошолъ полкъ строемъ къ соборной церкви, и какъ тамъ построился въ тріангулъ, то и я зъ полковникомъ пріѣхалъ цугомъ предъ полкъ, гдѣ отдана намъ честь, при игранью музыки, ружьемъ и выпалено зъ трехъ штукъ. Потомъ, какъ приступили всѣ сотенные корогвы къ полковымъ знаменамъ, и старшина полковая и сотники и значковые посередъ строю при знаменахъ стали, то я, учинивъ объявленіе о опредѣленіи въ полкъ Стародубовскій полковникомъ господина Максимовича,

велѣлъ читать въ-слухъ всѣмъ данный изъ Войсковой Енеральной Канцеляріи оному жъ господину полковнику унѣверсалъ, который и читалъ писарь полковый Стефанъ Петрункевичъ; а по прочтеніи унѣверсалу взялъ я первей болшое полковое знамя, потомъ значокъ полковый же, оные вручалъ полковнику, потомъ, показавъ ему жъ лѣтавры и музыку полковую и сотенныя знамена, велѣлъ его всѣми знаменами окрыть и, по здѣшнему обычаю, покрывъ его шапками, окончали тую церемонію поздравленіемъ его полковника полученіемъ той Императорской милости, при чемъ паки изъ пяти пушекъ выпалено, и пошли всѣ въ церковь; а по службѣ Божой было молебствіе при трократкой изъ пушекъ пальбѣ; а на остатокъ изъ мелкаго ружья козаки одинъ залпъ выпалили. Потомъ обѣдали у полковника и, при многократной зъ мортировъ и мелкаго ружья палбѣ, гуляли допоздна въ ночь».

3. *Прислалъ Шрамку универсалъ на званіе полковника.*

Это не былъ единственный примѣръ соединенія духовнаго сана съ свѣтскимъ. Архіепископъ Конисскій пишетъ въ своей *Исторіи Руссовъ*, что въ 1708 году, когда, во время Шведской войны, Новгородъ-Сѣверскъ, по убѣжленію протопопа Лисовскаго, принялъ сторону Царя Петра, Петръ по-

жаловалъ Лисовскаго Новгородсѣверскимъ сотникомъ, и новый сотникъ «по воскресеньямъ служилъ въ церкви въ эпатрахилѣ, а въ будни засѣдалъ въ сотенномъ правленіи, при саблѣ, съ бородою, судя и благословляя тяжущихся».

(Продолженіе въ слѣдующемъ №.)

УЧАСТІЕ ДЕРЖАВИНА ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ВѢСТНИКѢ.

ЧЕТЫРЕ ГОДА.

(1778 — 1781.)

1.

«Каждый мѣсяцъ, или двенадцатая доля годичнаго изданія сего журнала будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій, изъ коихъ одно ученымъ, а другое политическимъ названо быть можетъ.»

Предувѣдомленіе Спб. Вѣстн.

Какъ прожилъ Державинъ первые тридцать четыре года своей жизни, было разсмотрѣно прежде (Современника т. XXXVII, стр. 121—184). Послѣ того и дѣятельность и обстоятельства его принимаютъ совершенно новый видъ: вскорѣ по изданіи нѣсколькихъ стихотвореній своихъ (Читалагайскихъ одъ и др.), онъ переходитъ въ статскую службу, женится, и въ поэзіи усвоиваетъ себѣ самобытное направленіе, котораго первые результаты являются въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ.

Этотъ журналъ началъ издаваться съ 1778-го года и, кромѣ разныхъ мелкихъ сочиненій въ прозѣ и въ стихахъ, сообщалъ также указы и оффиціальныя извѣстія, а стоилъ всего 4 ас. рубля въ годъ. Издателемъ его былъ чиновникъ Иностранной Коллегіи Григорій Брайко, который въ литературѣ ограничился переводами. * Вѣстника вышло семь частей; изъ нихъ каждая заключаетъ въ себѣ по полугодію (отъ Генваря 1778-го до Іюня 1781-го года), и въ каждой мы находимъ стихи Державина, большею частію даже нѣсколько его стихотвореній, но всегда безъ всякой подписи. Тамъ сперва напечатаны его двѣ пѣсни Петру Великому, о которыхъ было говорено въ предыдущей статьѣ, гдѣ на счетъ одной изъ нихъ замѣчено, что она пріобрѣла довольно обширную извѣстность. У Львова напечатано: «Пѣснь сія была въ великомъ употребленіи въ Масонскихъ ложахъ, въ которыя авторъ хотя и привлекаемъ

* Что издателемъ Спб. Вѣстника былъ Брайко, въ томъ согласны показанія Остолопова, Дмитріева и автора Словаря свѣтскихъ писателей (статья *Богдановичъ).* Отъ чего же г-нъ Гречь, не только въ Опытѣ краткой ист. Русс. литер., но и послѣ, въ Чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ, говоритъ, что первымъ издателемъ Спб. Вѣстника, въ теченіе 16-ти мѣсяцевъ, былъ Богдановичъ? По Словарю свѣт. писат., Богдановичъ въ то время только «*участвовалъ* въ составленіи» Санктпетербургскаго Вѣстника. Но и это становится сомнительнымъ, когда мы здѣсь въ Августовской книжкѣ 1778-го года (стран. 186) находимъ рѣзкую полемическую статью противъ Богдановича, который, прочитавъ въ предыдущей книжкѣ этаго журнала не совсѣмъ выгодный отзывъ о своемъ *Историческомъ изображеніи Россіи,* помѣстилъ въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ язвительное письмо, гдѣ «далъ возчувствовать гнѣвъ свой.»

былъ неоднократно, но никогда въ оныхъ не участвовалъ (Льв. II, стр. 35)». Любопытно видѣть, какъ въ обѣихъ пѣсняхъ многіе стихи послѣ были совершенно измѣнены Державинымъ въ слѣдствіе быстрыхъ успѣховъ его въ поэтическомъ выраженіи. Будущему издателю сочиненій Державина предлежитъ между прочимъ забота указать при его стихотвореніяхъ всѣ тѣ варьянты, какіе еще можно пріискать къ нимъ либо въ рукописяхъ, либо по крайней мѣрѣ въ старыхъ журналахъ — что будетъ очень важно для изученія какъ развитія Державина, такъ и исторіи Русскаго языка, особливо стихотворнаго.

Въ Февральской книжкѣ Вѣстника за 1779-й годъ помѣщено *Собраніе разныхъ надписей*. Такъ-какъ нѣкоторыя изъ нихъ перешли въ составъ изданныхъ особо сочиненій Державина, въ журналѣ же ничѣмъ не отличены отъ остальныхъ, то явно, что всѣ эти надписи, напечатанныя подъ однимъ общимъ заглавіемъ, принадлежатъ перу нашего поэта *.

* Вотъ ихъ оглавленіе:

1. *На изображеніе Петра Великаго.*
2. *На статую его.*
3. *На гробъ его.*
4. *На шествіе въ Казань Ея Величества 1767-го году.*
5. *На Маскерадъ, бывшій въ Казани, гдѣ на своихъ инструментахъ играли и плясали предъ Ея Величествомъ Нагайцы и прочіе азіатскіе народы, въ томъ же году.*
6. *На Петергофъ.*
7. *На поднесеніе Ея Величеству титла Екатерины Великой.*

Надобно сказать правду: всѣ онѣ написаны стихами, въ которыхъ невозможно бы угадать будущаго творца *Фелицы*; но тѣмъ эти пьесы еще замѣчательнѣе для наблюдающаго ходъ развитія талантовъ, для духовной исторіи Державина, который въ слѣдующемъ же году заговорилъ совсѣмъ инымъ языкомъ. Впрочемъ самыя заглавія нѣкоторыхъ *надписей* уже показываютъ, что онѣ относятся къ болѣе отдаленной эпохѣ жизни поэта, и двѣ-три, по всей вѣроятности, написаны даже прежде, нежели онъ сжегъ свои бумаги въ карантинѣ. Въ *полномъ* собраніи сочиненій Державина всѣ должны бы непремѣнно найти мѣсто, конечно не для эстетическаго наслажденія, но какъ знаки одной изъ ступеней, по которымъ восходилъ геній Державина.

8. *На случай разломки московскаго Кремля, когда авторъ отъѣзжалъ изъ сего города въ 1779-мъ году.*

9. *На побѣду надъ Турками въ новой 1772-й годъ.* — Это стихотвореніе внесено въ собраніе сочиненій Державина; о немъ было упомянуто въ первой статьѣ

10. *Ея Величеству на открытіе Намѣстничествъ 1775-го году.*

11. *На изображеніе Өеофана.*

12. *На Кантемира.* Изъ этой надписи сохранены въ собраніи сочиненій Державина (Т. II, Надписи) два послѣдніе стиха съ измѣненіемъ только двухъ словъ; вотъ эти стихи въ исправленномъ видѣ:

Старинный слогъ его достоинствъ не умалитъ:
Порокъ, не подходи! сей взоръ тебя ужалитъ!

А вотъ и вся первоначальная надпись:

Се равный остротой Боалу Кантемиръ,
Министръ и первый нашъ онъ былъ творецъ сатиръ.

Въ Августовской книжкѣ 1779-го года помѣщена *Епистола Его Высокопревосходительству Ивану Ивановичу Шувалову, на прибытіе его изъ чужихъ краевъ въ Санктпетербургъ 1777-го года сентября 17-го дня.* Въ предыдущей статьѣ сказано, что это стихотвореніе Державинъ сперва напечаталъ особо, въ томъ же году, какъ и Читалагайскія оды. Изъ нѣсколькихъ строкъ, тогда же помѣщенныхъ въ журналѣ Новикова: *Утренній Свѣтъ*, надобно вывести заключеніе, что Державинъ сперва посылалъ свою *Епистолу* въ редакцію этаго изданія, но стиховъ его не приняли. Вторая (Октябрская) книжка *Утренняго Свѣта* за 1777-й годъ оканчивается объясненіемъ:

«*Епистола*, сообщенная къ намъ, напечатана не будетъ, хотя бы и искренно желали, помѣщеніемъ оныя, засвидѣтельствовать справедливую похвалу сему истинному другу Отечества нашего, къ которому она писана: но мы ограничили свои листы вмѣщеніемъ въ нихъ только нравоучительныхъ со-

Не чистый слогъ, его *въ потомствѣ* не умалитъ:
Порокъ не подходи! сей взоръ тебя ужалитъ.

13. *На Поповскаго.*
14. *На Лосенкова.*
15. *На Чемесова.*
16. *На Ломоносова.*

За этимъ слѣдуетъ особая пьеса —

Пѣсенка отсутствующаго мужа, послѣ передѣланная; о ней вскорѣ будетъ рѣчь.

чиненій, служащихъ ко исправленію нравовъ и просвѣщенію». Названіе *Епистолы*, слова редакціи объ ея содержаніи и время, когда они были написаны, даютъ намъ полное право подозрѣвать, что отвергнутымъ стихотвореніемъ была *Епистола Шувалову*. Это предположеніе еще болѣе укрѣпляется, когда между *именами подписавшихся особъ* въ первой (Сентябрской) книжкѣ *Утренняго Свѣта* читаемъ: «Его Высокоблаг. Гаврило Романовичь Державинъ 1 экземпляръ».

Такимъ образомъ журналъ Новикова самъ себя лишилъ почетнаго преимущества быть однимъ изъ тѣхъ, гдѣ потомству любопытно находить первые труды славнаго поэта — преимущество, которое даже и такому ничтожному изданію, каковъ былъ Спб. Вѣстникъ, придаетъ особенную цѣну въ Исторіи Литературы.

Эпистола Шувалову, подобно *надписямъ*, сочинена Александринскими стихами, и хотя тоже рѣзко отличается отъ позднѣйшихъ произведеній Державина, однако тутъ ужъ попадаются мѣста, напоминающія нѣкоторые пріемы поэта въ лучшее время его таланта. Характерическими показались мнѣ строки:

Согласіе стиховъ безъ истины — Цирцея.
Божественный языкъ на похвалу людямъ,
Безъ наставленья имъ, есть вредный ѳиміамъ.

И–такъ вотъ ключь къ тѣмъ высокимъ урокамъ мудрости, которыми наполнены оды Державина. Эпистола Шувалову написана была въ *Казани*, какъ видно изъ послѣднихъ ея стиховъ:

Съ предѣловъ Болгарскихъ, съ отпадшихъ странъ луны
. . . .
Оттоль сей идетъ гласъ, и проч.

Служба безпрестанно доставляла поэту случай бывать на родинѣ.

Всѣ указанныя здѣсь пьесы, по самому времени своего происхожденія, принадлежатъ еще къ первой эпохѣ таланта Державина; но онѣ отнесены къ этой статьѣ по тому, что первоначально помѣщены были въ Спб. Вѣстникѣ, а участіе въ немъ Державина составляетъ одно изъ явленій, знаменующихъ его переходъ изъ первой во вторую эпоху.

2.

«Блаженъ ты, добрый мужъ! ты Ангела снискалъ!»
Дмитріевъ къ Державину.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ переименованія Державина въ Коллежскіе Совѣтники, онъ

опредѣленъ былъ экзекуторомъ въ Сенатъ. Въ слѣдующемъ (1778) году находимъ у него стихи *Невѣстѣ*:

Хотѣлъ бы похвалить, но чѣмъ начать, не знаю.
Какъ роза ты нѣжна, какъ ангелъ хороша;
Пріятна какъ любовь; любезна какъ душа;
Ты лучше всѣхъ похвалъ; тебя я обожаю!

. . . .

Лилеи на холмахъ въ груди твоей блистаютъ,
Зефиры кроткіе во нравъ тебѣ даны,
Долинки на щекахъ, улыбки зарь, весны;
На розахъ устъ твоихъ соты благоухаютъ.

. . . .

Какъ счастливъ смертный, кто съ тобой проводитъ время!
Счастливѣе того, кто нравится тебѣ:
Въ благополучіи кого сравню себѣ,
Когда златыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя?

Державинъ, сдѣлавшись сенатскимъ чиновникомъ, будучи обезпеченъ въ способахъ жизни, на 35-мъ году отъ рожденія помышляетъ жениться. Его невѣста—не та плаксивая *Всемила*, которую онъ воспѣвалъ прежде, но осьмнадцатилѣтняя Катерина Яковлевна Бастидонова, дочь кормилицы Императора Павла и Португальца Бастидона, камердинера Петра III. Судя по всему, это было од-

но изъ тѣхъ счастливыхъ существъ, которыя вмѣщаютъ въ себѣ самые разнообразные дары природы. Объ ней съ большимъ уваженіемъ говорятъ Львовъ и Дмитріевъ; самъ поэтъ обезсмертилъ ее подъ звучнымъ именемъ Плѣниры, которое такъ часто повторяется въ его стихотвореніяхъ, окруженное сіяніемъ всѣхъ женскихъ прелестей. По словамъ Дмитріева, «она съ пригожествомъ лица соединяла образованный умъ и прекрасныя качества души, такъ сказать любивой и возвышенной. Она плѣнялась всѣмъ изящнымъ и не могла скрывать отвращенія своего отъ всего низкаго. Каждое движеніе души обнаруживалось на миловидномъ лицѣ ея *! По горячей любви своей къ супругу, она съ живѣйшимъ участіемъ принимала къ сердцу все, что ни относилось до его благосостоянія. Авторская слава, успѣхи, неудовольствія по службѣ, были какъ будто ея собственныя. — — — Воспитаніе ея было самое обыкновенное, какое получали тогда въ приватныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но она по выходѣ въ замужество пристрастилась къ лучшимъ сочиненіямъ Французской и отечественной словесности. Въ обществѣ друзей своего супруга, она пріобрѣла вѣрный вкусъ и здравое сужденіе о красо-

* У г. Сенатора К. М. Бороздина видѣлъ я небольшой портретъ Плѣниры; глубоко запечатлѣваются въ памяти тонкія черты ея оживленнаго, умнаго лица, которому огненные глаза и яркій румянецъ придаютъ совершенно южный характеръ.

тахъ и недостаткахъ сочиненія; отъ нихъ же, а болѣе отъ Н. А. Львова и А. Н. Оленина, получила основательныя свѣдѣнія въ музыкѣ и архитектурѣ.» Издатель *Объясненій на сочиненія Державина* (Ѳ. П. Львовъ) приписываетъ ей отличныя способности и называетъ ее искусницею въ рисованіи и другихъ ручныхъ дамскихъ работахъ. Въ домѣ поэта одна комната была убрана соломенными обоями трудовъ Плѣниры, и Капнистъ, въ одѣ на смерть ея, разумѣетъ эту самую комнату, когда говоритъ:

«Въ семъ чертогѣ, испещренномъ
Хитрою ея рукой....»

10-го Апрѣля 1778 года была свадьба Державина. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы вдругъ встрѣчаемъ его далеко отъ молодой супруги, на берегахъ Камы. Былъ Ноябрь мѣсяцъ; по рѣкѣ шелъ ледъ; она долго не становилась; поэтъ спѣшилъ изъ Оренбурга въ Казань, но былъ задержанъ Камою. На родинѣ Державина еще жила мать его; но не объ ней думалъ онъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи: къ берегамъ Невы стремились мысли его — и онъ сложилъ *Пѣсенку отсутствующаго мужа*, помѣщенную вскорѣ въ Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ. Въ собраніи своихъ сочиненій, Державинъ, измѣнивъ въ ней многое, назвалъ ее *Препятствіемъ къ свиданію съ супругою*:

Что начать мнѣ въ утѣшенье
Безъ возлюбленной моей?
Сердце! бодрствуй въ сокрушеньѣ:
Я увижусь скоро съ ней.

. . . .

Сколько будетъ разговоровъ!
Сколько радостей прямыхъ!
Сколько милыхъ, сладкихъ взоровъ,
Лучше и утѣхъ самихъ!
Укротися же, стихія!
Подстелися путь стопамъ!
Для жены моей младыя
Должно быть послушнымъ вамъ.

. . . .

Жизнь утѣхи и покою,
Возвратись опять ко мнѣ!
Жизнь съ столь милою женою —
Рай во всякой сторонѣ.

Въ первоначальномъ видѣ своемъ эта *пѣсенка* показываетъ, какъ въ то время еще не силенъ былъ Державинъ въ борьбѣ съ внѣшними трудностями стихотворства. Изъ этаго должно заключать, что и пьеса *Невѣстѣ*, напечатанная не прежде, какъ подъ конецъ жизни Державина, много измѣнена въ собраніи его сочиненій. И-такъ, чтобы изучать постепенное развитіе его таланта, мало имѣть передъ

собой стихотворенія его въ хронологическомъ порядкѣ: надобно, сверхъ того, читать ихъ по-возможности и въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись первоначально.

3.

Самобытное направленіе въ поэзіи.

Кажется, какъ будто любовь Плѣниры дала новую жизнь таланту Державина. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ женитьбы и именно послѣ его поѣздки въ Оренбургъ, начинается у него рядъ стихотвореній, которыя можно по-справедливости назвать *прелюдіями* къ *Фелицѣ*.

Въ Сентябрѣ 1779 года прочитали въ Спб. Вѣстникѣ оду *На смерть Князя Мещерскаго;* въ Октябрѣ оду *Ключь;* въ Декабрѣ стихи *На рожденіе въ Сѣверѣ Порфиророднаго Отрока.* Не видя подъ этими пьесами подписи, современники конечно никакъ не могли подумать, что онѣ написаны тѣмъ же перомъ, которое прежде снабжало журналъ стихами, иногда довольно плохими. Впрочемъ, вѣроятно, мало кто обратилъ вниманіе на новыя произведенія Державина: для публики всегда нужно имя, которое бы, какъ штемпель, служило ей ручательствомъ въ

добротности того, что ей предлагается. Даже и опытный глазъ не всегда отличитъ съ перваго взгляда произведеніе неизвѣстнаго таланта. Въ самомъ дѣлѣ, Дмитріевъ, исчисляя упомянутыя здѣсь и послѣдующія сочиненія Державина, замѣчаетъ, что «ни въ обществѣ, ни даже въ журналахъ того времени не говорено было ничего объ этихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ; малое только число словесниковъ-друзей его чувствовали всю ихъ цѣну».

По расказу самаго поэта, Остолоповъ говоритъ, что онъ съ 1779 года избралъ *совершенно особый путь*, а что до тѣхъ поръ онъ старался подражать Ломоносову. Одаренный самобытнымъ дарованіемъ, онъ въ такой стѣсненной дѣятельности не могъ бы находить удовлетворенія даже и тогда, когда бы образецъ его былъ равенъ ему въ силахъ. Тѣмъ труднѣе было ему примириться съ самимъ собою, когда онъ шелъ по слѣдамъ писателя, который, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ таланту поэтическому, былъ гораздо ниже его. Въ 1777 году Державинъ написалъ двѣ оды на рожденіе Великаго Князя Александра Павловича, но, недовольный обѣими, не напечаталъ ни одной изъ нихъ. Это показываетъ, что, уже въ годъ изданія Читалагайскихъ одъ, онъ былъ въ борьбѣ съ самимъ собою, не одобрялъ того, что писалъ доселѣ, стремился опредѣлить себя, стать на дорогу самобытную. Общимъ характеромъ

тогдашнихъ торжественныхъ одъ — господствовавшаго рода поэзіи — были натянутость содержанія, преобладаніе стѣснительныхъ формъ, условныхъ правилъ реторики, ораторская напыщенность («витійство»), длиннота — словомъ, неестественность во всѣхъ видахъ. Державинъ хотя и не сознавалъ ясно этихъ недостатковъ, отъ которыхъ не былъ свободенъ и Ломоносовъ, однако жъ чувствовалъ всю тягость такихъ узъ. Но, въ скромности своей, не подозрѣвая еще избытка собственныхъ силъ, онъ неудачу своихъ подражаній Ломоносову объяснялъ тѣмъ, «что талантъ его не былъ внушаемъ одинаковымъ геніемъ: онъ хотѣлъ парить и не могъ постоянно выдерживать, красивымъ наборомъ словъ, свойственнаго единственно Россійскому Пиндару велелѣпія и пышности.» Если эти строки написаны Остолоповымъ съ словъ самаго поэта, то надобно сознаться, что Державинъ не могъ ни произнести болѣе жестокаго приговора поэзіи Ломоносова, ни рѣшительнѣе похвалить самаго себя. Ясно, что онъ безотчетно чувствовалъ потребность быть вѣрнымъ *истинѣ*, *природѣ*, выражать въ поэзіи свою духовность. Между-тѣмъ онъ познакомился съ славившеюся въ то время теоріею эстетики Баттё, который основаніе всякаго искуства полагалъ въ *подражаніи изящной природѣ*. Ухватясь за это мнѣніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее, какъ Державину казалось, внутреннему его требованію, онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, откинулъ неумѣстную высокопарность и въ самомъ языкѣ

сталъ болѣе прежняго примѣняться къ рѣчи разговорной; особливо же онъ съ этихъ поръ сдѣлался въ своихъ стихотвореніяхъ *живописцемъ* и *философомъ*.

Изъ Разсужденія его о Лирической поэзіи видно, что онъ считалъ *нравоученіе* одною изъ главныхъ принадлежностей достоинства оды. По этому предмету говоритъ онъ между прочимъ: «Величіе, блескъ и слава сего міра проходятъ; но правда, гремящая во псалмопѣніяхъ славословіе Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ вовѣки! По сему-то, думаю я, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація, что и въ первомъ блещутъ искры Богопочтенія и наставленія людямъ; а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія. Въ разсужденіи чего нравоученіе, кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ лирическихъ пѣсней, но даже ихъ и украшаетъ.» Эти слова, вмѣстѣ съ приведенными стихами изъ Эпистолы И. И. Шувалову, объясняютъ намъ, почему Державинъ сообщилъ своей поэзіи, въ такой высокой степени, характеръ нравоучительный и сатирическій. *Величіе, блескъ и слава сего міра проходятъ; но правда пребываетъ и пребудетъ вовѣки* — многозначащія слова въ устахъ геніальнаго поэта! И вся поэзія Державина не есть ли безпрерывное развитіе глубокаго смысла этихъ словъ? Торжество вѣчнаго и духовнаго надъ преходящимъ и тлѣн-

нымъ — вотъ постоянная тема его поэзіи. И въ чемъ, если не въ воплощеніи этой высокой идеи, заключается призваніе искуства на землѣ?

Мысль о *нравоученіи*, какъ одномъ изъ качествъ оды, конечно согласовалась съ естественнымъ настроеніемъ ума Державина; такъ и другое требованіе піитики, какую онъ составилъ себѣ — *блестящія, живыя картины* — давало полный разгулъ его неисчерпаемо-богатому, изобрѣтательному воображенію.

Изъ сказаннаго достаточно видно, что̀ должно разумѣть подъ *особымъ путемъ*, какой избралъ Державинъ съ 1779 года.

4.

«Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ.»

Хотя Державинъ все еще сохранялъ покровъ безыменности, однако жъ онъ не былъ равнодушенъ къ славѣ. Его постоянно интересовало знать, какое дѣйствіе производятъ его стихи на публику—и издатель Сбп. Вѣстника сообщалъ ему иногда отзывы читателей объ его пьесахъ. Въ одѣ *На смерть Кня-*

зя Мещерскаго есть одна строфа, гдѣ Державинъ знакомитъ насъ съ тогдашнимъ состояніемъ души своей. Выписывая эту строфу изъ собранія его сочиненій, помѣщу въ скобкахъ слова, употребленныя имъ первоначально, но въ послѣдствіи измѣненныя.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта
Исчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжитъ красота, (— — жжетъ мя красота)
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ, (Не столь мой — —)
Не столько я благополученъ; (Не столь я сталъ — —)
Желаніемъ честей размученъ: (Желаньемъ пышности — —)
Зоветъ, я слышу, славы шумъ. (Влечетъ меня и чести шумъ).

Такъ писалъ Державинъ на 37-мъ году жизни. Вспомнимъ, какъ Пушкинъ, приближаясь къ тридцатилѣтнему возрату, прощается съ юностію. Какая разница обстоятельствъ и опытовъ! Державинъ, когда ему ужъ скоро подъ-сорокъ, только-что начинаетъ понимать свое поэтическое призваніе, еще только идетъ навстрѣчу славы, а Пушкинъ, когда ему не исполнилось и 30-ти лѣтъ, восклицаетъ:

«Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ...
Позналъ я гласъ иныхъ желаній»;

слава уже надоѣла ему. Когда Державинъ въ пер-

вый разъ замѣтилъ, что его молодость исчезла, онъ былъ на *половинѣ* своего жизненнаго пути; послѣ того онъ жилъ еще *тридцать шесть* лѣтъ. Когда Пушкинъ прощался съ своею *легкою юностью*, ему не оставалось жить и *десяти* лѣтъ; вся его жизнь была не многимъ длиннѣе половины вѣка Державина.

Хотя ода, подавшая поводъ къ этимъ размышленіямъ, написана по случаю кончины вельможи, но въ ней только двѣ строфы, или собственно даже только нѣсколько стиховъ, прямо относятся къ умершему; остальныя девять строфъ заняты мыслями о непрочности жизни, о непостоянствѣ страстей и суетности всѣхъ благъ земныхъ. Такимъ образомъ смерть Князя Мещерскаго только возбудила творчество Державина, но не послужила сама предметомъ цѣлой оды, какъ можно бы предполагать по заглавію и какъ безъ сомнѣнія было бы, если бъ поэтъ поступилъ по примѣру своихъ предшественниковъ. То же замѣчаемъ мы и вообще въ послѣдующихъ произведеніяхъ Державина. Никто лучше его не оправдываетъ замѣчанія Гёте, что стихотворенія, сочиненныя на случаи, составляютъ самый истинный изъ всѣхъ родовъ поэзіи. *

Князь А. И. Мещерскій, Главный Судья Та-

* Göthe's Werke. Dichtung und Wahrheit. 10-tes Buch, на 1-й страницѣ.

моженной Канцеляріи, часто давалъ у себя пиры, на которыхъ бывалъ и Державинъ. Противоположность между роскошною жизнью вельможи и ничтожествомъ, въ какое повергла его смерть, между прежнимъ блескомъ шумнаго его дома и настоящимъ, мрачнымъ безмолвіемъ въ тѣхъ же стѣнахъ, вотъ что плодотворно потрясло душу поэта и наполнило ее образами, которые вдохновеніе облекло въ звуки.

Бой часовъ заставляетъ его воскликнуть:

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ, (Зоветъ меня отъ жизни онъ)
Зоветъ... и къ гробу приближаетъ.

Чрезъ нѣсколько строфъ, обращаясь къ умершему, онъ говоритъ между прочимъ:

Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—Онъ тамъ. Гдѣ тамъ?—Не знаемъ!
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»

Стоитъ замѣтить, въ какомъ видѣ эти четыре стиха первоначально напечатаны были въ Спб. Вѣстникѣ:

Здѣсь *персть твой*, а духъ *твой тамъ*,
Онъ тамъ, онъ тамъ, *а гдѣ* не знаемъ,
Мы только плачемъ и *вздыхаемъ*,
О горе намъ рожденнымъ въ свѣтъ!

Здѣсь Державинъ не умѣлъ совладѣть съ трудностью рифмы и оставилъ два стиха безъ созвучія— недостатокъ, который послѣ ему удалось отстранить такъ естественно. Оба первые стиха отъ сдѣланной перемѣны чрезвычайно выиграли: вотъ какъ много значитъ иногда одно маленькое словечко — вездѣ, но особливо въ поэзіи! Что касается до словъ *черсть твой*, то это конечно одна изъ тѣхъ опечатокъ, которыми пестрѣется Вѣстникъ, вообще наполненный небрежностями всякаго рода.

Отъ размышленій о могуществѣ смерти и краткости жизни Державинъ въ приведенной уже строфѣ переходитъ къ себѣ самому, къ своимъ чувствамъ и страстямъ; но при мысли, что подобно-какъ *молодость* его уже исчезла,

— такъ и *мужество* пройдетъ
И вмѣстѣ къ *славѣ* съ нимъ *стремленье*,
Богатствъ стяжаніе минетъ
И въ сердцѣ всѣхъ *страстей волненье* —

при этой мысли онъ, постигая суетность всѣхъ тѣхъ благъ, въ желаніи которыхъ сознался, нахо-

дитъ внезапное утѣшенье въ идеѣ, что у человѣка есть и вѣчное достояніе — онъ восклицаетъ:

Подите счастья прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны,
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

И послѣ этаго смерть, которую онъ начерталъ-было въ такомъ страшномъ величіи, уже не кажется ему ужасною; обращаясь къ другу умершаго, онъ спокойно говоритъ ему:

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?

Перфильевъ, Генералъ-Маіоръ, былъ кавалеромъ при воспитаніи Императора Павла. Ему сперва вся ода была посвящена; но тогда имя его, какъ и самаго Князя Мещерскаго, означено было въ ней только начальными буквами.

Свое обращеніе къ Перфильеву и всю оду Державинъ заключаетъ такъ:

Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою (— — тебѣ къ покою)

И съ чистою твоей душою (И съ честною — —)
Благословляй судебъ ударъ! (Наградой чти — —)

Слова: *устрой ее себѣ къ покою*, кто-то старался обратить въ укоръ Державину, утверждая, что посреди всей его философіи проглядываетъ слабость вѣка — излишняя любовь къ удовольствіямъ и нѣгѣ, и что онъ гораздо искреннѣе бываетъ, описывая пиры, нежели говоря о суетности всего житейскаго. Такое несправедливое замѣчаніе основывается на ложномъ толкованіи употребленнаго здѣсь слова *покой*: въ этомъ случаѣ поэтъ разумѣлъ подъ нимъ совсѣмъ не внѣшнія удобства, а внутренній, душевный миръ.

Въ подтвержденіе той же неосновательной мысли приводимы были стихи изъ современной пьесы *къ* (первому) *Сосѣду*:

Блаженъ, кто можетъ *веселиться*
Безперерывно въ жизни сей,
. . . .

и далѣе:

Пей, ѣшь и *веселись*, сосѣдъ!

Но здѣсь слово *веселиться* опять употреблено въ

его, по крайней мѣрѣ, непредосудительномъ смыслѣ, чтò ясно доказывается какъ общимъ направленіемъ всей оды, такъ и тѣми стихами, которыми поэтъ въ концѣ ея нужнымъ счелъ объяснить, въ какомъ смыслѣ принимаетъ онъ слово *веселье*.

Вотъ заключеніе оды:

. . . . . береги себя!
Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

Сначала у Державина было:

А то веселье непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

Въ прозѣ мысль его яснѣе можно бы выразить такъ: «Жизнь коротка: пользуйся сю — веселись! но помни, что только то веселье непорочно, за которымъ нѣтъ раскаянія». Къ оправданію Державина служатъ далѣе почти всѣ современныя его стихотворенія, гдѣ убѣдительно высказывается его высокое презрѣніе ко всему суетному.

Позднѣйшія улучшенія, находимыя въ стихахъ Державина, противорѣчатъ въ нѣкоторой степени замѣчанію Дмитріева, будто онъ, «хотя охотно брался за передѣлку стиха, но рѣдко имѣлъ въ томъ удачу.» Впрочемъ надобно прибавить, что, со времени оды На смерть Князя Мещерскаго, значительныя перемѣны рѣже встрѣчаются въ его стихахъ, частію, можетъ быть, отъ того, что онъ находилъ поправки уже не столь нужными, а частію и по тому, что онъ «при всемъ своемъ геніи, съ великимъ трудомъ поправлялъ свои стихи (Зап. Дмитр.)». Онъ вообще съ необыкновеннымъ трудомъ и писалъ ихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ Мерзляковъ, ссылаясь на всѣхъ, бывшихъ близкими къ поэту *. Расказываютъ, что онъ, сочиняя стихи и будучи недоволенъ ими, безпрестанно начиналъ задуманную пьесу на новомъ листѣ бумаги, такъ-что иногда передъ нимъ накоплялась цѣлая кипа только початыхъ листовъ.

Что Державинъ ровно на серединѣ своего жизненнаго пути началъ новый періодъ поэтической дѣятельности и началъ его вдохновенною думой о приближающейся смерти — это фактъ, если и ничего не значащій, то по крайней мѣрѣ любопытный.

* Труды Общ. Люб. Рос. Слов. Ч. XVIII, стр. 17.

5.

«Сгарая стихотворства страстью,
Къ тебѣ я прихожу, ручей!»

Ода *Ключь* служитъ памятникомъ высокаго мнѣнія современниковъ о Херасковѣ. У всякаго поколѣнія есть какой-нибудь любимый писатель, котораго слава какъ путеводная звѣзда свѣтитъ начинающимъ талантамъ и какъ обѣтованная награда поощряетъ ихъ къ борьбѣ съ трудностями. Такое уваженіе къ знаменитому имени можетъ быть часто преувеличено, даже ошибочно; но оно всегда благородно: оно проистекаетъ изъ потребности всякой молодой и неиспорченной души созидать себѣ идеалы и, по-возможности, воплощать ихъ. Въ то время, о которомъ рѣчь идетъ, подобнымъ блестящимъ свѣтиломъ для Русскихъ поэтовъ была слава Хераскова. Сумароковъ умеръ, пока Державинъ ѣздилъ въ Оренбургъ. Уже никто не раздѣлялъ съ Херасковымъ господства на «Россскомъ Парнасѣ.» Молодые литераторы наперерывъ искали чести быть ему представленными. Державинъ пользовался особенною благосклонностію въ кругу его семейства. Однажды испыталъ онъ въ домѣ Хераскова ударъ, чувствительный для авторскаго самолюбія. Это было еще въ 1775-мъ году, въ Москвѣ, когда тамъ

праздновался миръ съ Портою и Державинъ былъ офицеромъ. Прибытіе Государыни въ древнюю столицу вызвало на свѣтъ множество одъ, одну другой торжественнѣе. На обѣдѣ у Хераскова стали разбирать ихъ и не очень-то снисходительно. Одинъ изъ гостей особенно бранилъ оду «какаго-то Державина», не воображая, что самъ авторъ сидитъ на противоположномъ концѣ стола. Такой рѣзкій приговоръ въ присутствіи цѣлаго общества былъ тѣмъ ужаснѣе, что его произносилъ человѣкъ не только знатный, пожилой, но и пользовавшійся большимъ вѣсомъ какъ писатель — однимъ словомъ, Иванъ Перфильевичь *Елагинъ*, котораго книгу «Приключенія Маркиза Г.» Державинъ еще въ гимназіи читалъ съ такою жадностью. Слыша жестокій судъ, онъ вспыхнулъ и едва высидѣлъ до конца стола; когда же встали, то убѣжалъ домой.

Елагинъ, узнавъ о своемъ промахѣ, очень досадовалъ на себя. Черезъ нѣсколько дней входитъ къ нему офицеръ, въ которомъ онъ узнаетъ — осужденнаго имъ сочинителя... Но послушаемъ, что Державинъ самъ расказалъ въ домѣ Хераскова, когда, увидѣвъ его въ первый разъ послѣ описаннаго случая, спросили съ участіемъ, отъ чего онъ такъ давно не являлся. «Два дня сидѣлъ дома съ закрытыми ставнями, отвѣчалъ онъ, и все горевалъ объ моей одѣ; въ первую ночь даже не смыкалъ глазъ; а сегодня рѣшился ѣхать къ Елагину, заявить себя

сочинителемъ осмѣянной имъ оды и показать ему, что и дурной лирикъ можетъ быть человѣкомъ порядочнымъ и заслужить его вниманіе. Такъ и сдѣлалъ. Елагинъ былъ растроганъ, осыпалъ меня ласками, упросилъ остаться обѣдать, и я прямо оттуда къ вамъ» *.

Если Державинъ и прежде былъ недовѣрчивъ къ своему дарованію, то это свойство должно было еще усилиться въ немъ послѣ строгихъ словъ Елагина, и во вліяніи ихъ надобно, можетъ быть, отчасти видѣть причину того, что нашъ поэтъ такъ долго не рѣшался подписывать своихъ стихотвореній; говорю *отчасти*, потому-что тогда вообще не въ модѣ было выставлять имя свое подъ сочиненіями, помѣщавшимися въ журналахъ.

Расказанный анекдотъ съ одной стороны ближе знакомитъ насъ съ характеромъ Державина, показывая, какъ онъ дорожилъ мнѣніемъ людей, имѣвшихъ всѣ права на уваженіе его, а съ другой стороны открываетъ намъ, какъ коротокъ и любимъ былъ Державинъ въ семействѣ Херасковыхъ: когда онъ, скрывшись послѣ стола, нѣсколько дней не приходилъ въ домъ, то хозяева очень встревожились и уже сбирались ѣхать навѣдаться о немъ, какъ вдругъ онъ самъ явился съ веселымъ лицемъ и съ приведеннымъ объясненіемъ.

* Записки Дмитріева.

Такъ-то въ оба раза, когда онъ, бывъ военнымъ, находился въ Москвѣ, съ нимъ приключились два случая довольно сходные, но только съ перемѣною лицъ: въ первый разъ *онъ* осмѣялъ обиженнаго стихотворца (Сумарокова), и неузнанный былъ у него на обѣдѣ; а во второй разъ ему самому пришлось быть въ положеніи оскорбленнаго автора и опять на обѣдѣ сидѣть неузнаннымъ, хотя въ другомъ смыслѣ.

Въ годъ женитьбы Державина, Херасковъ назначенъ былъ кураторомъ Московскаго Университета. Бывъ до тѣхъ поръ извѣстенъ своими одами, трагедіями и мелкими поэмами, онъ теперь издалъ двенадцатипѣсенную *Россіяду*, которую писалъ въ своемъ подмосковномъ селѣ Гребеневѣ. Державинъ бывалъ и тамъ. Какъ всѣхъ современниковъ, такъ и его восхитила Россіяда, и вотъ воображеніе переноситъ его къ ключу Гребеневскому: въ новой одѣ онъ мастерскими чертами рисуетъ картину природы, его окружающую; но только въ концѣ стихотворенія читатель открываетъ идею «Ключа». Благоговѣя къ таланту Хераскова, «сгарая стихотворства страстью», онъ завидуетъ славѣ поэта; онъ проситъ «священный Гребеневскій ключь» напоитъ и его, чтобы онъ также могъ пѣть не хуже «творца безсмертной Россіяды» и не менѣе его прославиться *.

* Въ изданіяхъ полнаго собранія сочиненій Державина напечатано:

Такъ Державинъ платилъ дань своему вѣку. Но въ его уваженіи къ творцу Россіяды много участвовали и личныя его чувства, можетъ быть, даже его благодарность къ Хераскову.

Читая всѣ эти выраженія энтузіасма къ знаменитому современнику, никто не могъ тогда предвидѣть — а всего менѣе самъ Херасковъ — что тотъ, кто такъ смиренно и такъ искренно сознавалъ его мнимое превосходство надъ собою, скоро совершенно затмитъ его, и что въ послѣднихъ двухъ стихахъ *Ключа* строгіе потомки будутъ видѣть одну эпиграмму, справедливую, хотя и неумышленную.

Въ той же части Вѣстника, гдѣ помѣщена ода *Ключь*, только двумя мѣсяцами ранѣе, находимъ между *извѣстіями о новыхъ книгахъ* статью о Россіядѣ, какъ «поэмѣ славнаго г. сочинителя»; авторъ этой статьи, ограничившись подробнымъ изложеніемъ содержанія поэмы, кончаетъ словами: «сочинитель оныя Его Превосходительство Михайло Матвѣевичь Херасковъ.»

Завидую піита счастью,
Вкусившем*у* воды твоей,
Парнасскимъ лавромъ увѣнчанн*у*.

Въ Вѣстникѣ правильнѣе: вкусивш*аго* и увѣнчанн*а*.

6.

«Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ.»

Было уже сказано, что Державинъ написалъ на рожденіе Императора Александра двѣ оды, прежде-нежели въ 1779-мъ году сочинилъ свои извѣстные стихи на этотъ случай. Въ послѣднихъ и въ другой пьесѣ его, вскорѣ послѣ того написанной, именно въ одѣ На отсутствіе Императрицы, всего явственнѣе отразился переломъ, происшедшій въ эстетическихъ понятіяхъ поэта. Оба стихотворенія, по предмету принадлежа къ роду торжественному, рѣзко отличаются отъ прежнихъ одъ подобнаго содержанія тою игривою легкостью и граціею, которыя Державинъ старался придать имъ. Оба написаны *хореями*, и стихи на рожденіе Порфиророднаго Отрока даже отнесены поэтомъ къ отдѣлу *Анакреонтическихъ* пѣсенъ.

Кому не извѣстно вдохновенное предсказаніе, заключающееся въ этихъ стихахъ? Они замѣчательны еще и въ другомъ отношеніи: въ нихъ Державинъ выразилъ новую сторону своего духа, заслуживающую особеннаго вниманія. Какъ онъ желалъ, чтобы будущій Царь Россіи былъ прежде всего

человѣкомъ, такъ и самъ онъ, какъ поэтъ, обладалъ чистѣйшею человѣчностію и ею запечатлѣлъ свою поэзію. Не онъ ли первый изъ Русскихъ поэтовъ является въ произведеніяхъ своихъ *человѣкомъ* въ полномъ и самомъ истинномъ смыслѣ, а не холоднымъ стихотворцемъ, не педантомъ и не риторомъ? При этомъ случаѣ еще надобно прибавить для характеристики Державина, что если ему дѣйствительно удавалось иногда взоромъ ясновидящаго прозирать въ будущность, то самъ онъ не мало гордился этимъ, что̀ нерѣдко высказывалось и въ стихахъ его. Такъ въ Калліопѣ, пьесѣ, написанной на пріѣздъ Высокой Невѣсты Александра, онъ говоритъ:

. . . Се тотъ младой герой,
Тотъ *Отрокъ мой Порфирородный*,
Я чье рожденье воспѣвалъ —
Возросъ и возмужалъ.

Се онъ, которому дары
Сносили *Геньи въ колыбели*,
И надѣлили всѣмъ его,
Чтобъ быть *на тронѣ человѣкомъ*,
А въ человѣкѣ божествомъ,
Всѣхъ согрѣвать лучемъ.

Се онъ съ Избранною своей!
Гордись моя, гордися лира

Пророчествомъ теперь твоимъ :
Уже оно почти сбылося ;
Мой полубогъ почти ужъ богъ ;
Онъ *всѣхъ сердца возжегъ* (Слич. стихи на рожд. Порф. Отрока).

Здѣсь кстати упомянуть можно и объ одѣ *На освященіе Каменноостровскаго инвалиднаго дома*, сочиненной еще въ годъ женитьбы Державина, и гдѣ, по словамъ Львова, «примѣчательно только нѣкоторое предсказаніе событій, въ послѣдствіи времени случившихся. Суворовымъ одержанныя побѣды показываютъ ясно, что вдохновенный поэтъ предвидѣлъ; а 8-й и 9-й куплеты предначертываютъ благотворительные подвиги Государыни Маріи Θеодоровны и рожденіе Великаго Князя Константина Павловича и Великихъ Княженъ.» Вотъ мѣсто, о которомъ говоритъ Львовъ:

Да Павлово одно воззрѣнье,
Какъ огнь изъ тучь, враговъ сразитъ;
Языковъ многихъ покоренье
Вселенной буря возвѣститъ ;

А кроткая душой Марія ,
Улыбкой нѣжною своей ,

Наложитъ цѣпи золотыя
На тьмы подвластныхъ ей людей,

И процвѣтетъ, какъ вѣтвь эдема
Въ минувшій годъ, она плодомъ;
Еще носителя дастъ шлема,
И дщерьми свой украситъ Домъ.

Для соображенія критики надобно однако жъ прибавить, что эти стихи въ первый разъ появились въ печати не прежде, какъ уже въ царствованіе Императора Павла. Такъ, по крайней мѣрѣ, показываетъ Львовъ.

7.

«Законы, поученье, трудъ,
Премудрость, добродѣтель строгу
И непорочность возлюблю.»

Полетъ, какой впервые принялъ геній Державина въ одѣ на смерть Мещерскаго, достоинство, какое отличаетъ всѣ послѣдующія его стихотворенія отъ предыдущихъ, есть психологическое явленіе, чрезвычайно замѣчательное. Конечно ни способности,

ни знанія Державина не испытали вдругъ никакой разительной перемѣны; чѣмъ же объяснить сдѣланный имъ внезапно исполинскій шагъ въ творчествѣ? Онъ достигъ *сознанія* своихъ силъ, понялъ *истинныя* требованія своего духа, расторгъ оковы, прежде его тяготившія, словомъ—разгадалъ тайну своего поэтическаго призванія. Такъ и для всякаго таланта разгадка его сущности составляетъ важнѣйшій вопросъ, къ разрѣшенію котораго—прямо и косвенно, волею и неволей — стремятся всѣ его силы, клонятся всѣ труды его. Отъ того истинный талантъ почти всегда, рано или поздно, достигаетъ такаго сознанія. Болѣе 35-ти лѣтъ было Державину, когда онъ наконецъ съ побѣдою вышелъ изъ борьбы, въ которой такъ долго созрѣвали его силы.

Нельзя сказать, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ примѣтно увеличилась его производительность. Долгое время послѣ женитьбы своей онъ рѣдко писалъ болѣе двухъ-трехъ стихотвореній въ годъ, по крайней мѣрѣ, если судить по числу напечатанныхъ трудовъ его. Только въ 1780-мъ году, первомъ послѣ рѣшительной эпохи его развитія, количество ихъ простирается до шести, или семи. Стоитъ также замѣтить, что въ разсматриваемый періодъ онъ спѣшитъ печатать стихи свои. Ода *На отсутствіе Ея Величества изъ Петербурга въ Бѣлорусскія Губерніи* написана была 20 Мая, и явилась въ Майской же книжкѣ С. Петербургскаго Вѣстника (который, значитъ, вы-

ходилъ въ *концѣ* каждаго мѣсяца); ода *На новый годъ* напечатана въ Генварѣ 1781-го года, слѣдовательно сочинена также незадолго передъ своимъ появленіемъ. То же замѣчаніе относится и къ другимъ современнымъ его произведеніямъ.

Къ чему и къ кому наиболѣе обращались мысли его въ означенное время? въ какой сферѣ идей жила душа его? Такъ-какъ число поэтическихъ его трудовъ въ разсматриваемое четырехлѣтіе было незначительно, и Державинъ писалъ по глубокой потребности духа, хотя и возбуждаемъ былъ къ тому внѣшними поводами; то несомнѣнно, что, почувствовавъ и сознавъ свои силы, онъ сталъ выражать по-преимуществу самыя любимыя идеи свои.

Прежде всего должно обратить вниманіе на тѣ стихи его, изъ которыхъ обнаруживается, въ чемъ онъ полагалъ для себя сущность бытія и счастія. Въ этомъ отношеніи, всего замѣчательнѣе ода *На новый годъ*, гдѣ онъ говоритъ:

Мое желаніе предаться
Всевышняго во всемъ судьбѣ,
За счастьемъ въ свѣтѣ не гоняться,
Искать его въ самомъ себѣ.
Меня здоровье, совѣсть права, (Здоровье, хлѣбъ и — —)
Достатокъ нужный, добра слава (Одежда сонъ и — —)
Творятъ счастливѣе царей. (Меня равняютъ королямъ).

А если милой и пріятной (— — и прекрасной)
Любимъ Плѣнирой я моей,
И въ свѣтской жизни коловратной (И въ жизни здѣшней
пышной, страстной)
Имѣю искреннихъ друзей,
Живу съ моимъ сосѣдомъ въ мирѣ, (— — сосѣдст-
вомъ —)
Умѣю пѣть, играть на лирѣ:
То кто счастливѣе меня? (Кто есть — —)

Отъ должностей въ часы свободны (– должности——)
Пою моихъ я радость дней;
Пою Творцу хвалы духовны,
И добрыхъ я пою Царей.
Пріятны гласы становятся, (Нѣжнѣе — —)
И слезы нѣжности катятся,
Какъ Россовъ Матерь я пою.

Здѣсь выразилъ себя Державинъ такимъ, какимъ онъ былъ дѣйствительно. Довольство, умѣренность, любовь, дружба и поэзія—вотъ идеалъ земнаго счастья, который онъ составилъ себѣ. Но «всякій человѣкъ есть ложь» — и Державинъ, мудрый въ лучшія минуты бытія, не избѣгъ суетныхъ желаній: мы это уже видѣли въ одѣ *На смерть Мещерскаго* и въ одѣ *Ключь*. Но если онъ сердцемъ иногда и измѣнялъ мудрости, то всегда былъ однако жъ вѣренъ ей мыслію. Краткость жизни, непрочность счастья, непостоянство нашихъ желаній—такова тема, въ разныхъ

видахъ повторяющаяся въ одахъ: *На смерть Мещерскаго, Къ первому сосѣду, На новый годъ.*

Непостоянство доля смертныхъ;
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.

Такъ сказано въ стихахъ къ Сосѣду, а въ одѣ На новый годъ читаемъ:

И самаго среди блаженства
Желаемъ блага совершенства,
И недовольны мы судьбой.

Въ послѣдней изъ приведенныхъ трехъ строфъ оды На новый годъ, поэтъ самъ исчислилъ содержаніе своихъ тогдашнихъ стихотвореній.

«Пою моихъ я *радость дней.*»

Подъ *радостію своихъ дней* онъ въ особенности разумѣетъ жену, которая подъ именемъ Плѣниры въ первый разъ и упоминается въ этомъ стихотвореніи. Но еще за полгода передъ тѣмъ была напе-

чатана въ Спб. Вѣстникѣ (Авг. 1780) *Пѣсенка*, которая по всѣмъ признакамъ принадлежитъ также Державину и относится къ той же особѣ. Такъ-какъ этой пьесы нѣтъ въ собраніи сочиненій Державина (она состоитъ изъ трехъ строфъ), то пусть хоть двѣ послѣднія найдутъ мѣсто (въ вѣрной и точной копіи):

Герои, жизнь пренебрегая,
Старайтесь лавры заслужить;
Я, миртою себя вѣнчая,
Хочу жить мирно и любить;
Но, вашей славы не желая,
Я честь вамъ должну отдаю,
А *Катеньку* мою пою.

Богатство въ потѣ собирая
И не-живя кончая * вѣкъ,
Дрожи, нажитокъ сохраняя,
Богатой, бѣдной человѣкъ!
А я, сей страстью не страдая,
Моихъ сокровищъ не таю,
Я *Катеньку* мою пою.

Содержаніе, слогъ и тонъ этихъ стиховъ, имя той, кому они посвящены, постоянное участіе Дер-

* Въ Спб. Вѣстникѣ напечатано *кончаетъ*, вѣроятно по ошибкѣ.

жавина въ томъ журналѣ, гдѣ они напечатаны, наконецъ самое заглавіе ихъ, напоминающее *Пѣсенку отсутствующаго мужа*—все это ведетъ къ несомнѣнному заключенію, что авторомъ приведенной пьески, вообще отзывающейся талантомъ, былъ пѣвецъ Плѣниры, и потому-то онъ могъ сказать:

Пою моихъ я радость дней.

Слѣдующій за этимъ стихъ:

Пою Творцу хвалы духовны,

оправдывается напечатанными въ Вѣстникѣ *Стансами Богу* (которыми займемся далѣе) и переложеніемъ одного псалма *. Съ послѣднимъ изъ этихъ двухъ стихотвореній — *Счастливое семейство* — опять соединяется память Плѣниры, и даже ей обязано оно своимъ происхожденіемъ. Державины были въ большой дружбѣ съ домомъ Ржевскихъ. Катерина Яковлевна, которая, какъ ужъ было замѣчено, обладала разными искуствами, изобразила все это семейство въ силуэтахъ; а поэтъ довершилъ ея изображеніе стихами, и на-

* 127-го, а не 147-го, какъ показано у Львова.

писалъ ихъ на оборотѣ той же бумаги, гдѣ представлены были профили.

Въ дому его нѣтъ ссоръ, разврата,
Но миръ, покой и тишина:
Какъ маслина плодомъ богата,
Красой и нравами жена.
Какъ розы, кисти винограда
Румянцемъ веселятъ своимъ,
Его благословенны чада
Такъ милы вкругъ трапезы съ нимъ.
Такъ счастливъ, такъ благополученъ
И такъ блаженъ тотъ человѣкъ,
Кто съ честью, правдой неразлученъ,
И въ Божьемъ страхѣ велъ свой вѣкъ.

Вотъ какъ Державинъ въ библейскомъ тонѣ представилъ счастье семьянина; но не суждено ему было увидѣть въ своемъ домѣ всѣ черты той картины, которую здѣсь нарисовала кисть его, вдохновенная пѣснопѣніемъ Царя Давида. Никогда его не веселили «благословенныя чада вокругъ трапезы» его.

Такимъ образомъ мы находимъ, что въ описываемую эпоху поэзія Державина была выраженіемъ самыхъ священныхъ и возвышенныхъ помысловъ, какіе могутъ волновать душу человѣческую въ сокро-

веннѣйшей глубинѣ ея. И онъ не довольствовался тѣмъ, что самъ питалъ эти помыслы: онъ старался дѣлить ихъ съ другими. Оттуда его совѣты *Перфильеву* въ одѣ *На смерть Мещерскаго*, оттуда и его ода *Къ первому сосѣду*.

Послѣдняя въ свое время напечатана была также въ Спб. Вѣстникѣ (Авг. 1780), подъ заглавіемъ: *Ода къ сосѣду моему господину N.*—Этимъ сосѣдомъ былъ Курскій купецъ М. С. Голиковъ, содержавшій въ то время питейные откупа въ Петербургѣ. Державинъ описываетъ его пышное гостепріимство, его изнѣженную жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ ему невѣрность благъ, которыми онъ такъ неумѣренно наслаждается. На знакомство съ домомъ Голикова поэтъ намекаетъ и въ стихахъ *На новый годъ* словами: «живу съ моимъ сосѣдомъ въ мирѣ.»

Когда онъ писалъ оду къ нему, конечно еще не исчезли слѣды ужаснаго наводненія, постигшаго Петербургъ въ 1777-мъ году, и—можетъ быть— не этимъ ли должно объяснять стихи:

> Петрополь сосны осѣняли,
> Но, вихремъ пораженны, пали;
> Теперь корнями вверхъ лежатъ..?

Въ томъ же году родился *Порфирородный Отрокъ*. По игрѣ случая, два самыя гибельныя на-

водненія, испытанныя Петербургомъ, близко сходятся во времени съ двумя крайними предѣлами жизни Императора Александра. Державинъ, воспѣвъ рожденіе Его, имѣлъ право сказать:

И добрыхъ я пою Царей.

Эти слова можно также отнести къ упомянутой прежде одѣ *На освященіе Каменноостровскаго инвалиднаго дома*, въ которой поэтъ призываетъ благословеніе Неба на Павла и на Марію.

Наконецъ, говоря въ заключеніе оды На новый годъ:

Пріятны гласы становятся,
И слезы нѣжности катятся,
Какъ Россовъ Матерь Я пою —

Державинъ разумѣетъ оду *На отсутствіе Ея Величества въ Бѣлоруссію*, и вѣроятно еще другіе стихи, напечатанные въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ (Февраль 1780): 1, Къ портрету Ея Императорскаго Величества; 2, Къ портрету Его Императорскаго Высочества; 3, На возвращеніе мое въ Петербургъ. Особенно послѣдняя пьеса заставляетъ думать, что всѣ три принадлежатъ Державину: не-

давно онъ дѣйствительно возвратился въ Петербургъ изъ далекой поѣздки, о которой было говорено; къ тому же, въ этомъ стихотвореніи безпрестанно встрѣчаются его извѣстные пріемы — и хотя по отдѣлкѣ оно напоминаетъ предыдущую эпоху, но это легко объяснить, принявъ, что оно было написано тотчасъ по возвращеніи Державина, прежде тѣхъ одъ, которыми онъ началъ новое свое направленіе. Наконецъ тутъ есть, кажется, намекъ на Плѣниру. Чтобы читатель самъ могъ судить, въ какой степени это предположеніе можетъ быть принято, выписываю нѣкоторые стихи:

Уже въ очахъ моихъ блистаетъ
Великолѣпнѣйшій тотъ храмъ,
Богиня въ коемъ обитаетъ,
Блаженство строющая намъ,
И въ коемъ, даръ отъ Бога *данный*,
Сіяетъ сынъ ея *преславный*
Съ супругою драгой своей.
Да зритъ ихъ домъ сей многи лѣта...

. . . .

Какимъ восторгомъ я плѣнился,
Обратно градъ увидя сей!
Се паки я ужъ возвратился
Къ предмету склонности моей.

. . . .

А вотъ и записка, при которой стихи эти присланы были

Къ Издателямъ Вѣстника.

«Государи мои!

«Не можно ли помѣстить которую-нибудь изъ присланныхъ мною піесъ въ вашемъ *Вѣстникѣ*, чемъ весьма одолжите того, который, хотя и не имѣетъ чести васъ знать, но всегда съ отмѣннымъ почтеніемъ къ вашимъ достоинствамъ пребываетъ» и проч.

Изо всего изложеннаго видно, что, въ одной изъ строфъ оды На новый годъ, Державинъ совсѣмъ не наобумъ исчисляетъ предметы, о которыхъ поетъ *въ часы свободные отъ должностей*, или *отъ должности*—какъ онъ сначала выразился проще и справедливѣе, но, можетъ быть, слишкомъ канцелярски. Во время сочиненія тѣхъ стиховъ у него *должность* была уже новая: изъ сенатскаго экзекутора онъ въ 1780-мъ году сдѣлался совѣтникомъ вновь открытой экспедиціи о государственныхъ доходахъ.

8.

Сближенія.

Кромѣ высокаго религіозно-нравственнаго на-

правленія, общаго всѣмъ упомянутымъ стихотвореніямъ, въ нихъ есть и другія сходныя черты, ясно свидѣтельствующія о ихъ близкомъ родствѣ. Вглядываясь въ нихъ, мы замѣчаемъ, что почти во всѣхъ поэтъ слѣдуетъ одному и тому же порядку въ развитіи своихъ идей. Сравните пьесы: На смерть Мещерскаго, Ключь, Къ сосѣду, На новый годъ, На рожденіе Порфиророднаго Отрока; всѣ онѣ начинаются картиною, или, по крайней мѣрѣ, чувственнымъ впечатлѣніемъ: здѣсь слышенъ бой часовъ; тамъ «въ тѣни развѣсистыхъ древесъ» виденъ «источникъ шумный и прозрачный» съ окружающими его красотами природы; тутъ *между тѣнистыми древами, на влажныхъ Невскихъ островахъ гремитъ музыка вкругъ лакомыхъ столовъ*;

Разсѣкши огненной стезею
Небесный синеватый сводъ,
Багряной облеченъ зарею,
Сошелъ на землю новый годъ;

или является Борей «съ бѣлыми власами и съ сѣдою бородой.» Такъ изобрѣтательная фантазія поэта всюду требовала олицетворенія, всюду облекала идею въ образъ — шло ли дѣло о жизни и смерти, о литературной славѣ, о роскоши богача, о наступленіи новаго года, или о зимѣ, въ которую родился Порфирородный Отрокъ. И почти вездѣ поэтъ, назвавъ образъ

созданный его фантазіей, тотчасъ и обращается къ нему, какъ къ живому существу:

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ....

—

Источникъ шумный и прозрачный,
. . . .
О коль *ты* мнѣ пріятенъ зришься!
Ты чистъ — и восхищаешь взоры,
Ты быстръ — и утѣшаешь слухъ.

—

Новому году онъ говоритъ:

Гряди, сынъ вѣчности прекрасный!
Гряди, часовъ и дней отецъ!
Зоветъ счастливый и несчастный;
Подай желаніямъ вѣнецъ!

И–такъ въ приведенныхъ стихотвореніяхъ поэтъ однимъ и тѣмъ же способомъ вводитъ ту главную идею, которую хочетъ высказать; но какое разнообразіе и богатство въ предметахъ, чертахъ и красахъ каждой картины! Такой же ходъ развитія находимъ и въ одѣ *На выздоровленіе Мецената*, написанной въ 1781-мъ году. Хотя она и не вошла уже въ Вѣстникъ, но также должна быть упомянута здѣсь, бывъ сочинена передъ Фелицею, начинающею новую эпоху въ жизни Державина.

Меценатомъ онъ зоветъ И. И. Шувалова, своего давнишняго покровителя, образователя судьбы своей, съ которымъ онъ чуть-было не предпринялъ странствованія далекаго, и чье возвращеніе онъ въ своей *Эпистолѣ* такъ привѣтствовалъ перомъ еще неискуснымъ:

Подъ сѣнію твоей воспитанъ, возращенъ,
Питомецъ твоихъ музъ, отъ оныхъ наученъ,
Се ревностный тебѣ я всѣхъ любви свидѣтель;
Изъ благодарности стиховъ моихъ содѣтель. —

И тоже самое перо, черезъ четыре года послѣ этихъ тяжелыхъ строкъ, писало тому же Шувалову:

Но вдругъ, средь облака златаго,
На крыльяхъ утренней зари,
Во зракѣ божества младаго,
Котораго рабы, Цари,
Всѣ люди равномѣрно любятъ,
Но всѣ не равно берегутъ,
Котораго лѣнь, роскошь губятъ,
Крѣпятъ умѣренность и трудъ,
Здоровье, даръ Небесъ безцѣнный,
Слетѣло въ твой чертогъ — и, взявъ
Въ златомъ сосудѣ сокъ врачебный,
Кропя тебя, рекло: «будь здравъ!»

Двумя строфами выше поэтъ называетъ Шувалова:

«Фаросъ младыхъ вельможъ и мой.»

Въ объясненіе этаго стиха Остолоповъ говоритъ, что «многіе вельможи, между прочими и Князь Потемкинъ, воспитывались въ Казанской Гимназіи.» Потемкинъ учился не въ Казанской Гимназіи, а въ Московскомъ Университетѣ, которымъ управлялъ Шуваловъ въ качествѣ куратора. *Въ Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго слова* — гдѣ въ первый разъ напечатаны были стихи на выздоровленіе Мецената подъ заглавіемъ *Дивирамбъ на выздоровленіе покровителя наукъ* — противъ слова *фаросъ* помѣщена выноска: «фарросъ, т. е. просвѣтитель, ибо многіе, находившіеся въ Московскомъ Университетѣ для наукъ, нынѣ первые уже чины имѣютъ въ государствѣ.» Львовъ напрасно говоритъ, что это стихотвореніе сперва напечатано было въ Вѣстникѣ.

Къ особенному замѣчанію даетъ поводъ противоположность предмета картинъ въ одахъ На смерть Кн. Мещерскаго и Къ первому сосѣду. Это какъ будто двѣ сцены изъ исторіи однаго и того же человѣка — смерть и потомъ роскошная жизнь, ей предшествовавшая. Ода Къ первому сосѣду есть какъ бы дополненіе къ стихамъ:

Гдѣ *столъ былъ яствъ*, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ *пиршествъ раздавались лики*,
Надгробные тамъ воютъ клики...

Мы видимъ гробъ, слышимъ вопли надъ нимъ. Читая другую оду, можемъ воображать, что видимъ этотъ самый *столъ яствъ*, когда за нимъ сидитъ «сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ», и далеко отъ него мысль о смерти:

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой,
И Аліатико съ Шампанскимъ,
И пиво Русское съ Британскимъ,
И Мозель съ Зельтерской водой.

«Средь лѣни, нѣги и отрадъ», картины—составляющей слѣдующую строфу — опять приходитъ на память «сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,» когда онъ также могъ мечтать, *что Парка дней его не коситъ*.

Если къ исчисленнымъ стихотвореніямъ прибавимъ

еще застольную пѣсню *Кружка*, дышащую истинно Русскою веселостью, то намъ будутъ извѣстны всѣ пьесы Державина, помѣщенныя въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ.

Я. Гротъ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. *Rome. 1843.* (Réimprimé sur l'édition de Paris). Въ 12; 45 стран. Съ эпиграфомъ изъ Петрарки: Che sola a se stessa somiglia.

Въ XXIX т. Современника (стран. 402—405) изложено было мнѣніе, съ какой стороны надобно смотрѣть на литературно-ученые труды автора, котораго новое произведеніе передъ нами. Въ 1843 году посѣтивъ Римъ, онъ изобразилъ впечатлѣнія, сохранившіяся въ душѣ его отъ созерцанія того, что тысячелѣтія оставили по себѣ въ память столицѣ міра и изящества. Если бы можно было собрать на разныхъ языкахъ всѣ книги, въ которыхъ содержатся описанія Рима, онѣ составили бы цѣлую библіотеку. Но такова неистощимость духа, что каждое новое произведеніе истиннаго таланта вноситъ въ область воззрѣнія новыя идеи и красоты, до которыхъ никто еще не прикасался. Это безко-

нечное въ литературѣ возникновеніе жизни и ея совершенствъ громко и убѣдительно оправдала книжка, нами разсматриваемая. Представляя читателямъ самимъ вполнѣ вкусить эстетическое наслажденіе, мы только приведемъ здѣсь изъ нея небольшой отрывокъ для доказательства, какая выражается энергія въ духовной воспріимчивости человѣка, выходящаго на авторское поприще съ талантомъ, глубомысліемъ и наукою. «Изъ всѣхъ наслажденій, Римомъ представляемыхъ любителю искуствъ (говоритъ авторъ на 18 стран.), по моему чувству, самое утонченное, самое новое есть посѣщеніе Ватикана при факелахъ. За эту ночь, проведенную посреди древняго міра, за *Ватиканскую ночь*, не дорого заплатить даже усиліями и лишеніями цѣлыхъ годовъ. При самомъ приближеніи ко Дворцу, какимъ-то торжественнымъ впечатлѣніемъ проникается сердце: надъ нами темно-синее небо Италіи и блескъ звѣздъ, отражающійся какъ на куполѣ св. Петра, такъ и въ восхитительныхъ фонтанахъ, съ шумомъ подымающихся и падающихъ цѣлыя столѣтія; у самаго портика папская стража, или лучше, стража Микель-Анджело, которая, съ факелами въ рукахъ, встрѣчаетъ иностранца и провожаетъ въ галлереи; тамъ, избранники древняго міра, вызванные посреди ночнаго мрака и, такъ сказать, насильно являющіеся жадному взору непосвященнаго — все въ этомъ помѣщеніи какъ-то волнуетъ душу и почти умиляетъ ее. Мраморъ

представляется во сто разъ прекраснѣе, очарованіе живѣе, эффектъ восхитительнѣе, нежели при дневномъ свѣтѣ; мысли вполнѣ устремляются къ этому волшебному зрѣлищу; ничто не развлекаетъ ихъ, развѣ только чуть слышно лепечущій Бельведерскій фонтанъ, или лучь мѣсяца, неожиданно проскользнувшій межъ колоннъ и какъ будто любующійся то же на это ночное празднество. Медленно двигаясь по Ватикану, ни я, ни сопровождавшіе меня три спутника не выговорили другъ другу почти ни единаго слова; въ самомъ дѣлѣ, какъ-то страшно смутить неизъяснимое очарованіе, окружающее васъ. Удивительное искуство, съ какимъ ставятъ факелы, ихъ сіяніе, мастерски расчитанное, и умѣнье по волѣ разнообразить точки зрѣнія придаютъ статуямъ какое-то оживленіе, котораго и описать нельзя; по-видимому, онѣ пробудились ото сна, и какая-то стыдливость облекаетъ эти божественныя формы, открытыя для взора въ самыхъ сокровенныхъ ихъ изгибахъ. Не только артистическое чувство возникаетъ въ душѣ съ неожиданною силою, всѣ впечатлѣнія жизни, всѣ помыслы мужества и бѣглыя мечты юности воскресаютъ мгновенно Передъ этой волшебной толпою, воображеніе, увлекаясь незамѣтно, кажется, узнаетъ прозрачныя черты, неопредѣленный образъ милыхъ существъ, таинственный голосъ нѣжнѣйшихъ сочувствій сердца; невольно глаза наполняются слезами, и никто не покидаетъ этаго мѣста, не благословляя судьбы, которая для из-

бранныхъ душъ уберегла ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе, полное вознагражденіе за всѣ непріятности дальняго странствованія, можетъ быть, даже за нѣкоторую часть разочарованій прошлой жизни». Вотъ какимъ образомъ авторъ, характеризируя величіе и прелесть зрѣлища, изъ глубины души своей вызываетъ къ его восполненію тѣ многозначительныя идеи, которыя, и послѣ тысячи другихъ описаній Рима, сообщили его новому произведенію свѣжесть предмета, занимательность воззрѣнія и очарованіе красокъ.

2. *Біографія Александры Михайловны Каратыгиной.* Соч. *В. В. В.* Въ 8; 24 стр. Спб.

Несомнѣнный талантъ г-жи Каратыгиной давно приготовилъ ей мѣсто въ исторіи Русскаго театра. Комедія, въ истинномъ своемъ значеніи, обязана у насъ г-жѣ Каратыгиной не только замѣчательными успѣхами нѣкоторыхъ ролей, но и вообще ясною идеею о достоинствѣ и силѣ высшей красоты комической. Такимъ образомъ имя этой артистки и заслуги ея на сценическомъ поприщѣ не должны были оставаться безъ исторической гласности. Но авторъ біографіи смѣшалъ свою прямую обязанность съ услугою, которой мы ожидаемъ отъ біографа въ будущемъ. Теперь, при жизни лица, избираемаго темою литературной брошюры, странно расказывать частные случаи жизни, не относящіеся къ искуству.

Въ послѣдствіи времени, конечно, все войдетъ въ подобную біографію какъ дополненіе взгляда на талантъ. Въ настоящую же эпоху достаточно было эстетическаго отчета о началѣ, развитіи и послѣднемъ достиженіи его блистательныхъ успѣховъ. Не разграничивши въ предпріятіи своемъ принадлежащаго ему законно отъ неумѣстныхъ излишковъ, авторъ естественно впалъ въ забавныя, чтобы не сказать смѣшныя, мелочи — и тѣмъ, вмѣсто возвышенія заслугъ таланта, поставилъ все въ ложное положеніе.

3. *Отчетъ* Императорской *Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности за 1844 годъ.* Въ 8; 35 стран. Спб.

4. *Compte rendu de l'Académie* Impériale *des Sciences pour l'année 1844.* Въ 8; 69 стран. Спб.

Ежегодно, въ 29 день Декабря, цвѣтъ Санктпетербургской публики и дипломатическій корпусъ собираются въ большую залу Академіи Наукъ, гдѣ, въ воспоминаніе основанія Петромъ Великимъ старшаго и первенствующаго изъ Русскихъ ученыхъ обществъ, прочитываются въ этотъ день два Отчета, содержащіе въ себѣ изображеніе годичной ученой дѣятельности II Отдѣленія особо, и I и III вмѣстѣ. Прочитанное тогда напечатано нынѣ для доставленія столь полезныхъ и столь любопытныхъ свѣдѣ-

ній каждому образованному изъ Русскихъ и иностранцевъ, какъ бы кто далеко ни жилъ отъ Санктпетербурга. Мы живо представляемъ въ воображеніи, съ какимъ теперь вниманіемъ разсматриваетъ эти драгоцѣнныя лѣтописи юноша, жадный просвѣщенія, или старикъ, полный сочувствія къ благороднѣйшимъ изъ занятій. Ежегодно, какъ можетъ всякой убѣдиться изъ Отчетовъ, Академія болѣе и болѣе обнимаетъ кругъ дѣятельности. Для Русскаго языка она составляетъ лексиконъ, въ которомъ, сверхъ новаго объясненія общеупотребительныхъ словъ, собраны будутъ всѣ слова, не входившія въ прежніе словари и остававшіяся только въ памятникахъ нашей словесности съ XI до XVII вѣка. Важный этотъ трудъ, рвеніемъ и постоянными усиліями II Отдѣленія, быстро подвигается впередъ. Печатаются вдругъ всѣ томы этаго изданія. Окончено совсѣмъ уже восемдесятъ печатныхъ листовъ, гдѣ объяснено до 40,000 словъ. Труды I и III Отдѣленій, по части физико-математическихъ и историко-филологическихъ наукъ, равнымъ образомъ возбуждаютъ къ себѣ обще-Европейское вниманіе. Нѣтъ ни одной отрасли знаній, обработываемыхъ Академиками, по которой бы не явилось замѣчательныхъ открытій, или изслѣдованій. Независимо отъ этихъ, такъ сказать, оффиціальныхъ матеріаловъ, въ Отчетахъ помѣщены полные занимательности некрологи Членовъ, которыхъ Академія лишилась въ 1844 году, а именно: *И. А. Крылова*,

Д. М. Княжевича, *В. Копитара*, *Ф. Круга*, *К. Триніуса* и нѣкоторыхъ другихъ.

5. *Домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ граждан въ С. Петербургѣ*, съ Николаевскою и Александринскою школами. Расказъ *Е... А...а*. Въ 12; 103 стран. Спб.

Сочинитель расказа, обративши весь сборъ съ продажи книжки своей въ пользу того же благотворительнаго учрежденія, которое онъ описалъ, достигнулъ двухъ цѣлей: онъ пріятно познакомилъ читателей своихъ съ заведеніемъ, можетъ быть, единственнымъ по внутреннему его характеру, и указалъ благотворительнымъ людямъ легкое средство споспѣшествовать общественному добру, хотя бы купившіе и не могли докончить чтенія по какимъ-нибудь причинамъ, отъ нихъ не зависящимъ.

6. *Адресная книга Санктпетербургскаго купечества*, гг. иностранныхъ гостей, биржевыхъ маклеровъ и браковщиковъ при Санктпетербургскомъ портѣ. Въ 8; 124 стран. Спб.

Если бы опредѣлено было въ каждомъ сословіи, хотя по одному разу въ пятилѣтіе, печатать извѣстія, по образцу нынѣ изданной адресной книги Санктпетербургскаго купечества; то въ статистическихъ

нашихъ таблицахъ явилось бы много назидательнаго для умовъ государственныхъ.

7. *Прокопій Ляпуновъ*, или междуцарствіе въ Россіи, продолженіе *Князя Скопина-Шуйскаго*, сочиненіе того же автора. Четыре части. Въ 8; XII и 219, 236, 252 и 278 стран. Спб.

Въ изящныхъ искуствахъ историческая основа такъ же вѣрно и прямо поддерживаетъ каждое произведеніе, какъ сама натура, или истина. Сочиненный характеръ, вымышленное событіе, или дѣйствіе, придуманная сцена — не возбуждаютъ ни сочувствія, ни участія — и, мелькая передъ глазами, пропадаютъ навсегда какъ Китайскія тѣни. Въ комедіяхъ, повѣстяхъ и даже сказкахъ должна быть тоже истина, или натура: это разсѣянныя черты жизни, мѣтко схваченныя для составленія одной картины и возведенныя талантомъ въ несомнѣнную дѣйствительность. Природа, влагая въ душу художника призваніе къ творческому труду его, обогащающему зрителей, или читателей откровеніями человѣко-вѣдѣнія, такъ вѣрно сама указываетъ истинный ему путь, что великіе поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ строго всегда держались истины, почерпая ее либо въ исторической, либо въ современной жизни, либо въ народныхъ преданіяхъ, не исключая и миѳическихъ. Писатели, принимающіеся за работу безъ сочувствія съ дѣйствительно-изящ-

нымъ, обыкновенно предпочитаютъ этой натурѣ или истинѣ совокупность вымысловъ, дѣтски плѣняясь ихъ пестротою, несбыточностію и многосложною запутанностію. Ежели, по-этому, критика, для охраненія изящныхъ искуствъ отъ упадка или униженія, вообще должна желать, чтобы писатели и художники останавливились на предметахъ преимущественно историческихъ, то еще настоятельнѣе она обязана дѣйствовать въ такомъ же направленіи, когда рѣчь касается Русской словесности. У насъ исторія, современная характеристика и преданія народныя требуютъ гораздо болѣе обработки, разысканій и повѣрки, нежели у другихъ Европейскихъ народовъ, гдѣ почти до всего неразъ уже прикасалась рука ученаго или художника. Слѣдовательно авторъ *Скопина-Шуйскаго* и *Прокопія Ляпунова* вдвойнѣ пріобрѣтаетъ уваженіе въ литературномъ мірѣ, поддерживая историческими романами своими законное достоинство произведеній изящныхъ искуствъ вообще и споспѣшествуя Русской словесности въ успѣхахъ на пути, требующемъ преимущественнаго участія талантовъ. Въ прошломъ десятилѣтіи нашлось нѣсколько критиковъ, которые, опасаясь, что поэзія, въ соединеніи съ исторіею, повредитъ истинѣ, возставили противъ историческихъ романовъ; но тогда же критикъ съ высшимъ умомъ (Вильменъ) произнесъ, что «исторія безъ поэзіи не въ состояніи вѣрно изобразить истины». И въ самомъ дѣлѣ, что за истина въ расказѣ,

лишенномъ жизни, т. е. теплоты, красокъ и движенія—этихъ первыхъ условій поэзіи? Во всѣхъ явленіяхъ гражданственности и въ самыхъ отдѣльныхъ чертахъ частной дѣятельности нѣтъ ни одного мертваго событія: каждое вызвано къ бытію силой воли, чувства, или страсти. Если мы вполнѣ понимаемъ идею *жизни*, надобно тотъ же характеръ сообщить и *слову*, возсозидающему ее. Совокупность этихъ эстетическихъ началъ указываетъ критикѣ на тѣ стороны, съ которыхъ надобно смотрѣть на сочиненіе. и на тѣ совершенства, которыхъ отъ него надобно ей требовать. *Прокопій Ляпуновъ* вѣренъ эпохѣ своей не только прозаически, но большею частію и поэтически (что труднѣе для автора и важнѣе для читателей). Нельзя не подивиться терпѣнію, съ какимъ собраны матерьялы для этой художнической работы. Чего не нашлось въ письменныхъ памятникахъ, то дополнено наблюденіями надъ памятниками древностей, надъ языкомъ и нравами, привычками и самою жизнію сословій, почти ни въ чемъ не отдалившихся отъ предковъ. Заслуга неоцѣненная для ученыхъ, посвящающихъ часто многіе годы разысканіямъ по этой части. Употреблено ли все изъ найденныхъ матерьяловъ какъ самое необходимое, какъ существенно-вяжущееся къ цѣлому? Есть излишества въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, есть расточительность, по крайней мѣрѣ, такъ сказать, роскошь въ составленіи разговоровъ и группъ. Для красоты, или художнической

истины иногда необходимѣе оставить читателя въ ожиданіи, нежели въ пресыщеніи. Что сказать о движеніи главнаго дѣйствія? Съ этой стороны требованія очень разнородны, смотря по тому, кто для чего читаетъ историческіе романы. Ежели вы, принимаясь за нихъ, готовитесь переселиться воображеніемъ въ разсматриваніе прошедшаго и возстановить передъ собою явленія его жизни; то дѣйствіе въ *Прокопіи Ляпуновѣ* покажется вамъ движущимся быстро и занимательно: оно проведено по галлереѣ картинъ, написанныхъ свѣжими и вѣрными красками. Но, любопытствуя ознакомиться единственно съ новымъ расказомъ, съ эпизодами, съ препятствіями въ исполненіи желаній героевъ, и наконецъ съ развязкою повѣствованія, вѣроятно, вы не такъ быстро пронесетесь, какъ желали бы, принуждены будучи останавливаться вездѣ, гдѣ только отъ автора требовалъ кисти интересъ поэтическій. При томъ же *Прокопій Ляпуновъ*, какъ прежде и *Скопинъ-Шуйскій*, призванъ авторомъ на служеніе не праздной какой-нибудь страсти романическаго героя, а патріотическимъ идеямъ и чувствованіямъ, преобладавшимъ въ героическихъ душахъ представителей описываемой эпохи. Наконецъ книга, разсматриваемая нами, можетъ быть вполнѣ оцѣнена только людьми, которые, знаніемъ отечественнаго языка, народной жизни, Русскаго духонаправленія, знаніемъ всѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ частностей Россіи, предотвратили отъ

себя предубѣжденія, господствующія въ умахъ, мыслящихъ по указаніямъ иноземцевъ.

8. *Двѣ судьбы*, быль. *Аполлона Майкова*. Въ б. 8; 80 стр. Спб.

Почти три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ явилось собраніе стихотвореній поэта (Соврем: т. XXVI, стран. 49, первой нумераціи), котораго новое произведеніе теперь мы разсматриваемъ. Въ то время сказали мы, что «его стихотворенія «представляютъ блестящій рядъ то сильно почув«ствованныхъ высокихъ мыслей, то ясно обдуман«ныхъ поэтическихъ ощущеній. Онъ въ направле«ніи своемъ, въ идеяхъ и образахъ, въ раздробле«ніи понятій, въ украшеніи языка — во всемъ идетъ «независимо отъ современнаго поколѣнія молодыхъ «поэтовъ.» Этотъ характеръ вообще сохраненъ и въ произведеніи новомъ. Особенно поражаетъ читателя свѣжесть и яркость красокъ Италіи: видно, что поэтъ каждую черту для своихъ картинъ бралъ съ натуры и рисовалъ подъ силою неостывшихъ впечатлѣній. Это доставило его поэмѣ достоинство, которое никогда не потеряетъ цѣны. Но такъ-какъ *Двѣ судьбы* — сочиненіе уже не лирическое, а, говоря по-Нѣмецки, объективное — требовали отъ автора рѣшительнаго отчужденія его собственныхъ интересовъ и духонастроенія; то и критика не можетъ здѣсь довольствоваться тѣми только совер-

шенствами, которыя внушили ей столько участія къ первымъ произведеніямъ г. Майкова. Здѣсь все зависитъ отъ поэтически-вѣрнаго и поразительно-глубокаго взгляда на характерныя черты обоихъ лицъ, какъ представителей двухъ странъ: Россіи и Италіи. Между-тѣмъ, какъ ни игривы, какъ ни остроумны и часто даже какъ ни правдоподобны поэтическіе намеки и очерки того и другаго предмета, нельзя не чувствовать, что тутъ не достаетъ полноты идеи и назыблемости истины. Есть много живыхъ указаній на то, чѣмъ поэтъ самъ пораженъ бьглъ дѣйствительно; но рядомъ же есть и произволъ кисти, вымыселъ воображенія. Занимательность не сосредоточена ни на комъ и не возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ драма развертывается. За то каждая часть ея, представляющая отступленіе, въ которомъ такъ оригинально высказывается субъективность поэта, очаровательно хороша. По всему видно, что не сюжетъ поэмы преобладалъ въ душѣ автора, а движенія собственнаго его сердца, крики ощущеній посреди красотъ и чудесъ Италіи. Тѣмъ не менѣе, мы радостно привѣтствуемъ появленіе новаго стихотворенія г. Майкова. Оно служитъ для него переходомъ къ тому роду искуства, въ которомъ его гибкій, свободный талантъ выразится независимѣе и плодотворнѣе.

9. *Дружеская лоттерея съ угощеніемъ*, или необыкновенное происшествіе въ уѣздномъ городѣ.

Фарсъ-водевиль, въ двухъ отдѣленіяхъ. Соч. актёра *П. Григорьева 2.* Отдѣленіе I. Ссора протоколиста съ племянникомъ канцеляристомъ. Отдѣленіе II. Милости просимъ обѣдать. Въ 16; 63 стран. Спб.

Пьесы, назначаемыя для легкаго развлеченія зрителей въ театрѣ послѣ представленій серьёзныхъ, не должны бы являться въ печати. То, что можетъ веселить на сценѣ, часто наводитъ скуку въ чтеніи безъ содѣйствія зрѣлишныхъ принадлежностей.

10 *Ямщики*, или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичь. *Русскій народный водевиль* въ одномъ дѣйствіи. Соч. актёра *П. Григорьева 2.* Въ 16; 59 стран. Спб.

Зрѣлища надобно принаровлять къ публикѣ. Столичные посѣтители театровъ не могутъ принимать живаго участія въ томъ, что, можетъ быть, очень понравилось бы на театрѣ провинціальномъ. Вотъ что мы думали, перебирая листы въ народномъ Русскомъ водевилѣ.

11. *Естественная исторія для дѣтей.* Въ 16; 96 стран. Спб.

Содержаніемъ и изложеніемъ своимъ эта книжка никакой не принесетъ пользы дѣтямъ: естественной исторіи въ ней нѣтъ, потому-что нѣсколько

животныхъ, выставленныхъ на картинкахъ, не составляютъ науки, въ которой долженъ быть по крайней мѣрѣ порядокъ, если ужъ не полнота; а приложенное здѣсь объясненіе на картинки способно только сбить понятія вмѣсто утвержденія ихъ.

12. *Повѣсти и расказы для дѣтей. А. А.* Въ 12; 184 стран. Спб.

Сравнительно съ предыдущею, эта дѣтская книжка можетъ назваться не только полезною, даже хорошею. Въ ней есть и занимательность и вкусъ. Впрочемъ, когда начнешь ее разсматривать одну, или сравнивая съ извѣстными хорошими дѣтскими книгами, то найдешь, что авторъ трудился безъ дѣйствительнаго призванія къ дѣлу, которое непремѣнно требуетъ особаго таланта.

13. *Cours méthodique et général de composition*, appliqué à la langue Française; ouvrage approuvé par le ministère de l' instruction publique, et adopté pour les classes supérieures de ses établissements. Par *M. Charles de Saint-Julien* etc. Въ 8; XIII и 259 стран. Спб.

Въ числѣ учебныхъ книгъ, вышедшихъ у насъ въ Россіи въ продолженіе Марта 1845 года, замѣчательнѣйшею должна почесться та, которой выписано заглавіе. До сихъ поръ учители краснорѣчія

больше обращали вниманія на формы и характеристику сочиненій, нежели на изъясненіе способовъ, какъ ихъ составлять. Авторъ изданнаго нынѣ Руководства къ сочиненіямъ освободилъ свою книгу отъ всѣхъ школьныхъ правилъ, занявшись существеннымъ дѣломъ, т. е. развитіемъ мыслей, ихъ вѣрностію, порядкомъ и особенно качествами изображенія ихъ. Такимъ образомъ это первый у насъ опытъ не реторики, а практическаго курса сочиненій. Авторъ обогатилъ каждое положеніе своей теоріи такими примѣрами, которые для всякаго ученика ясно покажутъ, что требуется наукою отъ сочинителя. Мы надѣемся, что подобное сочиненіе не замедлитъ явиться изъ-подъ пера какаго-нибудь умнаго преподавателя словесности и изъ Русскихъ. Когда положено хорошее начало, то легко повести дѣло и дальше и даже искуснѣе: нужно только собственное убѣжденіе въ важности предпріятія.

14. *Краткая выписка необходимыхъ грамматическихъ правилъ для изученія Нѣмецкаго языка* по методѣ *Θедора Гейнзіуса*, для практическаго руководства и облегченія преподаванія составленная Д—ромъ *Ф. фонъ Миллеромъ*, и проч. Въ 8; 76 стран. Спб.

Въ разсматриваемомъ руководствѣ помѣщены одни самыя необходимыя правила, на которыя преподаватель часто долженъ указывать. Они напечата-

ны по-Нѣмецки и по-Русски, такъ-чтобы самое изученіе ихъ облегчало главный трудъ учащагося— пріобрѣтеніе навыка въ формахъ иностраннаго языка.

15. *Краткое начертаніе всеобщей исторіи для* первоначальныхъ училищъ. Составилъ *С. Смарагдовъ*, и проч. Въ 8; 82 и XX стран. Спб.

Руководства по части древней, средней и новой исторіи, изданныя г. Смарагдовымъ, пріобрѣли вообще хорошіе отзывы людей, понимающихъ это дѣло. Нынѣ сочинитель составилъ сокращеніе прежнихъ своихъ сочиненій, назначивъ его для первоначальныхъ училищъ. Отдавая справедливость выбору происшествій и направленію въ ихъ объясненіи, мы не можемъ согласиться только въ томъ, чтобы начинающіе должны были приступать къ изученію исторіи по одной методѣ съ тѣми, которые болѣе ихъ способны разсуждать и соображать. Если бы г. Смарагдовъ въ начальномъ своемъ курсѣ изложилъ исторію этнографически, то курсъ ея вышелъ бы во всѣхъ отношеніяхъ ученіемъ занимательнымъ. Теперь она, до чрезвычайности сокращенная, безпрестанно прерывается по методѣ синхронистической, такъ-что каждый отдѣлъ ея походитъ на отрывокъ указателя именъ и годовъ. Умъ едва ли что сохранитъ для себя изъ этой смѣси.

16. *Всеобщая географія*, приспособленная къ

преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. *Первый выпускъ.* Въ 8; 96 стран. Моск.

Мы сожалѣемъ, что эта учебная книга является выпусками, которые рѣдко доходятъ до конца. Авторъ теперь не можетъ дознаться, хорошо ли принятъ его трудъ, или дурно, потому-что за тетрадку учебника никто не рѣшится бросить деньги. Между-тѣмъ, судя по началу, эта географія очень хороша, что еще болѣе заставляетъ сожалѣть, зачѣмъ не вышла она вся вдругъ. Авторъ соединилъ въ своемъ учебникѣ разныя улучшенія по части географіи, заключающіяся въ сочиненіяхъ Бальби, Брюкнера, Нёссельта, Роона и Мальтебрёна. Въ его описаніяхъ и расказахъ замѣтна живость, которая рѣдко встрѣчается въ учебныхъ книгахъ.

17. *Краткое руководство къ логикѣ,* съ предварительнымъ очеркомъ психологіи. Соч. *Ореста Новицкаго,* и проч. Въ 8; 188 стран. Кіевъ.

Изъ числа руководствъ по части логики, изданныхъ на Русскомъ языкѣ, сочиненіе г. Новицкаго самое примѣчательное: оно объемлетъ науку въ томъ видѣ, до котораго теперь она доведена въ Германіи — отечествѣ всѣхъ частей философіи. Впрочемъ авторъ, не измѣняя духу ученія своего, легко могъ бы сочиненію сообщить другой видъ, болѣе доступный людямъ общежитія, нежели соб-

ственно ученымъ. Если формы грамматики и геометріи многими писателями упрощены, то пора уже освободить и логику отъ излишней формальности.

18. *Опытъ науки философіи*. Сочиненіе *Ѳ. Надежина*. Въ 8; 342 стран. Спб.

Подъ этимъ скромнымъ названіемъ вышла книга, занимательная для размышляющихъ читателей. Ничего нѣтъ обыкновеннѣе, какъ обращать въ шутку философію. Между-тѣмъ ея истины устраиваютъ всю систему нашего мышленія. Надобно только автору философіи прежде воспринять ее какъ сознаніе въ душу и потомъ предлагать читателямъ. Въ разсматриваемомъ нами опытѣ много ученыхъ свѣдѣній, но не всѣ они равно преобразились въ убѣжденіе сочинителя — и потому являются въ видѣ преподаванія мнѣній, а не въ видѣ собственнаго его ученія. Впрочемъ нельзя не радоваться, что эта часть литературы у насъ теперь болѣе прежняго обработывается.

19. *Лекціи популярной астрономіи*, читанныя *С. Зеленымъ*, и проч. Въ 8; 422 стран. Спб.

См. Современника т. XXXIII, стран. 225.

20. *Общія и астрономическія таблицы*, соста-

вленныя *Петромъ Воробьевымъ* въ 1844 году, и проч. Въ-листъ; 29 таблицъ. Спб.

Эти таблицы заключаютъ въ себѣ опредѣленіе долготы и широты замѣчательнѣйшихъ мѣстъ, раздробленіе и превращеніе суточнаго времени, сравненіе различныхъ мѣръ, даже логариѳмы чиселъ и т. п.

21. *Записки изъ математической географіи*, сферической и частію практической астрономіи, изданныя *Петромъ Воробьевымъ*, и проч. Въ 8; 334 стран. Спб.

Книга г. Воробьева, какъ пособіе для его слушателей, не представляетъ общей занимательности и даже системы. Но по частному своему назначенію она должна быть признаваема за трудъ полезный, тѣмъ болѣе, что соединяетъ въ себѣ разнородныя указанія на предметы, связанные основаніями науки.

22. *Опытный коновалъ*, или практическія записки артиллериста, и проч. Соч. артиллеріи полковника *П. С.* Двѣ части. Въ 8; V и 121 стран. Спб.

Всѣмъ извѣстно, что самые долголѣтніе опыты

ни къ чему не служатъ, если прежде наблюденія надъ ними не приготовишься ученіемъ къ уразумѣнію разныхъ явленій. Это вновь и неопровержимо доказываетъ *Опытный коновалъ*. Его наблюденія, расказы, объясненія совершенно противоположны основнымъ истинамъ науки, а слѣдовательно и пользѣ читателей.

23. *Собраніе хозяйственныхъ расчетовъ*, и проч. Въ 8; III и 287 стран. Спб.

Здѣсь собраны задачи изъ сельскаго хозяйства, бухгалтеріи, практической механики и физики. Для пріобрѣтенія навыка въ вычисленіяхъ касательно предметовъ, входящихъ въ означенныя науки, книга дѣйствительно можетъ служить пособіемъ.

24. *Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ*, составляющія курсъ этой науки, публично преподаваемый въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ въ 1844 — 1845 академическомъ году *Ярославомъ Линовскимъ. Земледѣліе.* Въ 8; 282 стран. Моск.

Предпріятіе г. Линовскаго очень полезно: для слушателей своихъ онъ читаетъ лекціи, а для постороннихъ передаетъ ихъ печатно. Его свѣдѣнія, судя по изданнымъ нынѣ лекціямъ, основательны, полны и изложены ясно.

II.

25. *Странствователь по сушѣ и морямъ.* Книжка *третья. Карпаты.* Въ 12; 250 стран. Спб.

26. Всеобщая библіотека Россіи, или *Каталогъ книгъ для изученія нашего отечества* во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ. *Прибавленіе второе.* Въ б. 8; IV и 564. Моск.

27. *Географія для дѣтей,* составленная *Ѳ. Студитскимъ. Азія, Америка, Океанія и Африка.* 16; VIII и 123 стран. Спб.

38. *Народная медицина,* примѣненная къ Русскому быту и разноклиматности Россіи, изданная *А. Чаруковскимъ. Наружныя болѣзни.* Часть *пятая.* Въ 8; LXVI и 294 стран. Спб.

═

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

1. *Свѣтлое Христово Воскресенье.* Повѣсть для дѣтей (*заимствована изъ Дикинса*). Въ 12; 159 стран. Моск.

Разсматриваемый расказъ составляетъ часть книжки: *Библіотека для воспитанія; годъ второй* — гдѣ онъ былъ помѣщенъ между другими статьями. Выборъ и изложеніе совершенно соотвѣтствуютъ цѣли этаго полезнаго изданія.

2. *Краткое начертаніе топографической анатоміи.* Сочиненіе *Зегера*, и проч. Перевелъ съ Нѣмецкаго Студентъ Императорскаго Московскаго Университета медицинскаго факультета *Алексѣй Орловскій.* Тетрадь I. Въ 8; 75 стран. Моск.

Авторъ предлагаетъ изученіе анатоміи по частямъ. Въ изданной тетрадкѣ говорится объ оконеч-

ностяхъ туловища. Въ послѣдствіи предложено будетъ изслѣдованіе туловища и головы. Книга хорошо составлена; переводъ точенъ.

3. *Полька въ Парижѣ и въ Петербургѣ.* Книга, заключающая въ себѣ исторію развитія польки и средствъ выучиться танцовать польку безъ помощи учителя, по методѣ Евгенія Корали, балетмейстера королевской музыкальной академіи въ Парижѣ. Съ 8 картинками, литографированными во Французской литографіи Поля Пети. Перевелъ съ Французскаго и дополнилъ замѣчаніями о водвореніи польки въ Санктпетербургскомъ обществѣ *Степанъ Громиловъ.* Въ 12; 64 стран. Спб.

О книгахъ подобнаго содержанія и тона говорить нечего: онѣ подъ защитою моды, могущественнѣйшей властительницы общества. Пусть читаютъ ихъ тѣ, для кого онѣ издаются. Танцмейстеръ исправитъ всѣ ошибки, вкравшіяся въ изданіе.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Другъ дѣтей*, книга для первоначальнаго чтенія. Изданіе *четвертое*. Составлена Инспекторомъ казенныхъ училищъ С. Петербургскаго Учебнаго Округа *П. Максимовичемъ* и одобрена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ. Въ 8; 142 стран. Спб.

Улучшаемая дополненіями при каждомъ новомъ изданіи, эта книга сдѣлалась необходимою во всякомъ домѣ, гдѣ только заботятся о добромъ началѣ ученія дѣтей.

2. Enchiridion medicum, или *Руководство къ практической медицинѣ*. Достояніе пятидесяти-лѣтней опытности *Х. В. Гуфланда*. Съ Нѣмецкаго перевелъ и со многими поясненіями издалъ *Григорій Сокольскій*. Изданіе *третье*. Въ 8; 756 стр. Моск.

ЛУЧШІЙ КРАЙ.

Подражаніе Фелиціи Гименсъ.

Ты плачешь, родная! но гдѣ же тотъ край,
Въ которомъ не плачутъ? «Ты слышалъ про рай?»
Я радуясь слушалъ, но гдѣ же искать?
Узнать бы, бѣжать бы, и тамъ доживать!
Не тамъ ли, гдѣ море кипитъ и шумитъ,
Гдѣ копится жемчугъ, гдѣ чайка кричитъ?
«Не тамъ, не тамъ, мое дитя!»

Не тамъ ли, гдѣ пальма погрязнувъ въ пескѣ,
Что шлемъ оперенный на длинномъ древкѣ,
Гдѣ райская птица зубчатымъ крыломъ
Какъ молнія блещетъ во мракѣ ночномъ,
Гдѣ алая роза и бѣлый ясминъ,
Что бѣлые гвозди, что алый рубинъ?
«Не тамъ, не тамъ, мое дитя!»

Не тамъ ли, гдѣ пала на гору гора,
Гдѣ мѣдные слитки, гдѣ груды сребра,
Гдѣ будто бы искра, гдѣ будто бы глазъ
Сіяя мелькаетъ лучистый алмазъ,
И цѣнное злато, мѣшаясь съ пескомъ,
Его отцвѣчаетъ пурпурнымъ огнемъ?
«Не тамъ, не тамъ, мое дитя!

«Никто изъ живущихъ еще не слыхалъ,
Никто изъ живущихъ еще не видалъ
Его пѣснопѣній — то Ангеловъ хоръ,
Его украшеній — не вынесетъ взоръ;
А знаю дорогу — дорога къ нему —...
Свинцовую тучу.... могильную тьму....
Онъ тамъ, онъ тамъ, мое дитя!»

Д. Коптѣвъ.

6 Ноября,
1844 г.

О МОЙ ТВОРЕЦЪ!

Изъ Гёте.

О мой Творецъ, о Боже мой!
Взгляни на грѣшную меня:
Я мучусь, я больна душой,
Изрыта скорбью грудь моя.
О мой Творецъ! великъ мой грѣхъ;
Я на землѣ преступнѣй всѣхъ.

Младая въ немъ кипѣла кровь;
Была чиста его любовь;
Но онъ о ней всегда молчалъ,
И тайно онъ отъ всѣхъ страдалъ.
Я знала все... О Боже мой!
Прости мнѣ грѣшницѣ большой.

Его я муки поняла;
Я бъ возвратить ему могла

Покой и счастье... но нѣмой
Я не тронулася мольбой.
О мой Творецъ! великъ мой грѣхъ;
Я на землѣ преступнѣй всѣхъ.

Тоской тяжелой удручёнъ,
Томился долго, долго онъ...
И умеръ бѣдный наконецъ.
О Боже мой, о мой Творецъ!
Прости мнѣ грѣшницѣ большой;
Взгляни, какъ я больна душой!

П — — — въ.

О ПОѢЗДКѢ ЗА ГРАНИЦУ ВЪ 1844 ГОДУ.

Выставка промышленности въ Парижѣ, въ наше время, есть событіе почти историческое: о ней говоритъ вся Европа. Такая выставка есть также учрежденіе почти государственное. Въ этомъ двоякомъ смыслѣ она влекла къ себѣ и мое вниманіе въ 1844 году.

Пять лѣтъ ожиданія, труда и успѣховъ того народа, который съ давнихъ поръ считается законодателемъ вкуса въ общежитіи, предсказанія легкомысленной молвы, золотой дождь наградъ и почестей, готовый утѣшить честолюбіе отличившихся, сотни тысячъ, истраченныя на павильонъ, для этой цѣли импровизованный — все это придавало особенный блескъ и величіе такому празднику, который, собственно говоря, имѣетъ свое значеніе лишь въ календарѣ меркантильной жизни. Два мѣсяца весь Парижъ былъ на-ногахъ. Число иностран-

цевъ, гостей изъ стараго и новаго свѣта, посѣщающихъ въ это время года столицу Франціи, удвоилось. Многія правительства прислали своихъ комиссаровъ нарочно для обозрѣнія выставки. Дворъ посѣтилъ ее болѣе десяти разъ.

Я не былъ такъ счастливъ: я не могъ отправиться ранѣе въ путь — и когда прибылъ туда, то блестящей толпы уже не было, и выставка оставалась еще нѣкоторое время доступною для немногихъ. Не смотря на то, обиліе, разнообразіе впечатлѣній, произведенныхъ ею на меня, такъ велико, что и въ подробномъ отчетѣ я затруднился бы вопросомъ: съ чего начать? Умъ практическій являлся мнѣ во всѣхъ видахъ своего выраженія — отъ малаго до великаго, отъ сильнаго и массивнаго до граціознаго: мнѣ удалось видѣть четыре тысячи новостей — подъ луною: это не бездѣлица. Въ самомъ дѣлѣ, какъ значится въ каталогѣ, почти 4000 хозяевъ, представили или выставили образцы своего досужества; иные по нѣскольку образцевъ. Представившихъ было и болѣе; но нѣкоторые не удостоились пріема. Только тѣ допущены, которыхъ произведенія отличались новостію, или небывалымъ прежде совершенствомъ. И все это огромное зданіе, исполненное множества вещей, являлось мнѣ не базаромъ, не просто сборищемъ вещей—а воплощеніемъ *успѣха*, понятія безплотнаго, безконечнаго, какъ душа вселенной, по ученію пантеистовъ. Въ этомъ понятіи

успѣха и заключается, если не ошибаюсь, основная, золотая мысль выставки. Все то, изъ чего она состоитъ, конечно находится и въ магазинахъ— но въ нихъ и старое выдается подъ-часъ за новое, потому-что надо же сбыть его; да и подлинно-новое тамъ не всегда значитъ улучшеніе, усовершенствованіе; на выставкѣ это необходимое условіе. При томъ же такое соединеніе того, что обыкновенно разсѣянно, раждаетъ новыя, плодоносныя отношенія: это есть также отличительная черта выставки. Собирая вдругъ, какимъ-то чародѣйствомъ, цвѣтъ промышленной дѣятельности народа въ одинъ роскошный букетъ — она, во-первыхъ, ласкаетъ чувство народной славы, чувство похвальное, когда оно, соединяя однихъ узами симпатіи, не ополчаетъ ихъ враждою на другихъ, такъ называемыхъ чужеродцевъ; во-вторыхъ, она въ общественномъ мнѣніи даетъ почетное мѣсто такимъ трудамъ, которые не менѣе другихъ важны, трудамъ зиждительнаго мира. Но особенно и существенно полезный результатъ оказывается въ слѣдствіе сближенія умовъ и ихъ направленій: теоріи съ практикой. Комиссія, распоряжающая выставкой, состоитъ изъ ученыхъ, которымъ предоставлено произнести судъ надъ относительнымъ достоинствомъ издѣлій и изобрѣтеній. И теорія и практика не мало отъ того выигрываютъ: одна, знакомясь съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ; другая, получая полезныя указанія науки на будущее время; недовѣрчивость и рав-

нодушіе замѣняются чувствомъ взаимнаго уваженія, благодатнымъ содѣйствіемъ и союзомъ. Такое содружество между лицами ученаго и промышленнаго классовъ тѣмъ важнѣе, что цѣли ихъ смежаются, и они нерѣдко даютъ другъ другу средства къ ихъ достиженію. Я видѣлъ акроматическія стекла для подзорныхъ трубъ, которыя по-справедливости можно назвать глазами астрономіи. Доллондъ, со всѣмъ своимъ искуствомъ, могъ дать имъ только $^1/_2$ аршина въ діаметрѣ: бывшія не выставкѣ *втрое* болѣе, ровныя, гладкія, чистыя какъ слеза. И возможность дѣлать ихъ всякаго размѣра, до $1^1/_2$ аршина въ діаметрѣ, найдена. Какія обѣтованія для науки! Движенія *неподвижныхъ звѣздъ* откроютъ тайны свои человѣчеству. Куда идутъ онѣ? Въ какой дали отъ насъ? Какъ велики? Все это доселѣ неизвѣстно. Сотни тысячь звѣздъ кочуютъ въ широкомъ раздольи небесъ; доселѣ, *одна* изъ нихъ изслѣдована: она находится въ созвѣздіи Лебедя, и лучь ея доходитъ до насъ въ десять лѣтъ. Новыя свѣтила небесныя невидимо заращаются какъ туманные призраки, и постепенно растутъ и круглѣютъ; кометы являются и исчезаютъ — можетъ быть, только отъ нашихъ глазъ и слабыхъ снарядовъ. Когда жъ послѣдніе увеличатъ зоркость свою отъ двухъ сотъ (какъ было по сію пору) до шести тысячь кратъ — тогда многое перестанетъ быть загадкой, по крайней мѣрѣ, въ нашей солнечной системѣ. Таковы заслуги промысловъ предъ наукою!

Въ свою очередь она облегчаетъ и совершенствуетъ ихъ своимъ вліяніемъ. На выставкѣ было много доказательствъ такаго вліянія: всѣ машины и орудія, химическіе препараты и ихъ примѣненія: напр., маякъ, освѣщающій даль струею водороднаго газа, направленною на древесный уголь, или чистую известь, при пособіи отражательныхъ зеркалъ, спасая жизнь мореходца, сохранитъ отъ гибели и грузъ его, надежду купца и заводчика. Гальванизмъ счастливою замѣною избавитъ серебреника отъ тлетворнаго дѣйствія ртутныхъ растворовъ, доселѣ неизбѣжныхъ, причинявшихъ работнику дрожь во всѣхъ членахъ, одышку, и проч.

Примѣненіе открытыхъ, дознанныхъ законовъ естества, плодъ не ученаго, но дѣятельнаго ума и другихъ способностей, наполнили залы выставки самыми замѣчательными явленіями, замѣчательными не новостію предметовъ, а новою степенью ихъ совершенства, величины, тонкости, дешевизны. Назову здѣсь два семи-аршинныя зеркала, болѣе 3-хъ аршинъ въ-ширину; огромный буравъ для сверленія колодцевъ; паровой молотъ, которымъ такъ же легко расколоть орѣхъ, не тронувъ ядра, какъ и сплющить желѣзную полосу; и тутъ же радужныя ленты, шерстяныя кисеи (mousselines de laine), тонкія и легкія какъ тканый вѣтерокъ, плѣняющія глазъ очаровательнымъ узоромъ, живостію цвѣта и нѣжностію тѣней. Эти ткани рѣшительно первен-

стоявши на выставкѣ. Самое названіе шерстяной ткани, тропическое, тропъ, какъ говорятъ въ риторикѣ, таитъ въ себѣ огромный переворотъ, опасный для другаго, въ прямомъ смыслѣ слова, тропическаго произведенія — для хлопчатой бумаги. Платя ей разнымъ за разное, шерсть готовится похитить у нея ту всемірную роль, которую она, бумага, лѣтъ съ тридцать играетъ на свѣтѣ, подъ скромнымъ именемъ бумажной пестряди. Такъ все непрочно на землѣ. Равнодушіе къ бумажнымъ тканямъ и склонность къ шерстянымъ очень замѣтны. Можетъ быть, Индія и Америка отъ того потерпятъ, а наша Русская, родимая степь разживется. Между-тѣмъ однако же и ситцы и кисея стремятся къ совершенству, и были не малымъ украшеніемъ выставки. Въ шаляхъ количество безпредѣльное. И эта шаль тѣмъ замѣчательна, что узоры каймы дѣлаются изъ шелковыхъ охлопковъ, которые прежде считались отребьемъ и бросались. Притомъ теперь ничего не значитъ сдѣлать двойную толстую шаль, а потомъ раздѣлить ее на тонкія, подобно тому, какъ рѣжутъ хлѣбъ ломтями. Другіе отличились тѣмъ, что выставили шаль безъ изнанки. О шелкѣ и говорить нечего.

Рѣзьба на деревѣ замѣнена новымъ способомъ, которымъ выигрывается много времени, а время лучше денегъ тамъ, гдѣ умѣютъ имъ пользоваться; слѣдовательно, эта новость тѣмъ любезна, что пре-

изведенія дешевле. Новый способъ состоитъ въ слѣдующемъ: дѣлается чугунная форма, которую накаливъ стоитъ только прижать крѣпко къ дереву, и на немъ выйдутъ рельефомъ фигуры, данныя формѣ: цвѣтники, арабески и т. п. Тисненыя такимъ образомъ мебели изъ палиссандра, липы, зеленаго дуба очень красивы подъ лакомъ. Въ-старину, рѣзьба на деревѣ была въ большомъ употребленіи: она имѣла мѣсто въ ряду изящныхъ художествъ и служила украшеніемъ внутри храмовъ католическихъ. Прекрасны изваянія этаго рода въ соборахъ Бургоса, Севильи, Іорка и др. Любуясь ими во время оно, я дивился ихъ изяществу, а также и терпѣнію тѣхъ, которые полвѣка трудились надъ ними въ благочестивомъ смиреніи. За то, бо̀льшая часть Готическихъ храмовъ недостроены. Въ наше время любятъ дѣлать все съ концомъ и живутъ скорѣе. Замѣчательны, кстати, новѣйшіе опыты примѣнить къ украшенію церквей ткани, сдѣланныя изъ стекла. Въ бѣдныхъ приходахъ изъ нихъ дѣлаютъ ризы, покровы, завѣсы и проч., замѣняя парчу золотую, серебро и самоцвѣтные камни блестящимъ, шелковистымъ полотномъ и кружевомъ изъ стеклянной пряжи, бѣлой и окрашенной. При этомъ невольно приходятъ мнѣ на память прекрасныя издѣлія изъ серебра и золота, сосуды разной величины, отчасти также для церковной утвари; другіе для житейскихъ упоеній, съ разными эмблематическими изображеніями, по вкусу и от-

дѣлкѣ достойные быть украшеніемъ другой выставки, въ Луврѣ, а не въ Поляхъ Елисейскихъ. Далѣе, бронзовые часы отличной работы, съ боемъ, съ музыкой, съ поющими птичками, съ барабанщикомъ, и т. п. затѣи старины, долговѣчныя игрушки въ родѣ тѣхъ, которыми съ давнихъ поръ и понынѣ величаются нѣкоторые города, какъ Любекъ, Бернъ и др., сохранившіе такія диковинки.

Упомяну здѣсь мимоходомъ объ изящномъ фарфорѣ, хрусталѣ, о глиняной посудѣ, о бумажныхъ обояхъ, очень миловидныхъ, и о всѣхъ издѣліяхъ моды, которыя, подъ общимъ названіемъ Парижскаго товара (articles de Paris), дѣлаются изъ бронзы и золота, изъ кожи, изъ картона, изъ кости, изъ ничего, и вмѣстѣ съ душистымъ мыломъ, съ райскими ароматами, съ тонкими перчатками и т. д. высылаются во всѣ части свѣта, цѣною на сто милліоновъ; о музыкальныхъ инструментахъ, о механическомъ наборщикѣ, сдѣланномъ въ видѣ клавикордъ, такъ-что движеніемъ клавишей, соотвѣтствующихъ разнымъ буквамъ алфавита, выскакиваютъ свинцовыя литеры и располагаются въ желаемомъ порядкѣ: нѣсколько аккордовъ отдаются на станкѣ согласною рѣчью, или звучнымъ стихомъ. Все это множество чудесъ, то замысловатыхъ, то полезныхъ, будетъ оцѣнено по достоинству, когда Комиссія напечатаетъ свой отчетъ: ей даны всѣ средства для произнесенія зрѣлаго и окончательнаго суда, кото-

рому общественное мнѣніе охотно и безусловно покоряется.

Посреди выставки, слѣдуя потоку мыслей, возбуждаемыхъ великолѣпіемъ зрѣлища, я старался вникнуть въ духъ самаго учрежденія, объяснить себѣ вопросъ объ относительной его важности.

Испытуя мнѣнія другихъ, я находилъ у однихъ сильное убѣжденіе въ томъ, что будущая выставка будетъ еще лучше этой; другіе, напротивъ, сомнѣваются, чтобы нашлось мѣсто для возрастающаго числа предметовъ, и полагаютъ, что уже по этой причинѣ выставки скоро будутъ невозможны; нѣкоторые даже желаютъ, чтобы онѣ наконецъ вовсе прекратились, потому-что цѣль выставки потеряна. Все это, можетъ быть, справедливо; послѣднее требуетъ нѣкотораго объясненія. Впрочемъ касательно внѣшнихъ затрудненій, которыхъ опасаются на будущее время, конечно найдутся средства избѣжать ихъ. До сихъ поръ вещи, назначаемыя на выставку, подвергались разсмотрѣнію мѣстныхъ Комиссій въ Департаментахъ: излишняя снисходительность этихъ Комиссій бываетъ причиною, что иногда, не смотря на ревизію центральной Комиссіи, проскакиваютъ посредственности. Впередъ нужда заставитъ быть строже и разборчивѣе: общимъ совѣтомъ придумаютъ точныя и подробныя правила пріема, и будутъ съ ними сообразоваться.

Цѣль выставки указана была сперва случайными обстоятельствами. Въ 1798 году, Франція, послѣ кровавыхъ дѣлъ, захотѣла отдохнуть и утѣшиться созерцаніемъ мирныхъ трудовъ своихъ. Первыя выставки украсились именами Брегѐта, Дидò, Жакàра: послѣднему дана была бронзовая медаль за изобрѣтеніе, которое озолотило Францію. Выставка 1844 года числомъ десятая. На первой было 100 номеровъ, на послѣдней почти 4000 (3963). Все это доказываетъ, что учрежденіе признается вообще полезнымъ, а подражаніе другихъ государствъ служитъ новымъ тому доказательствомъ. Для публики, это зрѣлище привлекàтельное, и она стремится туда, и—какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ—чѣмъ болѣе собралось, тѣмъ болѣе соберется: большое стеченіе народа привлекаетъ еще бòльшее. Въ этомъ отношеніи Парижъ, какъ всемірный городъ, конечно всегда будетъ первенствовать: тамъ начало выставокъ, тамъ родная ихъ почва. Кромѣ удовольствія быть такъ случайно въ большомъ собраніи, посѣтитель видитъ множество вещей и вещицъ порядочныхъ: каждый разсматриваетъ пристальнѣе то, что ему понятнѣе и болѣе нравится. Одни хвалятъ, другіе осуждаютъ: всѣ судятъ; но если бъ при этомъ давались объясненія полныя и основательныя, если бъ тутъ же читались техническіе курсы; тогда конечно польза выставки была бы во стократъ значительнѣе. Всего менѣе доступны общему понятію важнѣйшія явленія выставки — орудія и

машины. Ихъ слѣдовало бы показывать инымъ образомъ. Въ нѣмомъ бездѣйствіи, въ неподвижности, онѣ почти для всѣхъ остаются непризнанными геніями. На Берлинской выставкѣ я видѣлъ похвальный примѣръ: Жакаровъ станъ, на которомъ ткачь не на-шутку занимался своимъ дѣломъ единственственно для показа. Публика съ особеннымъ участіемъ окружала его, слѣдя за ловкимъ движеніемъ рукъ и всего механизма: ткань росла у всѣхъ на виду. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе узнали тутъ то, что выставки были бы назидательнѣе, если бъ рядомъ съ усовершенствованными произведеніями показались тѣ, которыя находятся еще въ народномъ употребленіи. Такое сравненіе хорошаго съ худымъ, удобнаго и красиваго съ грубымъ и нескладнымъ дѣйствуетъ прямо на чувства и краснорѣчивѣе многихъ словъ. Правда, что это отняло бы щегольской видъ у выставки; но щегольство здѣсь не должно быть главною цѣлію. Иное дѣло въ магазинѣ, гдѣ все подобрано для эффекта. Выставка промышленности занимаетъ средину между моднымъ магазиномъ съ одной стороны, и такими учрежденіями, каковы напр. музеи ученыхъ обществъ, кабинеты рѣдкостей и т. п. съ другой. Выставка должна свидѣтельствовать о дѣйствительномъ состояніи производительности края въ извѣстное время. Познаніе этаго состоянія важно для всѣхъ, особенно же для тѣхъ, которые имѣютъ, или могутъ имѣть вліяніе на

промышленность. Тутъ конечно ближе всѣхъ интересованы фабриканты и ремесленники.

Для нихъ выставка имѣетъ свои выгоды и свои невыгоды. Они показываютъ образцы своего искуства, слѣдственно пріобрѣтаютъ извѣстность лестную и вмѣстѣ прибыльную. Слава ихъ заведенія распространяется всюду и далеко, въ своей и въ чужой землѣ: сбытъ произведеній слѣдуетъ за нею, и приноситъ имъ богатство и воздаяніе. Но съ другой стороны, извѣстность уничтожаетъ тайну, какъ день отгоняетъ ночь. Соперники могутъ перенять ихъ открытія, присвоить себѣ плоды ихъ изобрѣтательности. Всякой знаетъ, какъ легко промышленные люди предаются такимъ опасеніямъ, особенно въ отношеніи къ иностранцамъ, хотя бо̀льшею частію вовсе напрасно. У страха глаза велики: какой-нибудь составитель ваксы всего болѣе имѣетъ секретовъ и дорожитъ ими. Впрочемъ надо признаться, что мнѣ случалось встрѣчать въ Англіи и богатыхъ фабрикантовъ, зараженныхъ такимъ подъяческимъ образомъ мыслей. Замѣчу только, что нынѣ Англійскіе фабриканты сожалѣютъ о томъ, что вывозъ машинъ изъ Англіи въ чужіе краи былъ искони запрещенъ. Кромѣ того, что запрещеніе разными уловками подкапывалось, оно имѣло слѣдствіемъ то, что въ другихъ земляхъ, какъ-то: въ Бельгіи, во Франціи, въ Германіи, размножились и усовершенствовались механическія заведенія, поставляющія машины въ

желаемомъ количествѣ и совершенствѣ; потому-что для изобрѣтеній и для выполненія ихъ на дѣлѣ нужны только способности, познанія, и время — все такія вещи, которыя не приросли къ одному мѣсту, и могутъ сами явиться вездѣ, гдѣ нужда-волшебница будитъ человѣка: законы физическаго міра также вездѣ одинаковы, и не задерживаются таможнею. Теперь Англія разрѣшила вывозъ машинъ закономъ: но теперь уже поздно. Вообще говоря, кто способенъ, съ однаго взгляда на вещь, понять, какъ она сдѣлана, для того нѣтъ недоступныхъ тайнъ: онъ самъ ее выдумаетъ. А кто къ тому не рожденъ, или не приготовленъ ученіемъ, тому все показывайте: онъ удовлетворитъ своему любопытству, пойметъ, или не пойметъ, главную мысль промысла, подивится вашему искуству и поблагодаритъ васъ за гостепріимство и услужливость. Въ смыслѣ психологическомъ, выставка есть торжество лучшихъ убѣжденій надъ малодушіемъ и предразсудкомъ. Остается умѣть воспользоваться такою побѣдою — разумѣется, для блага общаго.

Вездѣ, гдѣ правительства ведутъ промышленныя силы народа къ предположенной цѣли, по своему благоизобрѣтенію, поощреніями и запрещеніями, они дѣйствуютъ на томъ основаніи, что надо дать ходъ *своимъ* передъ чужими, подобно тому, какъ въ неравной игрѣ искусный игрокъ даетъ нѣсколько ходовъ впередъ неискусному. Въ такихъ поощре-

віяхъ и запрещеніяхъ всегда содержится невольное признаніе собственной слабости, существующаго неравенства. Неравенство въ промыслахъ можетъ быть двоякаго рода: техническое и экономическое. Мы отстаемъ отъ иностранныхъ, когда произведенія наши хуже ихъ произведеній, или, хотя и одинаковаго качества, да дороже. Тарифъ имѣетъ цѣлію пособить этой немощи производителей. Въ слѣдствіе тарифа, народъ покупаетъ все дороже, жертвуетъ настоящими выгодами въ надеждѣ будущихъ благъ, въ ожиданіи успѣховъ отъ своихъ фабрикъ и проч. По-этому, выставка есть расчетъ народа съ своею промышленностію, которой дается случай показать, хоть въ маломъ видѣ, что она можетъ сдѣлать и что свыше силъ ея. Комиссія выставки изслѣдуетъ ближе этотъ вопросъ, а плодомъ изслѣдованія должно бы быть — пониженіе тарифа. Таковъ естественный ходъ идей; но на дѣлѣ выходитъ иначе. Успѣхи техники кое-какъ приводятся въ извѣстность и громко восхваляются; но экономическая сторона промысловъ остается въ тѣни, а то, что о ней извѣстно, безъ вліянія на практику.

Дешевизна произведеній есть одно изъ тѣхъ качествъ, которыя должны быть засвидѣтельствованы выставкой; иначе она измѣняетъ своему характеру. Но фабриканты не выставляютъ цѣнъ на своихъ образцахъ. Это конечно лучше, нежели объявлять цѣны ложныя, а все-таки не хорошо. Какъ

не ясны въ публикѣ понятія объ этомъ предметѣ— доказывается слѣдующимъ наблюденіемъ. Въ Парижѣ я замѣтилъ, что особенно много рѣчи было о вышитомъ платкѣ съ изображеніемъ четырехъ Рейнскихъ видовъ; а въ Берлинѣ, о саблѣ съ богатою рукоятью. Платокъ цѣнили въ 3000 франковъ, и это обстоятельство столько же влекло къ нему общее вниманіе, какъ и красота издѣлія. И-такъ чѣмъ дороже, тѣмъ лучше? Составьте же всю выставку изъ такихъ диковинокъ: она будетъ не иное что, какъ собраніе рѣдкостей.

Впрочемъ не говорю, что о цѣнахъ ничего не извѣстно, хотя онѣ и не показываются. Комиссія не лишена средствъ узнать ихъ отъ самихъ фабрикантовъ: они обращаются къ ней съ своими правами и надеждами, и отъ нея ожидаютъ себѣ всего хорошаго. Она испытуетъ всяческая: обязанности ея велики, а исполненіе ихъ будетъ со-временемъ удачнѣе.

До сихъ поръ, на выставкахъ, прежде бывшихъ въ Парижѣ, почти всегда одна четверть выставщиковъ удостоивалась наградъ разной степени, раздаваемыхъ Королемъ лично. Нынѣ было то же. Кромѣ получившихъ медали, болѣе 30-ти человѣкъ сдѣланы кавалерами ордена Почетнаго-Легіона. Едва ли можно одобрить подобную расточительность въ народѣ этаго рода за предпріятія промышлен-

ныя, въ которыхъ единственное побужденіе и вознагражденіе есть *прибыль*. Другія награды, кажется, приличнѣе: деньги за деньги. Ровно за годъ передъ тѣмъ, мнѣ удалось видѣть въ Англійскомъ графствѣ Дэрби выставку земледѣльческую, учрежденную частнымъ Обществомъ, какъ и все, что дѣлается въ Англіи. Та выставка во многомъ отличалась отъ Парижской. Не буду распространяться объ этомъ различіи и объ особенностяхъ той и другой. Замѣчу только, что преміи Общества состояли въ вещахъ цѣнныхъ и въ денежныхъ призахъ: послѣдніе тѣмъ болѣе приличны, что служатъ прямо вознагражденіемъ тѣхъ издержекъ, которыхъ стòитъ выставка каждому хозяину-промышленнику.

Соображая всѣ обстоятельства, скажу здѣсь частное свое мнѣніе о выставкѣ 1844 го года. Она есть полезная, умно обдуманная мѣра правительства, для всѣхъ безъ исключенія выгодная, хотя еще далекая отъ предѣла своего совершенства.

Казна ничего не потеряла. Пространный павильйонъ, изящной архитектуры, построенный временно для этой цѣли въ Поляхъ Елисейскихъ, обошелся въ 350 т. франковъ; но казна легко воротила эту сумму, потому-что число пріѣзжихъ иностранцевъ въ это время возрасло до 35 т. человѣкъ, сверхъ обыкновеннаго, и каждый, выѣзжая изъ

Франціи во-свояси, долженъ былъ заплатить 10 франковъ.

Городъ много выигралъ во всѣхъ отношеніяхъ. Пріѣзжіе иностранцы, иногородные привезли съ собой и оставили кучу денегъ: всѣ гостинницы были заняты съ-верху до-низу; запоздалые едва могли найти себѣ уютный уголокъ. Потребленіе разнаго рода увеличилось въ той же соразмѣрности. Доходы почтъ, театровъ и проч. пріумножились. Модные и другіе магазины лихо поживились. Еще скажу, что все это свойственно одному Парижу. Тамъ все окупается; туда и безъ того приливъ иностранцевъ всегда значителенъ, а въ случаѣ какаго-нибудь важнаго процесса, или, какъ этотъ разъ, выставки, стекается несмѣтное число гостей. И въ Берлинѣ съѣздъ былъ не малый; но почти однихъ Нѣмцевъ.

Французскіе фабриканты, заводчики, ремесленники, артисты разной степени, торговые люди, и т. д., вся эта производящая сила — были собственно героями праздника. Многіе изъ нихъ украсились вѣнкомъ побѣднымъ; болѣе тысячи человѣкъ вкусили брашна королевскаго въ Тюльери. Но главное — то вниманіе публики, которое они обратили на себя и на свои издѣлія, тѣ мысли, которыхъ набрались отъ всеобщаго столкновенія умовъ, тѣ связи, которыя завели съ посредниками всякаго сбыта, тѣ заказы, которые получили. Все это должно было воз-

наградить ихъ за путевыя издержки, за перевозку вещей, изъ которыхъ иныя очень полновѣсны и обошлись не дешево.

Наконецъ, для публики, выставка была источникомъ развлеченія, патріотическаго самодовольствія, очарованія, удивленія, многихъ встрѣчь и воспоминаній. Выставка заставила говорить о себѣ нѣсколько недѣль: это цѣлая вѣчность для такаго народа, у котораго нѣтъ ни *вчера* ни *завтра*.

Такимъ образомъ она надѣлала много шуму и чудесъ. Я доволенъ тѣмъ, что видѣлъ ее. Она была главною, хотя не единственною, цѣлію моей поѣздки. Благодареніе тѣмъ, которые не помѣшали мнѣ въ этомъ намѣреніи!

В. Порошинъ.

Примѣчаніе. На 131 страницѣ, въ послѣдней строкѣ, ошибкою напечатано: въ народѣ; а надобно: *въ наградѣ*.

ПЯТЬ ГЛАВЪ

из новаго романа *П. Кулѣша:*

ЧЕРНАЯ РАДА.

(Окончаніе.)

ГЛАВА IV.

Про гетьмана, чи про гайдамаку
Дѣдъ заспѣвае, въ бандуру заграе —
Плаче бандура, мовъ оживае,
Жаль вôзьме дитину, вôзьме и бурлаку.
Ёго бандура, схоче вôнъ, завые,
Ёго бандура й ворономъ закряче;
Мовъ та дитина, жалôбно плаче —
Слёзы польються, серденько ные!

Метлинскій.

Вошедши въ пасику, Шрамко помолился передъ иконою святаго Зосима, покровителя пчелъ, стоявшею на одномъ высокомъ ульѣ. Надъ нею сдѣланъ былъ маленькій навѣсецъ, защищающій святаго Зосима отъ дождя. На иконѣ висѣло бѣлое полотенцо, котораго концы, симметрически свѣшенные по обѣ стороны, украшены были красными узорами.

Василь Невольникъ почелъ за нужное расказать при этомъ Шрамку извѣстную легенду о томъ, какъ

въ-старину не было еще у людей пчелъ; пчелы были только у какихъ-то народовъ *Плясовицъ*, которые, при восходѣ солнца, мѣсяца и звѣздъ, выходили на могилы плясать. Святой Зосимъ, по повелѣнію Божію, служилъ у нихъ пасичникомъ, пока не узналъ искуства пчеловодства; а потомъ, спрятавши нѣсколько пчелъ съ маткою въ набалдашникъ своей палицы, отошелъ отъ нихъ и развелъ такую пасику для свѣчь къ Божію Дому, что когда пчелы выйдутъ *на прогру*, то и солнце затмѣваютъ. Просила тогда пчела Бога, чтобъ назначилъ ей особое владѣніе въ мірѣ; а Богъ сказалъ: «даю тебѣ во владѣніе всѣ цвѣты по всѣмъ рѣкамъ, по всѣмъ берегамъ до самаго моря». Тогда-то она разлетѣлась по всему свѣту, и завелись у людей пасики.

— Что жъ это за Плясовицы были? спросилъ Шрамко. Слышу объ нихъ съ самаго дѣтства, но до сихъ поръ не возьму хорошо въ толкъ.

— Ге, Плясовицы! отвѣчалъ Василь Невольникъ. Это было еще въ то время, когда Христосъ не родился; тьма была тогда по всему міру, и Плясовицы гуляли во тьмѣ. А когда Христосъ родился, то звѣзда на востокѣ весь свѣтъ осіяла; тогда Богъ дохнулъ на нихъ своимъ духомъ, и онѣ стали камнями. Отъ якъ се було, добродѣю мой коханый!

Это иносказаніе о тьмѣ языческаго міра, разсѣяв-

шейся при явленіи свѣта Христова, и о ложныхъ божествахъ, ставшихъ простыми камнями, когда просвѣтились очи всѣхъ, для Шрамка не требовало объясненія. Не смотря на свою грамотность, которая впрочемъ обнимала не больше того, что написано было въ Библіи, онъ вѣрилъ во все это съ тѣмъ непытливымъ простодушіемъ старины, которому мы единственно обязаны, что до насъ дошли въ аллегорическихъ формахъ многія преданія о событіяхъ, не записанныхъ исторіею, многія философскія идеи, сознанныя глубоко нашимъ народомъ.

Въ воздухѣ вдругъ пронеслись далекіе звуки струнъ.

— Что это? спросилъ Шрамко, у васъ и бандура?

— И бандура! да еще чья бандура? О Боже правый! что-то за люди есть на свѣтѣ?

— Догадываюсь, сказалъ Шрамко; только не хочу самъ себѣ вѣрить! Не уже ли это у васъ *Божій человѣкъ?*

— А кто жъ бы другой могъ такъ играть на бандурѣ? О Боже правый! Когда онъ играетъ и поетъ про козацкую славу, волосъ на головѣ вянетъ, и душа въ-гору ростетъ!

Въ это время сильнѣе послышались звуки бандуры, и потомъ къ нимъ присоединился голосъ — удивительно выразительный и пріятный. Шрамко отъ радости былъ самъ не свой. Почти бѣгомъ спѣшилъ онъ впередъ по дорожкѣ, наконецъ увидѣлъ подъ старою липою двухъ стариковъ, сидѣвшихъ на разостланномъ коврѣ по-Турецки. Тотъ, который игралъ и пѣлъ, имѣлъ наружность, поразительную своимъ величіемъ и старческою красотою. Это былъ огромнаго росту крѣпко сложенный старикъ съ бѣлыми волосами, завившимися въ крупные кудри, и бѣлою, длинною бородою. Глаза его съ большими сѣдыми бровями и лобъ съ античными выпуклостями и углубленіями выражали столько ума, столько вдохновенія и какой-то святой мысли, что ему именно пристало его прозваніе: *человѣкъ Божій*. На это время онъ пѣлъ грустную думу о смерти Хмѣльницкаго:

Ой настала жаль-туга да по всей Украйнѣ....

При сильныхъ нотахъ, при самыхъ тоскливыхъ выраженіяхъ думы, онъ немного наклонялся впередъ, и тѣлодвиженіями своими, печальнымъ помаваніемъ головы своей еще больше дѣлалъ выразительною свою пѣсню. Видно было, что онъ всею душею переходилъ въ поэзію, и ничего не видѣлъ передъ собою, кромѣ незабвеннаго Богдана, оставляющаго Украйну сиротою.

Слушатель его, панъ Череванъ, былъ, по-видимому, человѣкъ совсѣмъ противнаго свойства. Не знаю, что могъ бы почерпнуть въ его наружности рѣзецъ древняго ваятеля. Онъ былъ круглый со всѣхъ сторонъ, съ какой ни зайди. Лысая шарообразная голова, огромное брюхо, по которому онъ и прозванъ Череваномъ *, руки съ растопырившимися отъ жиру пальцами, и веселое выраженіе во всѣхъ чертахъ — вотъ вамъ его портретъ. Слушая смутную думу, которая въ тѣ времена не одного козака заставляла рыдать, онъ смѣялся, такъ разширяя щеки, какъ будто за каждою щекою у него засунуто было по арбузу. Впрочемъ это происходило не отъ того, чтобъ онъ не понималъ достоинства этой пѣсни; напротивъ, она приводила его въ восторгъ: только этотъ человѣкъ иначе не могъ выражать своихъ чувствъ, какъ смѣхомъ. Въ самыхъ трогательныхъ мѣстахъ Череванъ едва могъ усидѣть на мѣстѣ, брался за бока и покачивался въ обѣ стороны, между-тѣмъ какъ смѣющіеся его глаза наполнялись слезами.

Шрамко остановился подъ деревомъ и смотрѣлъ на своихъ друзей съ наслажденіемъ: оба они были равно имъ любимы. Подъ конецъ пѣсни Череванъ, какъ-то взглянувши въ ту сторону, замѣтилъ стоящаго Шрамка и не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ.

* Брюхо по Малороссійски *черево*.

Не трогаясь съ мѣста, онъ указалъ на него пальцемъ своему гостю и сказалъ, картавя на буквѣ *р*.

— Батько мой й бгате! посмотги, кто это стоитъ: чи се самъ Шгамко, чи се ёго душа пгилетѣла послушать твоей бандугы?

Тотъ посмотрѣлъ, и хотя не сомнѣвался, что это не призракъ, однако жъ спросилъ, подражая тону Черевана: «скажи мнѣ, кто ты такой, чи ты самъ Шрамко, чи ты его душа прилетѣла, можетъ быть, послушать моей бандуры?»

— О мои коханые пріятели! сказалъ наконецъ Шрамко и бросился къ нимъ съ распростертыми руками.

Тѣ встали и обняли его оба разомъ. Панъ Череванъ качался въ обѣ стороны отъ смѣху, что было знакомъ величайшаго его удовольствія. Старецъ также былъ очень обрадованъ. Одинъ только Василь Невольникъ казался печальнымъ въ этой сценѣ дружескаго свиданія. Но это было только по-наружности. «Боже правый, Боже правый»! говорилъ онъ, качая головою; «есть же такіе люди на свѣтѣ!»

— Какимъ случаемъ? по волѣ, или по неволѣ? спрашивалъ Шрамка Череванъ.

— Конечно, по волѣ, отвѣчалъ Шрамко. Кто приневолилъ бы меня теперь къ чему-нибудь? Еще мало мы поработали за свою вольность козацкую?

— И пгямо ко мнѣ?

— Ну, нѣтъ, не совсѣмъ прямо: есть дѣла гораздо святѣе, нежели надточить наливокъ у пана Черевана. Ѣду на богомолье въ Кіевъ.

— Боже помоги! святое дѣло, сказали въ одинъ голосъ оба пріятеля.

— Дошелъ до насъ слухъ, коханый мой дгужище, продолжалъ Черевань, что ты сдѣлался попомъ, а потомъ дгугой, что ты опять взялъ на себя полковничество. Только жъ мы тепегь видимъ, что это не все пгавда.

— Отъ чего жъ не все? отвѣчалъ Шрамко. Ряса не мѣшаетъ полковнику, а сабля и пистолеты попу.

Тутъ онъ распахнулъ свои полы. Увидѣвши на Шрамкѣ саблю и пистолеты, друзья его вскрикнули въ восторгѣ.

— Покойный мой панъ отецъ, продолжалъ

Шрамко, не былъ и полковникомъ, а такъ славно рубилъ съ Наливайкомъ Ляховъ, что ну!

— Чудо, а не наши! чудо, а не наши! говорилъ Черевань, потирая себѣ отъ удовольствія руки. Однако жъ, бгатину, не во гнѣвъ тебѣ, ты и въ гясѣ болѣе похожъ на козака-губаку.

— А это жъ чѣмъ худо? сказалъ Шрамко. И козакъ не малый человѣкъ. Кланялись неразъ козакамъ короли и султаны!

— Ну, благослови жъ насъ, отче, сказалъ Черевань.

— Насилу догадались! Боже васъ благослови! отвѣчалъ Шрамко, благословляя ихъ, но руки поцѣловать не далъ.

— Нѣтъ, позволь, батько мой родной! сказалъ Божій человѣкъ. Я съ почтеніемъ поцѣлую эту руку, которая освободила столько церквей православныхъ.

— О, Боже правый, Боже правый! говорилъ Василь Невольникъ. Если бъ ты не былъ и попомъ, и тогда бъ я готовъ былъ цѣловать твои руки и ноги.

— Такъ, бгатъ! ей Богу такъ! прибавилъ Черевань: мы поважаемъ тебя какъ батька.

— А тебя жъ, батько, откуда Богъ несетъ? такъ обратился Шрамко къ Божьему человѣку.

— Извѣстно откуда, отвѣчалъ тотъ, извѣстно куда, извѣстно и зачѣмъ. Кому що, а у меня одно дѣло: размягчать души людскія на все доброе, собирать сребро и золото и употреблять его на угодное Господу дѣло — на выкупъ бѣдныхъ невольниковъ изъ тяжкой неволи Турецкой. *Блаженны милостивые, яко тіи помилованы будутъ!*

— Такъ, мой батько! такъ, мой добродѣй! сказалъ Василь Невольникъ. Пусть такъ надъ тобою Господь умилосердится, какъ ты надо мною умилосердился! Три года, какъ три дня, сидѣлъ я на цѣпи въ проклятой башнѣ въ Керманѣ, не думалъ уже видѣть свято-Русскаго берега; а твои дорогія ручки выиграли за меня тысячу дукатовъ — и опять я увидѣлъ нашъ край веселый, опять услышалъ козацкую мову!

Съ этимъ словомъ онъ схватилъ и поцѣловалъ руку Божьяго человѣка.

— Не меня благодари, Василю, сказалъ тотъ, благодари того, кто не поскупился вынуть изъ кар-

мана тысячу дукатовъ, чтобъ вызволить изъ тяжкой неволи душу Христіанскую.

Онъ указалъ на Черевана.

— Развѣ жъ я его не благодарю? говорилъ Невольникъ. Монахи звали меня въ монастырь, бо я-таки себѣ и грамотный немножко; козаки звали меня въ войско, бо я не годъ да и не два отамановалъ надо всѣмъ кошемъ, пока попался въ тяжкую неволю, и всѣ *гирла* * знаю, какъ свои пять пальцевъ. Но я ни туда, ни туда не захотѣлъ, а сказалъ: «нѣтъ, братцы! пойду я служить тому, кто вызволилъ меня изъ земли бусурманской на Христіанскую землю; буду у него конюхомъ, буду у него послѣднимъ чурою; пусть знаетъ, что такое благодарность».

Черевань, слушая это, только смѣялся.

— Катъ знае, що городишь, бгате! промолвилъ онъ. Послѣ Корсуня, Пилявецъ и Збарата мы червонцы приполами носили. А развѣ жъ ты у меня чурою? Ты у меня живешь за роднаго брата, а не за чуру. Ну, сядьмо жъ, сядьмо, гости мои дорогіе, да выпьемъ за здоровье пана Шрамка.

— Сядемъ, батьку, сказалъ Шрамко, а то его

* *Гирлами* (гóрлами) назывались у Запорожцевъ рукава и устья рѣкъ, впадающихъ въ Черное море.

ноги не выдержатъ долго. Ему бъ нужно четыре ноги, а не двѣ.

— Хи-хи-хи! отвѣчалъ на эту остроту Черевань. Да мы-таки, бгате, и всѣ отпаслись немного, гоняючи Ляховъ — хоть не тѣломъ, такъ карманомъ. Вотъ только мой Василь такъ зачахъ въ Турецкой неволѣ, что уже я бралъ его на вольную пашу и на Батогъ въ Молдавію и подъ Жванецъ — ничто не помогаетъ: все смотритъ внизъ, якъ старая шкапа, побывавшая въ Жидовскихъ рукахъ.

— Охъ, Боже правый, Боже правый! какъ и не зачахнуть въ такой дьявольской тюрьмѣ? Можетъ быть, сто лѣтъ уже она стоитъ, а ни разу не выметена. Смрадъ, нечистота, сырость! По срединѣ проведена отъ стѣны до стѣны толстая цѣпь, а къ той цѣпи прикованы все цѣпи, и на тѣхъ цѣпяхъ мы гуляли по тюрьмѣ, какъ собака на веревкѣ. Это жъ днемъ. А какъ только наступитъ ночь, заразъ и идетъ проклятый Турчинъ, кладетъ насъ одинъ возлѣ другаго ницъ, какъ лежатъ вѣдьмы въ могилахъ, и забьетъ всѣмъ ноги въ колоду. Такъ и лежи до свѣта. Такъ гдѣ жъ тутъ не зачахнуть! О Боже правый, Боже правый!

Шрамко и Божій человѣкъ слушали его съ участіемъ. Черевань смѣялся и сказалъ: проклятые бусурманы! вотъ какъ они глумятся надъ нашимъ

братомъ! Такъ кто жъ бы тутъ пожалѣлъ тысячи дукатовъ? Да я тебѣ скажу, бгатъ, что когда пришелъ ко мнѣ батько (онъ указалъ на Божьяго человѣка) и сыгралъ пѣсню про невольниковъ, какъ они тамъ погибаютъ, и потомъ расказалъ, что и нашъ Василь тамъ мучится, такъ я готовъ былъ послѣднюю сорочку отдать на его выкупъ! Ей Богу, бгате!

— Да, сказалъ Божій человѣкъ; воротился тогда къ намъ на Запорожье одинъ купецъ изъ Крыму и говоритъ: «видѣлъ я, говоритъ, тамъ кошоваго Василя Тарануху — его тогда еще не звали Невольникомъ — Василя Тарануху въ тяжкой неволѣ; подаетъ голосъ изъ сырой темницы на Запорожье и на Украйну; не найдется ли хоть одна душа, чтобъ захотѣла заслужить себѣ царство небесное; пусть выкупитъ его изъ неволи, а я буду за него, вставая и ложась, Бога молить»...

— Такъ, ей Богу такъ! перервалъ Невольникъ. Сидѣлъ я у того окна, что только одно и было въ башнѣ, широкое да низенькое съ желѣзными перегородками; туда, бывало, добрыя души подаютъ намъ невольникамъ милостыню; бо и тамъ не безъ добрыхъ душъ: есть примилосердныя Туркени *; а

* Всѣ эти свѣдѣнія о невольникахъ почерпнулъ я изъ книги: *Pamietniki o Koniecpolskich.*

иногда и Христіанская душа, какой-нибудь купецъ съ товарами, заѣдетъ въ тотъ невѣрный край. Боже правый! что жъ то за радость, когда увидишь земляка въ той проклятой бусурманщинѣ! Вотъ я у того окна сидѣлъ—ажъ идетъ по базару нашъ Гаврило Шкòда. Добрая душа! пусть ему Господь поможетъ, гдѣ онъ теперь оборачивается! и милостыню подалъ мнѣ, и обѣщалъ передать мою вѣсть на Украйну. Ему я все и наказалъ такъ точно, какъ батько говоритъ. Охъ, Боже правый, Боже правый!

Божій человѣкъ продолжалъ.

— Ну, какъ воротился къ намъ на Запорожье тотъ Гаврило Шкода, и когда расказалъ мнѣ про Василя, а Василя давно я зналъ, мнѣ такъ стало его жаль, что готовъ бы, кажется, самъ итти и перемѣнить его собою. Цѣлый день я не ѣлъ и цѣлую ночь не спалъ; молился Богу, чтобъ Богъ помогъ мнѣ спасти его изъ неволи. На другой день сложилъ я новую пѣсню про муки невольницкія, про тоску на чужинѣ, про ихъ мольбы къ Богу и къ людямъ; сложилъ я ее—и пошелъ въ козацкое войско; бо на Запорожьи было тогда пусто; оставались одни старики да хлопцы на рыболовняхъ: все пошло за батькомъ Хмѣльницкимъ въ Польшу. Козаки тогда только-что отбыли Збаратскую войну—и не было въ цѣломъ войскѣ ни однаго человѣка съ порожнимъ карманомъ. Тутъ-то напалъ я на добрую ду-

шу, па пана Черевана. У него тогда въ поясѣ было зашито ровно тысяча дукатовъ. Выслушавши мою пѣсню и расказъ про Василя Невольника, онъ снялъ съ себя поясъ и отдалъ мнѣ.

— Ахъ, бгатъ! сказалъ Черевань, обращаясь къ Шрамку, що жъ то за пѣсня чудная! я ее никогда не наслушаюсь! Выпьемъ, батьку, выпьемъ, бгатцы, по кубку за здоровье Шрамка, и тогда, батько мой и бгате, ты сыграешь и споешь намъ свою пѣсню.

Всѣ на это очень охотно согласились. Кубокъ пошелъ кругомъ при усердныхъ желаніяхъ здоровья и разнаго рода приговоркахъ.

— О Боже правый, Боже правый! говорилъ Василь Невольникъ, нужно жъ было создать Тебѣ такихъ людей и собрать ихъ вмѣстѣ, и меня бѣднаго освободить изъ темницы и посадить между ними!

— Полно тебѣ морщиться да вздыхать, сказалъ вѣчно-смѣющійся его хозяинъ.

Не загинувъ еси у неволѣ,
Не загинешь зъ нами козаками по волѣ.

И подалъ ему полный кубокъ, который тотъ принялъ съ чувствомъ истиннаго удовольствія, но удовольствіе свое выразилъ такою печальною миною, какая шла бъ только Сократу, когда онъ принималъ смертную чашу отъ своихъ обвинителей.

— Боже правый, Боже правый! такъ началъ онъ новыя свои размышленія. Но въ это время отозвались струны бандуры. Всѣ трое слушателей сѣли полукругомъ напротивъ своего барда—и дума началась длинною прелюдіею, настроивавшею душу на тѣ грустныя чувства, какія въ ней выражены. Потомъ присоединился къ струнамъ и голосъ, полный глубокой выразительности.

Поклоняется бѣдный невольникъ
Изъ земли Турецькой, изъ вѣры бусурманськой
У города Христіянськіе
До отця, до матуси.
Що не може́ть вôнъ имъ поклонитися,
Только поклоняется голубонькомъ сивѐнькимъ:
Ой ты, голубонько сивенькій!
Ты высоко летаешь,
Ты далеко буваешь;
Полети ты въ города Христіянськіе
До отця моего, до матуси,
Сядь-пади,
На подвôрьи отцевськôмъ жалôбнѐнько загуди,
Объ моéй пригодѣ козацькôй припомяни;

Нехай отець и матуся
Мою пригоду козацькую знають,
Статки-маетки збувають,
Велики скарбы собирають,
Головеньку козацькую зъ тяжкой неволи́ вызволяють.
Бо якъ стане Чорне море согрѣвати,
То не знатиме отець либонь мати,
У которôй каторзѣ шукати:
Чи у пристани́ Козловськôй,
Чи у городѣ Царь-Градѣ на базарѣ.
Будуть ушкалы Турки-янычаре набѣгати,
За Червоне море у Орабську землю продавати,
Будуть за нихъ срє́бло-злато не лѣчачи,
Сукна дорогіи поставами не мѣрячи
За нихъ брати.
Тодѣ далася бѣдному невольнику
Тяжкая неволя добре знати:
Кайданы руки й ноги позъѣдали,
Сырая сырнуя до товтои кости́
Тѣло козацькее проѣдала.
То бѣдныи невольники на кровь, на тѣло поглядали,
Объ вѣрѣ Христіанськой гадали,
Землю Турецькую
Вѣру бѣсурманськую
Проклинали:
Ты, земле Турецькая,
Ты, вѣро бѣсурманськая,
Ты еси наполнена сребломъ-златомъ
И дорогими напитками,
Тôлько що бѣдному невольнику на свѣтѣ не вôльно,

Що бѣдныи невольники въ тобѣ пробувають,
Празника Рождества, ни́ Воскресенія не знають,
Усе въ неволѣ проклятôй,
На каторзѣ Турецькôй,
На Чорнôмъ морѣ пробувають.
Землю Турецькую,
Вѣру бѣсурманськую
Проклинають:
Ты, земля Турецька,
Ты, вѣра бѣсурманська,
Ты розлука Христіянська!
Уже бо ты розлучила не единаго за сêмь лѣтъ войною
Мужа зъ жоною,
Брата зъ сестрою,
Дѣтôкъ маленькихъ зъ отцемъ и маткôю!
Ой вызволь, Боже, бѣднаго невольника
На Святоруській берегъ,
На край веселый,
Межъ народъ хрещеный!

Когда бандуристъ кончилъ, слушатели сидѣли еще нѣсколько минутъ молча, какъ будто ихъ души оставили тѣло и перенеслись туда, гдѣ мучатся бѣдные невольники на Турецкихъ галерахъ. Василь Невольникъ не могъ удержаться отъ слезъ; Шрамко въ восторгѣ обнялъ и поцѣловалъ пѣвца; Черевань только смѣялся и отъ удовольствія не могъ сказать ни слова.

*

— Вотъ пѣсня, такъ пѣсня! воскликнулъ наконецъ онъ. Я готовъ бы слушать ее отъ восхода до захода солнца.

— Боже правый, Боже правый! говорилъ Василь Невольникъ; далъ же Ты человѣку такую чудную способность! Батько мой! обратился онъ къ бандуристу, если бъ ты, вмѣсто червонцевъ, взялъ одну только бандуру и пошелъ въ Турещину и заигралъ и запѣлъ Туркамъ про муки людскія и про милосердіе Божіе — такъ они и безъ выкупа выпустили бъ всѣхъ невольниковъ на волю!

— Нѣтъ, друже Василю! Турокъ всегда останется Туркомъ. Нужно однако жъ сказать правду, что и у нихъ есть добрая искра въ сердцѣ. Бывало, когда начну торговаться за выкупъ, и стану играть на бандурѣ, то невѣра сперва долго бывало–сидитъ насупившись и все слушаетъ молча, а потомъ встанетъ съ ковра, ударитъ тебя по плечу и скажетъ: «ну, гяуръ *, двадцать червонцевъ спускаю»!

— А не случалось же тебѣ, батько, сказалъ Шрамко, какой напасти отъ нихъ въ дорогѣ? Не отняли когда–нибудь у тебя денегъ?

— Никогда! отвѣчалъ Божій человѣкъ; скажу

* Невѣрный.

вамъ, что честнѣе Турка нѣтъ въ свѣтѣ народу. Ни одинъ купецъ нашъ не пожалуется, чтобъ его обманули, или ограбили когда-нибудь хоть на копѣйку. Тамъ купцы даже лавокъ никогда не замыкаютъ, и кому что нужно, приходитъ въ лавку, хоть и нѣтъ въ ней купца, взялъ, что ему надобно, положилъ деньги и пошелъ-себѣ. Если бъ Туркамъ дать нашу вѣру, то не было бъ и народу лучшаго въ свѣтѣ.

— Ну, уже извини меня, батько, что я тебѣ попротиворѣчу, возразилъ Шрамко: лучше козаковъ не было и не будетъ народу!

— Охъ, охъ, охъ! дай Богъ, чтобъ этому была правда! сказалъ вздохнувши Божій человѣкъ.

— Ну, какъ бы то ни было, говорилъ Шрамко, не давая ему доказывать справедливость своего сомнѣнія, но скажи жъ мнѣ, батько мой родный, гдѣ бывалъ, что видалъ, что слышалъ?

— Былъ я за Днѣпромъ въ Московской гетманьщинѣ, а видѣлъ и слышалъ такія вещи, что лучше молчать да й годи!

— Нѣтъ, ради Бога, говори, батько, если сколько-нибудь меня любишь.

— Люблю я всѣхъ васъ, милые мои козаки! всѣхъ бы васъ пригорнулъ къ сердцу и сдѣлалъ счастливыми, если бъ можно; но сами себя вы не жалѣете. Переведете вы ни на что Украйну своими раздорами!

— Ради жъ Бога, раскажи мнѣ, что тамъ дѣлается? говорилъ Шрамко, встревоженный этимъ предисловіемъ.

— Охъ, дѣлается, дѣлается! сказалъ вздохнувши Божій человѣкъ; потомъ помолчалъ съ-минуту, какъ бы размышляя о томъ, что видѣлъ и слышалъ, покачалъ головою и наконецъ началъ такъ: худо идутъ дѣла на этой сторонѣ Днѣпра, но въ Московской гетманьщинѣ еще хуже. Тамъ нѣтъ межъ козаками никакаго ладу: тотъ направо тянетъ, тотъ налѣво. А старики смотрятъ на все это, только *покиваютъ главами*: «не будетъ, говорятъ, ничего добраго изъ этой суматохи! переведется ни на що гетманьщина»! Ну, ты бъ сказалъ, людей тамъ нѣтъ такихъ, чтобъ взять все въ свои руки и скрѣпить, чтобъ никогда уже не распалось; такъ есть же! то-то й горе, что и люди есть, да еще какіе люди? но что жъ ты сдѣлаешь безъ согласія? Выше всѣхъ головою, шире всѣхъ славою — полковникъ Переяславскій Якимъ Самко; ему припадало бъ быть гетьманомъ прежде всякаго другаго: душа щирая, козакъ добрый, въ головѣ царь, а не розумъ, и

осанка и поступь у него гетьманская, и козаки и старшина привержены къ нему душою; такъ что жъ? Дьяволъ вложилъ въ душу лукавство полковнику Нѣжинскому Васютѣ. Еще мало ему славы за Смоленскую осаду; еще мало ему богатства, что, говорятъ, полные сундуки серебра да золота: доживалъ бы спокойно вѣку на полковничествѣ, въ чести и въ славѣ — уже жъ и голова сѣдая, и усъ бѣлый какъ молоко. Нѣтъ, захотѣлъ быть гетьманомъ! Много козаковъ на его сторонѣ; сильна его рука въ Царскомъ Дворѣ — вотъ и давай мутить, давай писать въ Москву листы за листами: Самко сякой, Самко такой, братается съ ханомъ, посылаетъ за Татарами, хочетъ отстать отъ Царя восточнаго. А къ нему пристали — кого не подведутъ на грѣхъ гроши? пристали Оршанскій Меѳодій и Симеонъ Нѣжинскій. Тѣ себѣ-пишутъ, что Самко совсѣмъ не годится быть гетьманомъ, а совѣтуютъ выбрать Васюту. Но какъ же Царю положиться на Васюту, когда онъ разъ уже переходилъ отъ Царя къ Полякамъ? забылъ и ласки и награды Царскія подъ Смоленскомъ; забылъ и золотой корякъ, который подарилъ ему Царь за мужественное нападеніе на Ляховъ: только вѣтеръ повѣялъ съ другой стороны, уже онъ и отсталъ отъ Царя. А Ляхамъ и подавай такаго человѣка, за которымъ пойдутъ въ огонь и въ воду цѣлыя тысячи козацкихъ головъ. Сейчасъ ему пожаловалъ король шляхѐтство—великая честь, когда козаки гоняли изъ Украйны шляхту какъ со-

бакъ! Сейчасъ его переименовали изъ Золотаренка Золотаре*вскимъ—пошли наши въ гору, отъ веревочки трещать!* Только осмотрѣлся Васюта, видитъ, что у Ляховъ свое на умѣ — э, плохо! бросилъ къ чорту шляхетство, назвался опять Васютою Золотаренкомъ и сталъ вѣрно служить Царю, да уже проигралъ честь, уже Царь не рѣшается повѣрить ему гетьманство. Такъ Васюта-то и всему злу причиною: Царь не доумѣваетъ, а гетьманщина остается безъ гетьмана. Вездѣ по дорогамъ, по шинкамъ, по базарамъ драки: Самкова *сторона* не спускаетъ Васютиной, а Васютина Самковой...

— Да постой же! сказалъ Шрамко. Вѣдь Самка жъ избрали гетьманомъ въ Козельцѣ?

— Избрали, и самъ преосвященный тамъ былъ, и приводилъ къ присягѣ; а послѣ Васюта заупрямился, не сталъ слушать гетьмана Самка, захотѣлъ самъ быть гетьманомъ, и все пошло чортъ знае по якому.

— Вотъ горе! вотъ бѣда! вотъ несчастье! восклицалъ Шрамко, смущенный этими вѣстями. Бѣдная, бѣдная Украйна! что съ тобою будетъ?

— Бгатцы! сказалъ Черевань, *що було, то бачили, а що будетъ, то побачимъ.* Что намъ объ этомъ тревожиться?

Не наше дѣло тое знати,
Не намъ про те роковати;
Наше дѣло Богови молиться,
Спасителю креститься....

Вотъ и все. А между-тѣмъ выпьемъ за славу прежнихъ годовъ, когда мы ставили вверхъ дномъ всю Польшу!

Никто не отказался выпить. Даже и Василь Невольникъ, не смотря на свои печальныя восклицанія: *Боже правый, Боже правый*! потянулъ изъ кубка, какъ слѣдуетъ. Однако жъ добрый кубокъ наливки не разогналъ смутныхъ думъ, выражавшихся на морщинистомъ, исчерченномъ рубцами челѣ полковника Шрамка. Онъ опять обратился съ распросами къ Божьему человѣку. «Коханый пріятелю и батько! скажи жъ мнѣ хоть что-нибудь утѣшительное, а то ты засмутилъ совсѣмъ мою душу.»

— Для Украинца на землѣ, кажется, никогда не будетъ ничего утѣшительнаго, отвѣчалъ Божій человѣкъ; въ одномъ Богѣ его утѣшеніе. Праведная душа посреди бѣдствій еще больше возносится къ Богу—и получитъ награду за свои муки въ царствѣ его небесномъ.

— Скажи мнѣ, батько мôй рôдный! продолжалъ

Шрамко, осталась ли еще какая-нибудь надежда, что Самка изберутъ гетьманомъ?

— Надежда никогда насъ не оставляетъ; и я неразъ молился за Самка Богу; но чѣмъ дальше, все больше является ему препятствій. Бѣда грозитъ ему съ той стороны, откуда онъ никогда ея не ожидалъ. Недаромъ поется въ пѣснѣ:

Я одъ бѣды далечé,
Бѣда меня за плече;
Я одъ бѣды за семъ лѣтъ,
А за мною бѣда въ слѣдъ!

Такъ и бѣдному Самку. Казалось, сойдись только съ Васютою, то и пойдетъ дѣло на ладъ: но нѣтъ! Дьяволъ заварилъ кашу на Запорожьи, да такую кашу, что не знаю, какъ поѣдятъ ее козаки...

— Да пропади оно! воскликнулъ Шрамко. Запорожцы всегда дурѣли, какъ поросята отъ жиру; но Самку какое до нихъ дѣло?

— Эге, какое! отвѣчалъ Божій человѣкъ. Послушайте лишь, милые мои пріятели, хоть и жаль обнимаетъ мою душу, что люди одинъ другаго дѣ-

лаютъ несчастными; но я раскажу вамъ все, какъ знаю. Пустъ душа ваша насытится горемъ...

— Бгатъ мой и батько! отозвался Череванъ. Если въ самомъ дѣлѣ думаешь расказать намъ что-нибудь слишкомъ печальное, то лучше не расказывай. Это не наше дѣло; зачѣмъ же намъ зачужа горевать, тогда-какъ мы можемъ здѣсь веселиться, ни очемъ не думая!

— Пріятелю! сказалъ Шрамко такимъ тономъ, который въ каждомъ пробудилъ бы вниманіе; не уже ли Господь создалъ насъ только для насъ самихъ? *Возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе!* вотъ что говоритъ Спаситель въ Евангеліи. Для блага ближнихъ продай мнѣніе твое; для блага ближнихъ положи душу твою! вотъ какъ долженъ думать Христіанинъ.

Шрамко говорилъ это съ сердечнымъ чувствомъ, и Череванъ тѣмъ больше былъ озадаченъ, встрѣтивши вдругъ строгую проповѣдь вмѣсто одобренія своего совѣта. Къ счастью его, Василь Невольникъ подоспѣлъ къ нему на помощь.» О Боже правый, Боже правый! сказалъ онъ жалобнымъ своимъ тономъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою. Не знаю, чья душа щедрѣе моего пана; не знаю, кто бъ охотнѣе поставилъ свою саблю между несчастнымъ и обидчикомъ?»

Черевань послѣ этаго возразилъ такъ на упрекъ своего пріятеля: бгатъ Иванъ! що жъ мы кому поможемъ?

— А почему жъ не поможемъ? сказалъ Шрамко такимъ голосомъ, въ которомъ отозвалось полное сознаніе его достоинства и душевной силы. Вѣдь помогаютъ же люди одинъ другому въ несчатьи, а мы чѣмъ не люди? Чортъ возьми! кричалъ онъ разгорячившись: да еще жъ голосъ и совѣтъ Шрамка что-нибудь значатъ въ казацкомъ войскѣ!

— О, дай Боже, чтобъ козаки слушали всегда совѣтовъ такихъ людей, какъ ты, коханый нашъ друже! говорилъ Божій человѣкъ своимъ всегда ровнымъ и почти спокойнымъ тономъ, въ которомъ даже и завнятыя козацкія восклицанія какъ бы тонули и покрывались превосходствомъ какаго-то душевнаго раздумья надъ сердечнымъ чувствомъ. Но то бѣда, что ими мутитъ всякая бестія, которая только и думаетъ о своей корысти! Вы всѣ, я думаю, знаете Мартынца́?

— Мартынца, чуру батька Хмѣльницкаго? Кто жъ его не знаетъ? отвѣчалъ за всѣхъ Шрамко, слушавшій расказы Божьяго человѣка съ такимъ вниманіемъ, что, казалось, пожиралъ слова его.

* *Чура* слуга.

— Ну, вы слышали и о томъ, какъ они поссорились съ Самкомъ? спрашивалъ бандуристъ.

— Слышали и объ этомъ, отвѣчалъ Шрамко. Что жъ дальше?

— Кажется, Самко назвалъ Мартынца свиньею, что ли? вмѣшался съ вопросомъ Черевань.

— Не свиньею, а собакою, да еще старой собакою, отвѣчалъ бандуристъ. И Самко не добре сдѣлалъ. Не гдѣ правды дѣвать. Черезчуръ много унего пыхи * и спѣси, хоть и славный рыцарь.

— Кому жъ и гордиться, если не Самку? возразилъ Шрамко. Посмотри на коня: сколько въ немъ гордости, сколько въ немъ отваги! Копытомъ копая, на полѣ играетъ онъ, стрѣламъ посмѣвается, отъ желѣза не отвратится. Какъ же не гордиться козаку, сильному, славному и такому прекрасному тѣломъ и душою, какъ Самко?

— Пріятелю мой коханый, отвѣчалъ Божій человѣкъ: забываешь ты святое изреченіе: *Гордому Богъ противится; а смиренному посылаетъ благодать*, и другое: *Да не хвалится сильный силою своею, ни богатый богатствомъ своимъ!*...

* *Пыха* — гордость.

Шрамку стало стыдно, что свѣтскій человѣкъ поражаетъ его такъ сильно духовнымъ оружіемъ. Ну, что же дальше? спрашивалъ онъ, прерывая проповѣдь своего соперника.

— Я все-таки къ тому возвращаюсь, продолжалъ Божій человѣкъ, что Самко худо поступилъ съ Мартынцемъ. Мартынецъ конечно человѣчекъ былъ-себѣ незнатный, но почтенный. Служилъ онъ усердно батьку Богдану; на Дрижиполѣ онъ даже заслонилъ его отъ вѣрной смерти: подъ гетьманомъ убили коня, и Татарюга летѣлъ уже на него съ саблею. За то Мартынецъ самъ попался въ плѣнъ и принялъ отъ невѣрныхъ немало муки; можетъ быть, и навѣки тамъ бы погибъ, если бъ старый Хмѣльницкій не выкупилъ его за дорогую цѣну. Въ чести былъ у гетьмана Мартынецъ, но не бралъ отъ него ни золота, ни знатнаго уряду *; хотѣлъ только вѣрно служить до смерти Богдану и его сыну, и ничего больше не желалъ. Простенькій, смиренный человѣкъ былъ-себѣ Мартынецъ, и не замѣтно совсѣмъ было его въ домѣ. Въ синемъ жупанѣ, въ простомъ шерстяномъ поясѣ, мелькнетъ-бывало то сямъ, то тамъ въ покояхъ. Ты бъ сказалъ: такъ-себѣ какой-нибудь служка, а посмотри, въ какомъ почетѣ у ясновельможнаго этотъ человѣкъ съ гладенькою чупринькою, съ понуренною

* *Урядъ* — должность.

смиренно головою! «Коханый мой Мартынецъ! Мартынецъ, друже мой вѣрный»! такъ бывало отзывается къ нему покойный гетьманъ. «Держись, Юрусь, говоритъ-бывало своему сыну, держись, Юрусь, совѣта Мартынца, когда меня не будетъ на свѣтѣ! Вѣрь ему больше, нежели самымъ близкимъ пріятелямъ. Это щирая душа; на нее во всемъ можешь положиться». Что жъ? Юрусь и держался его совѣта. Что скажетъ, бывало, Мартынецъ, то уже и свято. Ну, конечно, это не по вкусу было панамъ полковникамъ; не залюбилъ этаго и панъ Самко. Разъ трактовала о чемъ-то старшина на радѣ у молодаго гетьмана, а Мартынецъ, по простотѣ своей, не удержалъ языка до времени—да, прислушавшись къ словамъ Самковымъ, и болтнулъ что-то. Ну, а вы знаете Самка: вспыхнетъ вдругъ, какъ порохъ. «Пане гетьмане! сказалъ онъ Юрусю, стараго пса не пристойно бы мѣшать въ нашу бесѣду». Прикусилъ языкъ Мартынецъ, но тяжко ему было за всю свою службу дождаться такой горькой наруги передъ всею старшиною. Пировали полковники послѣ рады у гетьмана до позней ночи; легли спать; только посреди ночи шумъ, крикъ въ покояхъ. Поднялись всѣ на ноги; проснулся и самъ гетьманъ: что, что такое? Какъ тутъ изъ дальняго покоя идетъ Самко и ведетъ за воротъ Мартынца, или лучше несетъ, какъ поваръ кота, если поймаетъ на кражѣ, натолчетъ объ лаву мордою, и потомъ несетъ до дверей, чтобъ выбросить за порогъ.

— Га-га-га! захохоталъ отъ всей души Черевань. За что жъ это онъ его такъ?

— А вотъ за что, продолжалъ раскащикъ. Я на то время также случился въ Гадячѣ у гетьмана; такъ все это приключеніе такъ-какъ будто передъ глазами теперь у меня стоитъ. Едва завидѣлъ Юруся; то и кричитъ издали: «Благодарю, пане гетьмане, за гостепріимство! Твои коты намъ спать не даютъ. Вотъ я однаго поймалъ на своей постели; видишь, какими острыми когтями онъ царапается (и показалъ въ другой рукѣ ножъ)»! Юрусь бѣдный какъ не плачетъ: «Мартынецъ! что это? не уже ли ты рѣшился на убійство гостя въ моемъ домѣ»? Но Мартынецъ смотритъ на всѣхъ, какъ волкъ изъ западни — и хоть бы слово. А Самко держитъ его за воротъ. «Что съ нимъ дѣлать, пане гетьмане, и вы, паны полковники»? спрашиваетъ. «А что жъ? отозвались полковники (а Юрусь молчитъ, да только смотритъ на Мартынца), убить проклятаго, чтобъ такой погани и на свѣтѣ не было»! — Кайданы! Принесли кайданы, заковали Мартынца и бросили въ погребъ. «Завтра ему судъ и расправа будетъ, панове, сказалъ Самко, а теперь пойдемъ спать. Надѣемся, пане гетьмане, что въ другой разъ не повторится эта комедія».

— Что жъ на другой день? спросилъ Шрамко. Все это я слышалъ, только изъ десятыхъ устъ,

а вотъ ты первый, что видѣлъ собственными глазами.

— А на другой день, продолжалъ Божій человѣкъ, ударили въ котлы, собралась рада, сошелся на майданѣ народъ, думали, что Мартынца будутъ вѣшать, или голову отрубятъ; но Самко выдумалъ ему другую кару: пока собралась старшина, продержали его связаннаго у столба съ обритою чуприною, потомъ посадили на свинью, лицомъ къ хвосту, и провезли по всему Гадячу.

— Га-га-га! захохоталъ опять Череванъ. Молодецъ Самко! ей Богу молодецъ! На что истреблять твореніе Божіе? Можетъ быть, оно еще для чего-нибудь нужно на свѣтѣ; а это и кара для него горькая, и народу забава!

— Охъ, охъ, охъ, сказалъ, глубоко вздохнувши, старикъ. Именно, *оно еще для чего-нибудь нужно на свѣтѣ*; и кто знаетъ, что еще изъ этаго выйдетъ?

— Что жъ изъ этаго выйдетъ? отозвался Шрамко. *Котузъ по заслузѣ*, да и только.

— Эге! сказалъ Божій человѣкъ. Когда бъ-то *только*, а то нѣтъ! Знаете, гдѣ теперь Мартынецъ?

— А гдѣ?

— На Запорожьи.

— Ну, такъ что жъ?

— Ничего; только знаете, чѣмъ онъ тамъ:

— Чѣмъ же? куреннымъ?

— Нѣтъ, подымай выше: кошевымъ!

— Мартынецъ кошевымъ?

— Мартынецъ кошевымъ?

— На Запорожьи?

— Да, на Запорожьи.

— Фу, дьяволъ возьми его душу! воскликнулъ съ удивленіемъ и досадою Шрамко. Этаго уже я никакъ не ожидалъ!

— Га-га-га! засмѣялся Череванъ, на котораго расказъ бандуриста дѣйствовалъ совсѣмъ не такъ, какъ на Шрамка. Вотъ, бгатъ, какія чудеса дѣлаются въ свѣтѣ!

— Боже правый, Боже правый! обозвался самъ къ себѣ и Василь Невольникъ. Переведется скоро, видно, совсѣмъ Запорожье, когда такихъ кошевыхъ выбираютъ! Охъ, не то было въ Сѣчи, когда я атамановалъ надъ козаками!

— Скажи жъ на милость, спрашивалъ Шрамко, какъ онъ этаго добился?

— Это стоитъ расказать вамъ, милые пріятели, для назиданія, отвѣчалъ бандуристъ, для назиданія, какъ трудно узнать, чѣмъ начиненъ человѣкъ, пока какой-нибудь важный случай не разломитъ его, какъ разламываешь пирожокъ, когда зайдешь къ какому-нибудь доброму человѣку на *отченашъ* послѣ Божіей службы. Правда, иной человѣкъ виденъ съ перваго взгляда, какъ пирожокъ съ сыромъ; но другаго, какъ и этаго Мартынца, прошу отгадать не разломивши! Сперва, какъ вы знаете, Мартынецъ былъ угрюмъ, молчаливъ, не искалъ почестей; за то никому и не кланялся, и гордился своею честною бѣдностью, А послѣ Гадячской прогулки на свиньѣ совсѣмъ перемѣнился: сталъ для каждаго услужливъ, къ каждому привѣтливъ, сдѣлался такимъ сладкорѣчивымъ, что влѣзъ всѣмъ въ душу, и даже самъ Самко полюбилъ его и жалѣлъ, что наругался надъ такимъ добрымъ человѣкомъ. Чѣмъ бы это загладить? Самко — добрая душа! выпросилъ для него у гетмана чинъ хорунжаго — и

сталъ Мартынецъ паномъ, и уже не Мартынцемъ его звали, а Иваномъ Мартыновичемъ Бруховецкимъ. Прежде онъ гордился своею честною бѣдностью, а теперь не терялъ никакаго случая макнуть въ золото руку. Юрусь худо велъ свои расходы: всѣ его деньги были у Мартынца на рукахъ—и Мартынецъ теперь порядочно набилъ себѣ карманы. А послѣ, когда Юрусю не посчастливилось на войнѣ, и бѣдный хлопецъ, не зная, что дѣлать, бросилъ зятю Тетерѣ булаву, а самъ постригся въ монахи — Мартынецъ, забравши свои деньги, да на Запорожье! Тамъ, какъ сыпнулъ талерами, всѣ Запорожцы за нимъ роемъ: Иванъ Мартыновичь, Иванъ Мартыновичь! А онъ обнимается, братается со всѣми; каждый день у него пиръ горою. А тѣмъ такаго и нужно. Рѣшили, что лучшаго кошеваго не было и не будетъ, какъ Иванъ Мартыновичь. Не долго думали, собрались на раду, отобрали отъ стараго кошеваго палицу и отдали Бруховецкому. Вотъ вамъ и кошовый!

— Ну, кошовый, кошовый! сказалъ съ досадою Шрамко. Чортъ съ нимъ, пусть-себѣ тамъ атамануетъ надъ сѣчевыми пьяницами. Да Самку-то что въ этомъ за бѣда? Онъ на гетьманщинѣ и безъ Запорожцевъ обойдется!

— Охъ, дай Богъ, чтобъ онъ обошелся безъ нихъ! отвѣчалъ Божій человѣкъ А то нѣтъ; во-

лею и неволею онъ долженъ имѣть съ ними дѣло!...

— Отъ чего жъ долженъ? кричалъ Шрамко. Дьяволъ меня возьми, если я тутъ хоть каплю толку вижу! Гетьманъ себѣ панъ, а кошовый себѣ панъ: если захотятъ, цѣлый вѣкъ не будутъ видѣться. Развѣ чортъ свяжетъ ихъ однаго съ другимъ веревкою?

— Ты шутя угадалъ великую правду, сказалъ Божій человѣкъ: точно, врагъ рода человѣческаго втерся межъ Самка и Бруховецкаго на горе Урайнѣ! Онъ связалъ ихъ такою веревкою, которая порвется развѣ тогда, когда одинъ изъ нихъ погибнетъ...

— Что это ты водишь насъ въ такомъ туманѣ? сказалъ Шрамко, поднявшись отъ нетерпѣливости съ своего мѣста.

Череванъ также обнаружилъ нетерпѣніе.

— Хоть убей меня, я тутъ ничего не разберу, сказалъ онъ.

— Боже правый, Боже правый! говорилъ потихоньку Василь Невольникъ. Что жъ будетъ съ

Украйною, если такой человѣкъ, какъ панъ Самко, долженъ погибнуть?

— Кто жъ тебѣ сказалъ, что онъ долженъ погибнуть? вскрикнулъ Шрамко, котораго одна мысль эта уже мучила.

— Не доведи до этаго Господи! сказалъ Божій человѣкъ. Но все-таки ему круто приходится. Съ одной стороны Васюта съ своими козаками, съ другой протоповъ Максимъ съ преосвященнымъ, а тутъ еще и Бруховецкаго врагъ подвернулъ.

— Да что жъ Бруховецкій? скажи на милость Божію, спросилъ Шрамко.

— А вотъ что Бруховецкій, отвѣчалъ Божій человѣкъ. Скажу вамъ такое, чего вы никогда и во снѣ не увидѣли бы... Бруховецкій гетьманомъ на Запорожьи!

Всѣ были поражены, какъ нельзя больше, этою новостью. Даже Черевань поднялся съ своего мѣста. Василь Невольникъ также послѣдовалъ его примѣру. Что же касается до Шрамка, тотъ отъ душевнаго волненія не могъ собраться съ вопросомъ. «Какъ это сдѣлалось»? спросилъ накопецъ онъ.

Старикъ вздохнулъ глубоко и отвѣчалъ: Богъ его знаетъ; всѣ эти происшествія сплетаются одно съ другимъ какимъ-то чуднымъ способомъ. Изъ пяти какихъ-нибудь словъ, случайно вырвавшихся у Самко: *стараго пса не пристойно бы мѣшать въ нашу бесѣду*, выросло такое чудовище: Мартынецъ, что зналъ только побрякивать ключами въ покояхъ Хмѣльницкаго, теперь смѣло грозитъ Самку гетманскою булавою. Кто могъ бы этаго ожидать! Это все равно, если мальчикъ полѣзетъ на дерево за воробьями, а изъ дупла вдругъ засычитъ ему змѣя!

Онъ замолчалъ. Всѣ также молчали, какъ бы размышляя объ этомъ событіи.

— Боже правый, Боже правый! говорилъ потихоньку Василь Невольникъ.

— Бруховецому не кошеваго хотѣлось, продолжалъ Божій человѣкъ. Это была для него только ступенька къ гетьманству. Въ Сѣчи теперь первая голова Сѣрко. Тотъ началъ ворчать съ своею *стороною* на новаго кошеваго. А Бруховецкій ему: «молчи, брате: Сѣчь не для меня гнѣздо. Я, говоритъ, привыкъ жить на волѣ». Тотъ думалъ, что Мартынцу наскучило козаковать безъ женщинъ на Сѣчи; а тутъ другое затѣвается. На другой день ударили въ котлы на раду; сошлись козаки. Сторона Бруховецкаго сейчасъ давай говорить про геть-

манщину. «Панове молодцы! Спогляньте, Бога ради, на гетьманщину, что тамъ за безладье такое! Одинъ служитъ Ляхамъ, занявши себѣ подъ булаву отъ Буга до Днѣпра; а Васюта съ Самкомъ грызутся какъ собаки: какъ собаки кость, такъ они вырываютъ одинъ у другаго булаву! А мы жъ что за люди, чи Турки, чи Татаре, чтобъ намъ глядѣть на это, сложа руки? Когда у нихъ нѣтъ толку, чтобъ слушаться одной головы, такъ дадимъ имъ сами голову. А кто заупрямится, то развѣ мы не приберемъ способу поставить по-своему»? Такъ говорили иные, выступивши передъ громаду. «Кого, панове, вы бъ порадили постановить гетьманомъ на Украинѣ»? А тутъ уже рада готова. «Кого жъ, если не жаловнаго нашего кошоваго Ивана Мартыновича»? И сейчасъ поднялся крикъ. Гдѣ взялись и булава и перначь! Сторона Сѣркова только стоитъ, да плечами сдвигаетъ. «Одурѣвъ, чи що, народъ»? думаютъ. А тѣмъ и нужды мало, что ихъ всего только сотень пять. Пишутъ листы, посылаютъ къ Царю. Такъ кто знаетъ, что еще изъ этаго выйдетъ? Что, если Царь прямо дастъ грамоту Бруховецкому? Москва, послѣ Виговскаго и Юруся, не слишкомъ присматривается къ статьямъ покойнаго Богдана.

— Братья мои милые! сказалъ Шрамко. Минута такая важная, что я не въ-силахъ больше скрываться передъ вами. Я ѣду не въ Кіевъ, а въ

Переяславъ къ коханому моему Самку. Что жъ заставило меня къ нему ѣхать? Украину разодрали на двѣ части; одна скоро попадется опять въ лапы Ляхамъ, а другая сама по себѣ переведется чортъ знаетъ нà що! Вспомнимъ, что говорилъ батько Богданъ передъ смертью: «держитесь, дѣтки, одной семьи; слушайтесь одной разумной головы: то поживете въ добрѣ и въ славѣ на свѣтѣ.

«Тымъ бо й сталась (каже) по всёму свѣту страшенная
козацькая сила,
Що у васъ, панове молодцí, була воля й дума едина!»

А у насъ же теперь едина душа? О милый Боже! сердце мое разрывается, когда подумаю, что будетъ отъ этаго безладья съ Украиною! Я думалъ, что Самко уже крѣпко сидитъ на гетьманствѣ. Знаю я его душу: самъ онъ давно побивается, какъ бы да какъ бы пособить общему горю. Мы съ нимъ прямо повели бъ козацкіе полки на Тетерю, опановали бъ всѣ Украинскіе города и сдѣлали бъ Украину одною семьею. Пусть бы тогда, кто хочетъ, поткнулся занять хоть на ступень нашей земли! Всякому чорту утерли бъ носа. Горьки мнѣ твои вѣсти, мой батько: достали онѣ меня до самаго сердца; но еще все можетъ пойти на ладъ, если всякая щирая душа козацкая подастъ одна другой руку. Куда ты, батько, держишь теперь путь?

— Держу путь къ Тетерѣ, пане Шрамко, отвѣчалъ бандуристъ. Говорятъ, богатый съ бѣса. Не удастся ли мнѣ залучить отъ него хоть на однаго невольника?

— Нейди къ нему, сказалъ Шрамко: это душа черствая; не разжалобишь ты ея никакими пѣснями. Пока ему самому добре, онъ ни о комъ не заботится, хоть весь міръ погибай. Поѣдемъ со мною за Днѣпръ: тамъ твои пѣсни и рѣчи больше сдѣлаютъ добра людямъ, нежели все золото окаяннаго недоляшка Тетери!

— Пгавда, пгавда! отозвался Череванъ.

— О Боже правый, Боже правый! сказалъ, возвысивъ голосъ, Василь Невольникъ. Чего не сдѣлаютъ его пѣсни? Да когда онъ играетъ и поетъ, то человѣкъ совсѣмъ не владѣетъ своею душою. Тогда требуй у него, чего самъ знаешь: онъ на все согласится и все уступитъ!

Никакой талантъ не можетъ быть равнодушнымъ къ похвалѣ, вырвавшейся прямо изъ сердца. Божій человѣкъ хотя давно уже всѣ свои помыслы оторвалъ отъ земнаго и вознесъ къ источнику всякой радости—Богу, однако жъ ощутилъ въ душѣ всю сладость удовлетвореннаго самолюбія, отъ которaю

напрасно думаетъ быть свободнымъ преданный одному добру человѣкъ. Ну, когда уже и панъ Череванъ говоритъ *правда*, сказалъ онъ улыбнувшись, и Василь съ этимъ соглашается, то такъ и быть; иду вездѣ за тобою, коханый мой друже, и сдѣлаю все, что только ты придумаешь для блага нашихъ ближнихъ.

— А пока это будетъ, бгатцы, сказалъ хозяинъ, прошу до хаты: тамъ ожидаютъ насъ вареники и всякія сладости, выдуманныя для насъ женщинами. Ухъ! утолима меня эта длинная розмова! Бгатцы! не будемъ больше говорить объ этомъ сегодня; забудемъ обо всемъ этомъ до времени, и повеселимся во славу прежнихъ лѣтъ, когда громили Польшу съ батькомъ Хмѣльницкимъ.

— Забуду я объ этомъ развѣ въ могилѣ! говорилъ Шрамко, идучи въ слѣдъ за хозяиномъ. Охъ, Украино, Украино!

И всѣ потянулись медленно по узенькой тропинкѣ изъ пасики, предводимые дороднымъ Черваномъ, который, крехтя отъ внутренняго довольства, переваливался, какъ утка, съ ноги на ногу.

ГЛАВА V.

Ой котиться по дорогѣ золота тарелка,
А въ нашого Овсѣенка душа, а не дѣвка:
Ой якъ заговорить, якъ у дзвоны дзвонить,
А якъ засмѣеться — Дунай разольеться!

Изъ народной пѣсни.

Между-тѣмъ, какъ старики трактовали о политикѣ, молодой Шрамченко. разсѣдлавши коней, пустилъ ихъ пастись по подворью, покрытому густою травою, и отправился не въ пасику, а въ хату, по тому-что самъ панъ Череванъ для него былъ менѣе привлекателенъ съ своимъ всегдашнимъ смѣхомъ и наливками, нежели его пани, женщина гораздо высшей природы и такая притомъ любезная, что самъ Хмѣльницкій говаривалъ объ ней: «Черевапша душа, а не женщина, всю компанію развеселяетъ». Кромѣ желанія увидѣться съ этою почтенною особою, влекло его въ ту сторону еще одно желаніе, такъ свойственное молодому человѣку, какаго бъ ни былъ онъ серьёзнаго характера. Въ Паволочь неразъ доходили слухи, что у Черевана дочка такая, что только посадить да и смотрѣть, какъ на картину. Петро Шрамченко видѣлъ ее, назадъ тому тринадцать лѣтъ, когда въ свитѣ Хмѣльницкаго пріѣзжалъ въ Кіевъ послѣ Зборовской побѣды. И въ самомъ дѣлѣ, это было дитя во-

схитительной красоты, такъ-что всѣ полковники и старшины генеральные, бывшіе при Хмѣльницкомъ, любовались ею, носили на рукахъ, дарили жемчужныя ожерелья и дорогія серьги, украшавшія нѣкогда гордыхъ Полячекъ, а гетьманъ однажды, развеселившись, сказалъ: «врагъ тебя знаетъ, Череване, какъ тебѣ удалось произвесть на Божій свѣтъ такую дочку! Ты самъ похожъ больше на бочку горѣлки, нежели на человѣка, а это жъ будетъ царица, а не дѣвка, когда выростетъ»! Тогда было ей пять лѣтъ; теперь ей девятнадцатый годъ. Такъ расчитывалъ Петро и спѣшилъ увидѣть эту царицу.

Дорожка къ хатѣ шла черезъ вишневый садикъ, играющій такую важную роль въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, потому, можетъ быть, что вишневыхъ деревьевъ наиболѣе было въ Малороссіи. Это дерево не требуетъ отъ хозяина особеннаго труда: разъ вкоренившись, оно размножается само собою, и плоды его остаются неизмѣнными. Пробираясь сквозь цвѣтущія вѣтви вишень, нависшія надъ тропинкою, Шрамченко замѣтилъ въ сторонѣ криницу подъ небольшимъ деревяннымъ навѣсомъ, въ глубинѣ котораго виднѣлась подъ бѣлымъ полотенцемъ икона. Криница вокругъ была обсажена цвѣтами. Это еще живѣе напомнило ему близость дѣвушки, тѣмъ болѣе, что Малороссійская поэзія такъ часто сравниваетъ дѣвушку съ цвѣткомъ.

Подходя ближе къ хатѣ, Шрамченко услышалъ пѣсню, которую съ чудною выразительностью выводилъ женскій голосъ, какаго онъ еще отъ-роду не слышалъ. Приблизившись на такое разстояніе, чтобъ можно было разслушать слова пѣсни, онъ остановился. Голосъ пѣвицы, казалось, имѣлъ въ себѣ что-то сверхъестественное. Шрамченко чувствовалъ, какъ этотъ чудный голосъ проникаетъ въ душу, обвиваетъ ее какъ бы волшебною сѣтью и уничтожаетъ въ ней всякую постороннюю думу, всякое произвольное дѣйствіе. Всѣ силы его души соединились теперь въ одномъ, непонятномъ ему чувствѣ и устремились къ источнику этаго голоса. Вслушиваясь въ выраженіе пѣсни, онъ очень ясно видѣлъ въ воображеніи образъ той, которая пѣла — и теперь ничья власть, никакія препятствія не въ состояніи были бы отклонить его отъ желанія видѣть пѣвицу. Съ необыкновеннымъ волненіемъ подходилъ онъ къ скромному ея обиталищу. Въ природѣ все такъ одно съ другимъ сгармонировано, что тамъ, гдѣ живетъ красота, и что окружаетъ ее, все носитъ на себѣ какъ бы часть ея образа. Можетъ быть, мы обманываемся; можетъ быть, душа наша, очарованная впечатлѣніемъ красоты, на все, что ей представляется, наводитъ одинъ колоритъ: но только это такъ — и не одинъ знаетъ это по опыту. Простая хата пана Черевана, съ своею позеленѣвшею отъ моху соломенною крышею, съ своими бѣлыми стѣнами, съ яблонями, склонив-

шимися надъ нею, и съ множествомъ цвѣтовъ передъ маленькими квадратными окнами, казалась Шрамченку самою привлекательною картиною, какую только онъ когда-либо видѣлъ.

Наклонившись, чтобъ не удариться объ косякъ низенькой двери, онъ вошелъ въ сѣни, въ которыхъ висѣло на жердяхъ множество вѣнковъ луку, низокъ грибовъ и связокъ разнаго рода сухихъ травъ, назначенныхъ для настоянокъ. Направо были двери въ *противныя* двѣ хаты, *свѣтлицу* и *кòмнату*, назначенныя для принятія гостей, налѣво въ *господарскія* хаты, т. е. въ *пекарню* и *кòмнату*, въ которыхъ жили всегда хозяева.

Дверь была отворена, и Шрамченко еще изъ сѣней увидѣлъ въ пекарнѣ и пани Череваншу и ея дочку-*царицу*, какъ назвалъ ее покойный Богданъ Хмѣльницкій. Но не опереживайте пожалуста своимъ воображеніемъ моего расказа: не забывайте, что эта пани и эта царица жили почти за двѣсти лѣтъ до насъ, и потому вовсе не похожи были на нынѣшнихъ, даже Малороссійскихъ паній, ни своимъ воспитаніемъ, ни своимъ костюмомъ, ни своими занятіями. Пани Череванша была средняго росту женщина, довольно полная, круглолицая, съ черными бровями, которыя въ свое время что-нибудь значили при ея живыхъ, черныхъ очахъ, бѣломъ лицѣ и румянцѣ во всю щеку. Впрочемъ и теперь

есть много женщинъ, въ этомъ на нее похожихъ, если забудемъ аристократическую блѣдность; но ужъ нарядомъ своимъ она совершенно отличалась отъ нынѣшнихъ Малороссійскихъ панiй. На головѣ у нея была круглая шапочка изъ сутозолотой парчи—уборъ, сохранившiйся донынѣ въ простонародьи подъ именемъ *очипка.* Шея вся унизана была монистомъ, крестами и дукатами, такъ-что мало видно было и тѣла. Въ ушахъ висѣли длинныя золотыя серьги, составленныя изъ квадратныхъ массивныхъ досточекъ, прикрѣпленныхъ одна къ другой колечками. Двойная цѣпь изъ такихъ досточекъ составляла серьгу. Эти серьги спадали очень низко отъ уха и при малѣйшемъ движенiи сверкали то тою, то другою досточкою, такъ-что искры безпрестанно то вспыхивали, то гасли на нихъ въ разныхъ мѣстахъ. На ней былъ изъ зеленой байки съ красными мушками корсетъ, съ коротенькими полами (ибо, по уставу Украинскаго цѣломудрiя, неприлично было замужней женщинѣ быть безъ корсета такъ же, какъ и съ открытыми волосами). Съ правой стороны изъ-подъ корсета выглядывалъ широкiй, подобный нынѣшнимъ ридикюлямъ, кошелекъ, въ которомъ обыкновенно хозяйка имѣла всегда при себѣ нѣсколько денегъ, а съ лѣвой бренчала связка ключей на длинномъ красномъ шнуркѣ, привязанномъ къ поясу. Въ заключенiе скажу, что на ней была плахта *червчатка*, бѣлый домашнiй фартукъ и красивые на высокихъ подборахъ

сапоги. Вотъ вамъ и пани! Вы удивляетесь? Да, такъ почти всегда потомокъ, глядя на старинные фамильные портреты, не вѣритъ, что таковы были его предки. Что жъ вы скажете, когда я вамъ объявлю, чѣмъ она занималась на ту пору, когда увидѣлъ ее Шрамченко? Пани, которой мужъ могъ жертвовать по тысячѣ дукатовъ на выкупъ невольниковъ, собственными руками, не отличавшимися впрочемъ особенною бѣлизною, лѣпила вареники съ сыромъ, да еще когда бъ пшеничные, маленькіе, а то огромные, гречаные (надъ которыми впрочемъ не шутите: по замѣчанію истинныхъ цѣнителей Малороссійской кухни, они гораздо лучше пшеничныхъ). Не правда ли, что теперь уже этаго нигдѣ въ Малороссіи не встрѣтите? Теперь такая пани, вмѣсто того, чтобъ завѣдывать домашнею кухнею, обыкновенно блистаетъ балами въ столицѣ, или путешествуетъ за границею, удивляя чужеземцевъ своею роскошью.

Въ костюмѣ дочери пана Черевана, которой имя было *Леся*, что по-теперешнему значило бы *Саша*, еще меньше было изысканности и нарядности, нежели у ея матери. Малиноваго штофу юбка, желтые сафьянные *черевычки* на высокихъ *коркахъ*, бѣлая тонкая рубашка съ вышитыми шелкомъ рукавами и вѣнокъ цвѣтовъ на головѣ — вотъ весь ея нарядъ; но ни одинъ художникъ не хотѣлъ бы видѣть ее въ другомъ костюмѣ. Красота ея въ этомъ

простомъ нарядѣ блистала какъ-то разительнѣе. И что жъ это была за красота? Если я скажу, что Леся имѣла правильныя Греческія черты лица, черныя очи, черныя брови, черные волосы, свѣжія какъ роза губы и щеки — я ничего еще не скажу. Если бъ вы ее видѣли, вы замѣтили бы, что очи ея полны были огня, уста полны жизни, все лице — выраженія поэтической души. Взглянувши на нее, вы поняли бъ чувство Платона, который, со всею своею мудростью, готовъ былъ повергнуться передъ красотою, какъ передъ богинею, и принесть жертву. Чѣмъ же занята была эта богиня? Очень простымъ дѣломъ, которое теперь у пановъ осталось въ удѣлъ только поварамъ и кухаркамъ. Она сидѣла у окна на лавкѣ; передъ нею стояли ночвы, наполненныя грибами, которые она брала одинъ за другимъ и чистила ножемъ, откладывая въ особую посудину. Фи! какая пошлость! скажутъ нынѣшнія барышни: нашелъ же авторъ занятіе, достойное такой красоты! Милостивыя государыни! позвольте вамъ доложить, что во-первыхъ, это занятіе не я нашелъ для Леси: я описываю только то, что было; а во-вторыхъ скажите по совѣсти, если только можете: не уже ли лучше проводить по нѣскольку часовъ передъ зеркаломъ (что составляетъ главнѣйшее изъ дневныхъ вашихъ дѣлъ), воспитывая тщеславное, холодное сердце, нежели заниматься предметами, конечно весьма обыкновенными, но которые для счастія жиз-

ни гораздо нужнѣе вашихъ разнообразныхъ улыбокъ и граціозныхъ позъ, какія вы такъ прилежно изучаете, ломаясь по цѣлымъ часамъ передъ трюмò?

Шрамченко, вошедши въ хату и видя передъ собою такую чудную красоту, о какой ему и во снѣ не снилось, до того потерялся, что даже не помолился иконамъ — обычай, удержанный нынѣ только солидными стариками, но въ то время бывшій всеобщимъ. Пани Череванша не замѣтила гостя, потому-что была обращена не въ ту сторону; но быстрое движеніе и невнятное восклицаніе ея дочери заставило ее обратиться къ двери.

— Боже, Боже! воскликнула она протяжно, всплеснувши руками. Не даромъ сегодня возлѣ хаты сорока щебетала; недаромъ кошка такъ долго умывалась: ажъ вотъ какаго гостя намъ Богъ послалъ!

Послѣ этаго слѣдовало *привитанье* *. Цѣловать хозяйку въ руку тогда не было въ обыкновеніи. Эта честь принадлежала только отцамъ, матерямъ и вообще старшимъ родственникамъ и духовнымъ; въ другихъ случаяхъ цѣловались прямо въ губы. И хотя мущина обыкновенно долженъ былъ подступать къ женщинѣ; но такъ-какъ пани Черван-

* Отъ слова *привѣтъ*.

*

ша была уже въ такихъ лѣтахъ, которыя отклоняли отъ нея подозрѣніе въ приверженности къ молодымъ людямъ, то она уступила порыву своей радости и, обтерши поспѣшно объ фартукъ запыленныя мукою руки, сама подошла и обняла гостя. Шрамченко, изъ почтенія къ полнымъ, краснымъ какъ макъ губамъ хозяйки, протеръ сперва свои усы, и потомъ уже встрѣтилъ ея поцѣлуй, данный ему трижды отъ всей души, такъ-что чмоканье можно было бы услышать на дворѣ.

Такъ-какъ Шрамченко былъ давній знакомый въ семействѣ Черевана, то ему слѣдовало бы такимъ же образомъ *привитаться* и съ Лесею, но онъ не смѣлъ подойти къ ней. Онъ стоялъ, какъ бы слѣпленный блескомъ ея красоты. Мать не безъ удовольствія замѣтила, какое сильное впечатлѣніе сдѣлала на молодаго человѣка наружность ея дочери, и сказала: «а съ Лесею жъ?»

Шрамченко готовъ былъ откровенно сказать *не смѣю*, но это значило бы уронить себя какъ *козака*, которому прилична была развязность и находчивость во всякомъ случаѣ. И-такъ онъ подступилъ съ сильнымъ біеніемъ сердца къ красавицѣ, и волненіе его было такъ велико, что поцѣлуй былъ для него болѣе мученіемъ, нежели удовольствіемъ.

— Сядь же, дорогой гость! сказала хозяйка, протирая для него на лавкѣ своимъ фартукомъ мѣсто, хотя лавка была чиста, какъ нельзя больше. Откуда, куда Богъ несетъ тебя, коханый Петрусь?

— Ѣдемъ съ пан-отцемъ на богомолье въ Кіевъ, отвѣчалъ онъ.

— И пан-отецъ тутъ? Гдѣ жъ онъ?

— Пошелъ къ пану господарю прямо въ пасику. И я хотѣлъ итти за нимъ, говорилъ Петрусь, начиная возвращаться къ своей развязности; но не знаю самъ, какъ попалъ сюда. Видно, прибавилъ онъ, взлянувши на Лесю, душа предчувствовала, что найду здѣсь такую царицу.

Казалось бы, что дѣвушка, взросшая въ уединенной семьѣ, дожна была бы покраснѣть отъ такаго полновѣснаго комплимента; но красавица напротивъ приняла его очень спокойно, такъ, какъ бы онъ не къ ней относился, или какъ бы она слишкомъ привыкла къ подобнымъ похваламъ.

Видно тебѣ, доню, въ самомъ дѣлѣ суждено быть царицею, сказала мать, что тебя всѣ такъ зовутъ.

— Довольно съ меня и гетьманши, отвѣчала за-

смѣявшись Леся, и смѣхъ ея былъ такъ очарователенъ, что Шрамченко вспомнилъ сказку про красавицу, которая когда смѣялась, то цвѣты разцвѣтали, а когда плакала, то жемчугъ катился изъ очей вмѣсто слезъ. Однако жъ слова ея какъ-то болѣзненно коснулись его души. Онъ самъ не могъ истолковать своего чувства.

— Якъ Богъ дастъ, то може се й не минется! сказала мать. Недаромъ носишь на шеѣ каменное намисто.

Шрамченко теперь только замѣтилъ на шеѣ у Леси богатое золотое ожерелье, украшенное крупными топазами, рубинами и изумрудами, и потому, видно, называвшееся каменнымъ. «Что жъ это за намисто, пани-матко»? спросилъ онъ торопливо.

Но пани, какъ бы не слыша его вопроса, сказала: такъ это вы на богомолье въ Кіевъ! Мы тоже сбираемся уже давно въ Кіевъ, да мой панъ не такъ-то легокъ на подъемъ. Пока уговоришь его, то лѣто минетъ. Развѣ теперь не пошлетъ ли ему Богъ охоты? А съ вами и намъ веселѣе будетъ ѣхать.

Это извѣстіе обрадовало Шрамченка: онъ восхищался мыслію, что, можетъ быть, нѣсколько дней проведетъ возлѣ красавицы, къ которой непо-

нятною силою влеклись всѣ его мысли. Но эта радость была непродолжительна. Слова: *довольно съ меня и гетьманщи*, и загадочное каменное монисто, съ которымъ связывалась эта ужасная для него фраза, наполнили вдругъ его душу такою тоскою, что никакое другое чувство не могло въ ней долго удержаться.

— Что это со мною дѣлается? думалъ онъ. Съ той минуты, какъ я услышалъ ея голосъ, я не владѣю самъ собою. Кажется, будто душа моя перешла въ эту чудную дѣвушку. Пусть бы она приказала мнѣ дѣлать, что ей угодно: нѣтъ того въ мірѣ, на что бы я для нея не рѣшился! Но ей въ этомъ, какъ видно, мало нужды! Гордая красавица! Она знаетъ, какъ хороша она, какъ чудно прекрасна! на нашего брата и смотрѣть не хочетъ. Гетьманша! вотъ ее что занимаетъ!

И слова: *довольно съ меня и гетьманши*, сказанныя, можетъ быть, случайно, впивались какъ піявки въ его сердце.

— Что жъ ты, нашъ гостю милый, такъ не веселъ? сказала пани Череванша, видя, что онъ сидитъ, потупивши въ землю очи. Не такимъ я тебя знала когда-то, лѣтъ съ десять тому назадъ. Правда, тогда лѣта твои были еще не для смутку; тогда ты былъ еще совсѣмъ дитя.

Тутъ нужно замѣтить, что въ тѣ патріархальныя времена двадцатилѣтній возрастъ считался еще дѣтскимъ; только съ тридцати лѣтъ смотрѣли на мущину какъ на взрослаго.

— То уже теперь, продолжала хозяйка, зашла та пора, что, говорятъ, дѣвичьи очи мерещатся козаку и днемъ и ночью. Видно, оставилъ тамъ въ Паволочи свою чернобровую.

— То правда, что оставилъ, отвѣчалъ Шрамченко, и не одну еще; но всѣ онѣ, хоть бы ихъ была цѣлая сотня, не стоятъ...

Онъ хотѣлъ-было сказать: не стоятъ однаго взгляда этой чернобровой, но никакъ не осмѣлился, хотя это по тогдашнимъ обычаямъ отнюдь не показалось бы никому страннымъ.

— Не стоятъ того, чтобъ тосковать! подхватила бойкая хозяйка. Вотъ какіе теперь пышные да гордые стали! Что жъ, доню, объ насъ хуторянахъ скажутъ?

Она сказала эти слова съ такою усмѣшкою, которая показывала, какъ она высоко цѣнитъ красоту своей дочки. Дочь посмотрѣла на нее и также усмѣхнулась. Ничего не скажутъ, мамо! прибавила

она къ своей усмѣшкѣ: насъ никто не видитъ и не знаетъ.

— И никогда не будутъ видѣть, доню; никогда не будутъ знать, пока будемъ сидѣть въ этой глуши. Давно уже запрашиваетъ меня сестра моя: пріѣдьте да пріѣдьте-таки когда-нибудь къ намъ въ Мотроновку. И почему бъ не поѣхать? Такъ шо жъ бо! Скорѣй сдвинешь съ мѣста тотъ камень надъ скарбомъ, что нужно запрягать двенадцать черныхъ воловъ отъ одной коровы, нежели упросить моего старого выѣхать изъ Хмарища. Да уже жъ хиба не я буду, шо бъ я его теперь изъ Кіева не попровадила за Днѣпръ!

— Такъ эта Мотроновка за Днѣпромъ? спросилъ Шрамченко.

— А уже жъ за Днѣпромъ, возлѣ самой Борзны.

— Такъ вы ажъ туда поѣдете въ гости? спрашивалъ онъ, едва скрывая свою радость.

— О, да уже только перевези меня за Днѣпръ, такъ я обмѣтаю всю гетьманщину. Не скоро дождется пасѣка моего пана, а цвѣты моей Леси. Но не журись, доню, за цвѣтами! тамъ найдемъ лучшіе.... Хоть бы тотъ примѣрно, что подарилъ тебѣ это каменное монисто.

Шрамченко смотрѣлъ пристально на Лесю и замѣтилъ легкій вздохъ, приподнявшій медленно ея пышную грудь, которую свободно, какъ въ Греческихъ антикахъ, обрисовывали складки тонкой сорочки. Она взглянула на мать свою съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорила, что ей тягостно это напоминаніе въ присутствіи посторонняго человѣка.

Шрамченко не имѣлъ никакаго права на Лесю и на ея чувства; но этотъ полунѣмой разговоръ ея съ матерью повергалъ его въ непонятную досаду. Что жъ все это значитъ? хотѣлъ бы онъ спросить у нихъ, но спрашивалъ только самъ у себя, и вопросъ оставался безъ отвѣта. Положеніе моего героя было очень тягостно. Онъ готовъ былъ вѣрить, что попался между двухъ чаровницъ, которыя, опутавши его своими чарами, забавляются его муками.

Шрамченко былъ отъ природы характера живаго, но не романическаго; онъ не вѣрилъ въ любовь, смѣялся надъ этимъ чувствомъ, и теперь, какъ бы въ наказаніе, пораженъ былъ вдругъ любовью, самою глубокою, какую только когда-либо имѣлъ мущина къ женщинѣ. Судьбѣ угодно было, чтобъ разомъ съ любовью вторгнулась въ его сердце и ревность, которая своими мученіями не только не ослабляетъ любви, а напротивъ, кажется, раздираетъ сердце, чтобъ любовь проникла въ него

до послѣдней его глубины. Жизнь оборотилась теперь къ моему рыцарю совсѣмъ другою стороною. Какъ орелъ, который минуту назадъ былъ еще свободенъ и гордо ширялъ крыльями надъ всѣмъ пространствомъ міра, а потомъ пронзенный стрѣлою упалъ въ безсиліи и униженіи къ ногамъ охотника: такъ и онъ утратилъ теперь вдругъ изъ виду всѣ свои важныя предпріятія, всѣ гордыя о себѣ думы, и готовъ былъ въ величайшемъ смиреніи и покорности повергнуться къ ногамъ этой простой дѣвушки, живущей въ хуторской глуши. Что она для него? Онъ недавно ее увидѣлъ; онъ едва знаетъ ея имя; онъ не сказалъ съ нею почти ни слова, не получилъ ни однаго отвѣтнаго взгляда на свои полные чувства взгляды. Но такова сила любви, этаго вѣчно-тайнаго, неистолкованнаго чувства, что онъ въ мысли своей не могъ отрознить своего существа отъ существа этой дѣвушки. Ему казалось, что вся прежняя жизнь его была только приготовленіемъ къ этому роковому для него дню. Его душа освѣщалась доселѣ внѣшнимъ свѣтомъ, а теперь какъ-будто въ нее былъ внесенъ особенный свѣтильникъ, передъ которымъ гаснуло все, что свѣтило ему извнѣ. Все то сливалось однако жъ чуднымъ образомъ въ мучительное чувство тоски. О чемъ онъ тосковалъ? О томъ ли, что она, можетъ быть, обречена уже другому? О томъ ли, что она такъ выше, такъ превосходнѣе его во всѣхъ отношеніяхъ (по крайней мѣрѣ такъ ему казалось), что онъ считаетъ себя слиш-

комъ ничтожнымъ, чтобъ она его любила? О томъ ли, что эта гордая красавица остается спокойною, тогда, какъ каждое его слово, каждое движеніе, каждый взглядъ выражаютъ чувство, которымъ возгорѣлась душа его? Что жъ если бъ она и не была спокойною, если бъ въ ея душѣ горѣлъ тотъ же огонь, въ ея глазахъ блистало то же чувство? Если бъ она обречена была только ему, и ему позволено было бы выражать ей свободно любовь свою? Чѣмъ бы онъ ее выразилъ? восторженными увѣреніями, пламенными объятіями и поцѣлуями? Нѣтъ, его душа такъ была свѣжа, такъ полна жизни и чувства самаго святаго, что онъ не могъ такъ выражать любовь свою! Онъ бы желалъ въ такомъ случаѣ вѣчныхъ слезъ, чтобъ упасть передъ нею, обнять ея ноги и въ безконечномъ рыданіи излить передъ нею всю свою душу. За нѣсколько времени передъ этимъ онъ бы смѣялся отъ души надъ такимъ чувствомъ и сказалъ бы, можетъ быть, что оно свойственно только женоподобному мужчинѣ; но теперь онъ ясно чувствовалъ, что чѣмъ полнѣе зарядъ душевной жизни въ человѣкѣ, тѣмъ сильнѣе можетъ овладѣть его сердцемъ чувство любви.

Нельзя однако жъ обвинять Лесю въ совершенномъ равнодушіи къ моему герою. Кто анаетъ, что было въ ея душѣ: любила ли она кого-нибудь, или любила только свою красоту, какъ это часто видимъ въ свѣтѣ? По крайней мѣрѣ, она оцѣнила то чувство,

которое прочла во взорахъ, въ движеніяхъ и въ голосѣ молодаго козака. Неразъ она поднимала на него свои глаза — и внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить въ нихъ участіе и, можетъ быть, сочувствіе тому, что происходило въ душѣ его. Шрамченко хотя и происходилъ изъ рода *чепурныхъ*, однако жъ не былъ одаренъ такою красотою, которая бросается въ глаза каждому. Красота его состояла въ стройномъ и сильномъ складѣ тѣла, въ выраженіи живаго и безстрашнаго характера въ лицѣ, и въ той пріятности въ очертаніяхъ лица, въ глазахъ и въ головѣ, которая иногда беретъ верхъ и надъ самою разительною красотою. И–такъ дочь пана Черевана не безъ удовольствія замѣтила взволновавшее его чувство; ибо нѣтъ столь гордой женщины, которая бъ совершенно равнодушно отвергла жертву, принесенную ей въ святилищѣ чистой и пламенной юношеской души.

— Хмарище наше, такъ начала она свою рѣчь къ гостю, такъ удалено отъ большихъ дорогъ и такъ закрыто со всѣхъ сторонъ лѣсами...

— Что къ намъ летаютъ однѣ птицы въ гости, подхватила пани Череваниха.

— Я хотѣлъ бы быть птицею, сказалъ Шрамченко, чтобъ летать сюда въ гости.

«Хотѣвъ бы я орломъ бути, высоко лѣтати».

Хозяйка не дала ему сказать другаго стиха и приложила къ первому свой:

«Полетѣвъ бы у Паволочь милу одвѣдати».

Въ слѣдъ за тѣмъ обѣ засмѣялись.

— О, нѣтъ! не въ Паволочь, отвѣчалъ гость, а въ Хмарище, когда ваша ласка! Сюда, если бъ только никто мнѣ не мѣшалъ. плылъ бы я черезъ воды лебедемъ, бѣжалъ бы черезъ поля перепеломъ, летѣлъ бы черезъ лѣса голубемъ, какъ поютъ въ той пѣснѣ:

Черезъ быстрыи воды ты лебеденькомъ плыви,
Черезъ поля далекіи перепелочкомъ бѣжи,
Черезъ лѣса высокіи ты голубенькомъ лети.

— И оце бъ то сёму правда? спросила Леся, глядя на него.

Шрамченку показалось, Богъ знаетъ что, въ ея взорѣ. Онъ не зналъ еще, какъ обманчивы взоры женскіе. Святая правда! воскликнулъ онъ, и готовъ былъ излиться въ потокѣ самыхъ нѣжныхъ рѣчей, забывши, что еще такъ недавно познакомился съ предметомъ своей любви. Но въ это время

панъ Череванъ, отведши своихъ гостей въ свѣтлицу, перевалился черезъ порогъ въ пекарню и подошелъ съ распростертыми руками къ Шрамченку.

— А вже жъ не брехня! сказалъ онъ, обнимая его. Здравствуй, бгатику! га, га, га! Ну, не-чего сказать, бгатъ, идешь не въ-низъ, а въ-гору. То былъ молодецъ, а теперь еще лучшій. Чтобъ меня Татаринъ взялъ, если я видѣлъ когда-нибудь лучшаго козака, съ того времени, какъ первый разъ поставилъ ногу въ стремя. Меласю! обратился онъ къ своей женѣ, вотъ зятекъ! Лесю! вотъ женихъ тебѣ подъ-пару, такъ, такъ!

Удивило Шрамченка, что красавица приняла эту выходку, ни мало не покраснѣвши. Ему даже страшнымъ показалось такое спокойствіе: онъ не могъ постигнуть, что за душа въ этой дѣвушкѣ. Она только слегка при этомъ усмѣхнулась, и Шрамченку показалось, что ея усмѣшка обращаетъ слова пана Черевана въ такую шутку, которая не имѣетъ и сотой доли правды, хотя обыкновенно въ шуткѣ считается половина правды. Новыя мученія замѣнили минутную его радость. Но такова участь влюбленныхъ. Какъ вѣтеръ для растеній, какъ трудъ и движеніе для укрѣпленія тѣла, такъ, можетъ быть, эти переходы отъ радости къ тоскѣ и отъ тоски къ радости нужны для того, чтобъ чувство окрѣпло въ душѣ человѣка и до того проникло во все су-

щество его, чтобъ послѣ ни долгая разлука, ни посторонния волненія и страсти не могли истребить его въ душѣ нашей.

Эти страсти и волненія меньше всего были извѣстны пану Черевану. Покойный Хмѣльницкій недаромъ назвалъ его бочкою горѣлки: самою большею его страстью, по-видимому, было угостить наливками всякаго, кого судьба пошлетъ въ жертву его усердію, а самымъ большимъ волненіемъ было — посмѣяться въ дружеской компаніи.

— Ну, Меласю! обратился онъ къ своей женѣ, хоть ты и сама это знаешь, но я тебѣ напомню, какіе сегодня у насъ гости. Такъ смотри, пышная моя пани, чтобъ вечеря была гетьманская! Будетъ, будетъ, пышный мой пане! отвѣчала та, смѣясь. А ты, бѣлоручка, сказалъ онъ Леси, только не поможешь матери, то и не думай, чтобъ я тебя отдалъ за такаго бгаваго козака, какъ это! Га, га, га! Пойдемъ, бгатъ, Петро! пусть они займутся своимъ дѣломъ, а мы своимъ.

И увелъ гостя въ свѣтлицу.

Переступая черезъ порогъ, Петро не могъ не оглянуться еще разъ на красавицу. Глаза ея слѣдили за нимъ. Опять ожила въ немъ радость, и сердце снова забилось надеждою.

О ТАРАНТАСѢ,

НОВОМЪ СОЧИНЕНІИ

ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА.

I.

Графъ В. А. Соллогубъ къ заглавію новаго сочиненія своего прибавилъ другое: *Путевыя впечатлѣнія.* Но читатели не должны думать, что въ книгѣ идетъ рѣчь о собственныхъ впечатлѣніяхъ автора. Приключенія, разговоры, сужденія, словомъ — все, введенное въ книгу, принадлежитъ двумъ вымышленнымъ лицамъ: помѣщику *Василью Ивановичу* и возвратившемуся изъ-за границы молодому человѣку *Ивану Васильевичу.* Зналъ ли авторъ подобныхъ имъ людей, или вся исторія чистый вымыселъ — это его тайна. Только надобно помнить, что изъ книги, изображающей посторонніе характеры и дѣйствія, несправедливо относить къ собственному лицу сочинителя и самыя легкія черты. Въ противномъ случаѣ столько выйдетъ не-

сообразностей, даже противорѣчія между высокою цѣлію нравоучительныхъ сочиненій и приводимыми умствованіями лицъ дѣйствующихъ, что авторъ явится какимъ-то разрушителемъ лучшихъ своихъ помысловъ. Для поясненія мысли моей приведу одно мѣсто изъ разбираемой книги.

«Путники ѣдутъ (говоритъ авторъ на 107 стран.) по большой дорогѣ. Дорога песчаная. Тарантасъ тянется шагомъ. «Признаюсь», сказалъ зѣвая и потягиваясь Василій Ивановичь, «скучненько немного, и виды по сторонамъ очень незанимательны. Налѣво гладко. Направо гладко. Вездѣ одно и тоже. Хоть бы придумать чѣмъ-нибудь позаняться.» Чтеніемъ, напримѣръ, сказалъ Иванъ Васильевичь. «Пожалуй, хоть бы и чтеніемъ. Я очень люблю иногда, какъ дѣлать нечего, книжечки читать. Очень иногда забавныя исторіи пишутъ. Да кстати, коли смѣю спросить, вы, можетъ быть, сами сочиняете?» Нѣтъ-съ. «И хорошо, братъ, дѣлаешь. Дворянину неприлично итти въ писаки. И потомъ,» прибавилъ вздохнувъ значительно Василій Ивановичь, «не всякому данъ talent...тъ.» Для нынѣшней словесности ненужно таланта, сказалъ Иванъ Васильевичь. «Не всякому дано дарованье.» Не нужно дарованья. Василій Ивановичь взглянулъ на Ивана Васильевича. Иванъ Васильевичь взглянулъ на Василья Ивановича. Да, продолжалъ Иванъ Васильевичь: теперь не нужно дарованья — нужна одна смышленость. Те-

перь словесность — ремесло, какъ ремесло сапожника, или токаря. Писатели не что иное, какъ литературныхъ дѣлъ мастера, и скоро подѣлаютъ они себѣ вывѣски, какъ въ кандитерскихъ и булочныхъ. «Ну, ужъ позволь,» прервалъ Василій Ивановичь: «это ты ужъ просто, кажется, аллегорію говоришь.» Нѣтъ, я говорю правду. Не уже ли вы не знаете, какіе жалкіе и мелкіе расчеты скрываются подъ громкими названіями? Вы еще вѣрите, когда вамъ говорятъ, что словесность — выраженіе народнаго духа и бытія; вы вѣруете въ высокое ея призваніе научать людей, исправлять пороки и направлять душу къ чистымъ наслажденіямъ. Все вѣдь это вздоръ. Словесность есть одинъ изъ тысячи способовъ добывать себѣ деньги — и всѣ прекрасныя чувства, всѣ глубокія мысли, которыми наполнены теперь книги, можно исчислить на ассигнаціи и серебро. Уничтожьте продажу книгъ — и словесность исчезнетъ. Въ наше продажное время поэзія разлагается на акціи и восторгъ берется на откупъ. Скоро заведутъ сочинительскія фабрики — и готовыя мысли и чувства будутъ продаваться по таксѣ, смотря по достоинству, какъ продаются теперь у портныхъ фраки и панталоны. «Въ прошедшемъ году,» замѣтилъ Василій Ивановичь, «я купилъ себѣ на Кузнецкомъ мосту фланелевый сюртукъ. Какъ бы вы думали? никуда не годился. Французъ—мошенникъ обманулъ.» Такъ обманываютъ васъ тѣ, которыхъ вы читаете съ удовольствіемъ, какъ добрый и чест-

ный человѣкъ. Вы съ довѣрчивостію покупаете кафтанъ, а кафтанъ вашъ сшитъ изъ тряпокъ, и то на живую нитку. Теперешніе портные, или литераторы, славно себѣ набили руку для выкройки. —— «Такъ-съ», сказалъ Василій Ивановичь. «Вы любите нашу Русскую литературу?» Сохрани меня Богъ! съ живостью прервалъ его товарищъ. Я не говорилъ такой глупости. И къ-тому же о какой литературѣ вы говорите? Ихъ у насъ двѣ. «Какъ двѣ?» Да! одна даровитая, но усталая, которая показывается въ-люди рѣдко, смиренно, иногда съ улыбкой на лицѣ, а всего чаще съ тяжкою грустію на сердцѣ. Другая наша литература напротивъ кричитъ на всѣхъ перекресткахъ, чтобъ только ее приняли за настоящую Русскую литературу, и не узнали про настоящую. Эта литература приводитъ мнѣ всегда на память крикливыхъ сидѣльцевъ Апраксина двора, которые чуть не хватаютъ прохожихъ за горло, чтобъ сбыть имъ свой гнилой товаръ. Признаюсь, я не видалъ ничего смѣшнѣе, удивительнѣе, уродливѣе и отвратительнѣе этой подложной литературы. «Отъ чего это?» Отъ того, что въ самомъ дѣлѣ литературы тутъ нѣтъ, а одно только названіе. Отъ того, что наши даровитые писатели всегда удалялись, и теперь удаляются отъ ея прикосновенія, опасаясь быть замѣшанными въ ея странную дѣятельность; отъ того, что она, теперь въ особенности, не что иное, какъ жалкой наростъ на народной почвѣ; отъ того, что

у нея нѣтъ ни цѣли, ни смысла. Впрочемъ, если хотите, у насъ есть многое множество такихъ литературъ: нѣсколько Петербургскихъ, нѣсколько Московскихъ, нѣсколько губернскихъ — и въ каждой литературѣ есть нѣсколько партій, которыя въ муравьиныхъ кучкахъ двигаются и хлопочутъ и суетятся какъ Лилипуты Гулливера. Ревностные члены разрозненнаго тѣла, они угощаютъ святую Русь стишками на манеръ Ламартина, драмами на фасонъ Шиллера, повѣстями — жалкими пародіями заграничныхъ и безъ того каррикатурныхъ повѣстей, и наконецъ той чудовищной неблагопристойностію, которую называютъ, *съ позволенія сказать,* журнальной критикой.»

Такъ Василій Ивановичь и Иванъ Васильевичь разговариваютъ о нынѣшней Русской литературѣ. Подобнымъ образомъ передаютъ они другъ другу *впечатлѣнія свои* о множествѣ предметовъ, болѣе или менѣе важныхъ въ государствѣ. Я познакомлю читателей съ содержаніемъ бесѣдъ путешественниковъ, выписавъ здѣсь названія всѣхъ двадцати Главъ, составляющихъ книгу. Поѣздка направлена изъ Москвы въ Казань. Глава 1 представляетъ встрѣчу нашихъ героевъ, 2 отъѣздъ, 3 начало путевыхъ впечатлѣній, 4 станцію, 5 гостинницу, 6 губернскій городъ, 7 простую и глупую исторію, 8 Цыганъ, 9 перстень, 10 нѣчто о словесности, 11 Русскаго барина, 12 Печорскій монастырь, 13 по-

мѣщика, 14 купцовъ, 15 нѣчто о Василіи Ивановичѣ, 16 нѣчто объ Иванѣ Васильевичѣ, 16 сельской праздникъ, 18 чиновниковъ, 19 востокъ и 20 сонъ. Непринужденно, безъ приготовленія, какъ всегда бываетъ въ дорогѣ, пріятели обсуживаютъ вышеозначенные предметы, кто какъ умѣетъ. Ни за вкусъ ихъ, ни за мораль, ни за философію, ни за политику авторъ нигдѣ не отвѣчаетъ. Отъ того и вышло, что на предметъ, самый близкой къ сердцу сочинителя — на словесность — дорожные смотрятъ какъ-то неблагосклонно. Самоотстраненіе автора въ судѣ ихъ показываетъ, что онъ понимаетъ обязанность историка — общее названіе, которымъ надобно обозначать писателя, выводящаго на сцену не себя, а постороннія дѣйствующія лица. Самое же несомнѣнное доказательство самоотстраненія здѣсь Графа В. А. Соллогуба видно особенно изъ того, что онъ въ наше время одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ Русскихъ литераторовъ.

II.

Первое собраніе сочиненій Графа В. А. Соллогуба вышло въ свѣтъ 1841 года, подъ названіемъ: *На сонъ грядущій, отрывки изъ вседневной жизни.* Вотъ что было сказано тогда мною о характерѣ его литературныхъ произведеній.

«Если молодой авторъ, начиная свое поприще, уже такъ вѣрно постигаетъ первыя совершенства расказа и разговора (Соврем. т. XXII. стран. 29 — 39, *первой нумераціи*) — безыскуственность выраженій, смѣлую подвижность предметовъ, своеобразіе идей и мнѣній дѣйствующихъ лицъ, отстраненіе всего, чуждаго ихъ духу и настроенію; если авторъ уже теперь умѣлъ высвободить себя изъ-подъ тяжести современнаго слога, преобладающаго и у насъ и у другихъ Европейскихъ народовъ: то можно до нѣкоторой степени опредѣлить, какъ счастливо и какъ надежно будетъ развиваться и совершенствоваться его талантъ! Мы убѣждены, что онъ, оставаясь неизмѣнно при нынѣшнемъ своемъ направленіи, въ состояніи будетъ изъ себя образовать писателя, столько же замѣчательнаго въ Россіи, какъ и въ Европѣ. Всѣхъ повѣстей пять. Не всѣ онѣ равнаго достоинства по объему сценъ и ихъ занимательности. Но въ нихъ есть сторона, съ которой онѣ всѣ представляются равно любопытными и — какъ художественное произведеніе — равно совершенными. Авторъ не теряется въ исчисленіи подробностей, не перемѣшиваетъ существеннаго съ мечтательнымъ, не вымышляетъ противорѣчащаго жизни. Его талантъ воспользовался тѣмъ, что самая жизнь ему доставила. Можетъ быть, и чаще встрѣчалось бы въ нашей литературѣ это согласіе жизни съ созданіями фантазіи — необходимое условіе для успѣха каждаго писателя, если бы всѣ мо-

гли и умѣли изучать собственными ощущеніями то, чего нерѣдко сочинители должны доискиваться въ книгахъ, или въ своихъ вымыслахъ.»

Съ тѣхъ поръ Графъ В. А. Соллогубъ участвовалъ литературными трудами своими въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ. Въ одно время *съ Тарантасомъ* вышелъ литературный сборникъ: *Вчера и сегодня*, имъ же составленный изъ произведеній разныхъ писателей, гдѣ помѣщена его повѣсть: *Собачка*. Новыя его повѣсти, подобно какъ и прежнія, всѣмъ нравятся непринужденностію расказа, натуральностію разговоровъ, простотою плановъ, нерѣдко истиннымъ остроуміемъ мыслей и языкомъ, не лишеннымъ красокъ. Особенно удачно исполняетъ онъ сцены высшаго общества. Есть, правда, въ нѣкоторыхъ созданныхъ имъ характерахъ стороны невѣрныя и въ подробностяхъ доведенныя до отсутствія правдоподобія, какъ на прим. въ повѣсти, названной имъ: *Медвѣдь*. Но это объясняется нашею эпохою, изъ-подъ власти которой немногіе освобождаются совершенно. Еще замѣчу: у него не довольно рѣзко выражается духовное направленіе; нѣтъ рѣшительнаго убѣжденія въ избранныхъ началахъ жизни, окончательно характеризующихъ каждаго самобытнаго писателя. Въ повѣстяхъ, наприм., Лермонтова, или Павлова, чувствуешь, чѣмъ проникнута ихъ собственная душа. Изъ-подъ всѣхъ украшеній искуства, не смотря на разнообразіе ха-

рактеровъ, положеній, привычекъ дѣйствующихъ лицъ, выказывается что-то преобладающее въ драмѣ бытія и ощущеній, что-то усиливающееся подчинить себѣ волю читателя, что-то постоянно уловляющее нашъ умъ и сердце. Этаго высшаго единства еще не замѣтно въ произведеніяхъ разсматриваемаго мною автора. Онъ, такъ сказать, еще играетъ своимъ талантомъ, обращая полетъ его то въ одну, то въ другую сторону. Ему часто такъ же забавна дума мыслителя, какъ смѣшны перемѣнчивыя желанія свѣтской щеголихи. Онъ съ одинаковою веселостію расказываетъ о неловкости простодушнаго провинціала и о плутняхъ опытнаго ябедника. Между-тѣмъ въ сущности своей не все то смѣшно, о чемъ смѣшно расказать можно. Впрочемъ рѣдко бываетъ, чтобы въ первыхъ опытахъ писателя вдругъ раскрылось это сознаніе ученія, имъ самимъ воспитываемаго, или принятаго отъ другихъ. Графъ В. А. Соллогубъ, въ промежутокъ, отдѣляющій первыя его повѣсти отъ Тарантаса, замѣчательнѣе всего обработалъ формы языка своего и общія соображенія излагаемыхъ расказовъ. Его рѣчь теперь сдѣлалась крѣпче и естественнѣе. Въ ней больше красокъ, которыя и хороши и часто очень вѣрны. Въ постановкѣ явленій много свободы и въ то же время истины и занимательности. Однимъ словомъ, онъ не остановился, что въ нашей литературѣ замѣчательная рѣдкость.

III.

Тарантасъ, по идеѣ своей, входитъ въ разрядъ сатирическихъ сочиненій, являющихся въ формѣ то собственно такъ называемыхъ сатиръ, то комедій, то романовъ и повѣстей, то даже басень и пр. Въ Русской словесности этотъ родъ ведетъ начало свое отъ Князя Кантемира. Послѣ разныхъ нововведеній въ Россіи со временъ Петра I. тогда общественное мнѣніе раздѣлилось. Были ревностные защитники новаго порядка, была въ то же время (говоря моднымъ языкомъ) и оппозиція. Поэтъ, какъ лице съ высшимъ умомъ и съ разностороннею образованностію, стоялъ въ ряду первыхъ. Онъ рѣшительно дѣйствовалъ въ защиту преобразованія, вводимаго Правительствомъ. Являющіяся въ сатирахъ Князя Кантемира оппозиціонныя лица: *Критонъ*, *Силванъ*, *Лука*, *Медоръ* (Сатир. I), *Евгеній* (Сатир. II) осмѣяны имъ и поражены со всѣми ихъ ложно-патріотическими понятіями. Въ другихъ сатирахъ своихъ поэтъ нападаетъ на пороки, на злоупотребленія и на прочія дурныя стороны людей въ общежитіи. Какъ въ оппозиціонныхъ, такъ и въ безнравственныхъ лицахъ, имъ изображаемыхъ, отразились всѣ признаки времени и мѣста; жизнь эпохи удержала до сихъ поръ свои краски. Намъ ясно, отъ чего поэтъ въ негодованіи, что онъ любитъ и

предлагаетъ. Его художническія созданія въ такомъ согласіи съ потребностями мыслящихъ современниковъ, что я готовъ вѣрить благотворному вліянію этаго голоса на совершенствованіе общества.

Пропускаю всѣ опыты въ этомъ родѣ до появленія *Недоросля*. Онъ въ такомъ же отношеніи къ предшествовавшимъ ему сатирическимъ сочиненіямъ, какъ Исторія Курбскаго къ Лѣтописямъ. Фонвизинъ вывелъ на зрѣлище сокровеннѣйшія сцены домашней жизни, запечатлѣвъ ихъ въ памяти народа всею силою и точностію выраженій, до которыхъ прежніе Русскіе писатели, исключая однако же Князя Кантемира, не осмѣливались и дотрагиваться. Это историческое событіе совершилось въ такое время, когда распространялось ученіе филантропіи, когда личное достоинство человѣка противопоставлялось старымъ общимъ понятіямъ объ отношеніяхъ людей. Современный вопросъ былъ уже не политической, а философской. Ученіе и оппозиція его шли молча, не поддерживаемыя гласно ни Правительствомъ, ни партіями въ сословіяхъ. Поэтъ и мыслитель по призванію и образованности, остроумный, даже до язвительности колкой писатель, художникъ самобытный и первый въ то время знатокъ Русскаго языка, Фонвизинъ составилъ такія положенія, вывелъ такіе характеры, которые однимъ появленіемъ своимъ должны были возбудить омерзѣніе къ понятіямъ, противоположнымъ распро-

странявшемуся ученію. Невѣжественнымъ презрѣніемъ къ достоинству человѣка онъ наполнилъ душу и жизнь женщины, которая, въ безсмысленной любви къ идолу своему — сыну, жертвуетъ спокойствіемъ цѣлаго семейства и всѣхъ къ нему прикосновенныхъ. Смотря на эту картину, унизительную для человѣчества и гражданскаго общества, не возможно было не перейти на сторону поэта, если и не по убѣжденію, по крайней мѣрѣ изъ приличія.

Въ современныхъ намъ комедіяхъ два автора съ полнымъ совершенствомъ развили идею сатирическихъ твореній. Они подвергнули своему изслѣдованію характеръ нашего общежитія—естественный вопросъ, слѣдующій за политикою и философіею. Грибоѣдовъ представилъ картину специальную, въ которой мѣстные пороки, глупости и провинціальные обычаи явились со всѣмъ ихъ безобразіемъ. Понятія и взаимныя отношенія частныхъ лицъ разсмотрѣны въ ихъ источникахъ. Самое основаніе господствовавшаго ученія — давность — было сбито энергіею сатиры. Одинъ *Чацкій* нѣсколько повредилъ полному успѣху поэта. Этотъ представитель стороны разумной столько выказываетъ въ себѣ готовыхъ началъ для новой сатиры, что безпристрастный зритель остается въ недоумѣніи, выиграетъ ли общежитіе, если запоздалыя пошлости свои замѣнитъ оно неуживчивостію, самонадѣянностію, насмѣшливостію. Гоголь въ *Ревизорѣ* также

разоблачилъ отношенія частныхъ лицъ, но не столько однаго изъ нихъ къ другому, сколько къ общественнымъ обязанностямъ, такъ-что вопросъ предшественника его, обособясь еще болѣе, превратился какъ бы въ семейный. Я замѣтилъ, что *Чацкій* не помогъ поэту доверпіить убѣжденіе въ истинѣ. Подобное дѣйствіе давно уже приписано *Правдину* и *Стародумову* въ *Недорослѣ*. Гоголь, по расчету, а можетъ быть и въ слѣдствіе особенности таланта, остался при одномъ главномъ своемъ изслѣдованіи. Рѣшимый имъ общежительный вопросъ надобно назвать самымъ современнымъ, потому-что въ него заботливо вникаетъ не только Правительство, но и каждое изъ частныхъ мыслящихъ лицъ, сообразно съ нынѣшнимъ просвѣщеніемъ и гласностію сужденій.

Такимъ образомъ въ сатирѣ постоянно отражалась мысль, занимавшая дѣятельные умы, и въ то же время — цѣль, которую они указывали обществу. Сочинитель Тарантаса, въ первомъ отношеніи, вышелъ дѣйствительно на свою дорогу. Кто теперь не занятъ предметомъ, который онъ разсматриваетъ? Равномѣрное, твердое, прямое совершенствованіе всѣхъ частей общежитія лежитъ въ основаніи каждаго государственнаго и частнаго предпріятія. Россія изучаетъ и себя и другія государства, чтобы вѣрнѣе достигнуть полнаго благосостоянія. Очень понятно, что въ дѣятельности столь разнородныхъ

умовъ сатирическому таланту представляется много явленій, вызывающихъ его на работу. Любопытно за нимъ слѣдовать, какъ онъ совершилъ свое призваніе, какую опредѣлилъ себѣ цѣль и дошелъ ли до нея.

IV.

Въ Главѣ первой (стран. 7) авторъ говоритъ: «Прежде, когда Русскій молодой человѣкъ возвращался изъ Парижа, онъ привозилъ съ собой наружность парикмахера, нѣсколько яркихъ жилетовъ, нѣсколько пошлыхъ остротъ, разныя несносныя ужимки и нестерпимо рѣшительное хвастовство. Благодаря Бога, все это теперь вывелось». Однако на той же страницѣ сказано: «Иванъ Васильевичь — молодой человѣкъ только-что вернувшійся изъ-за границы. На немъ Англійской макинтошъ безъ таліи; панталоны его сшиты у Шеврёля; палка, на которой онъ упирается, куплена у Вердье. Волосы его обстрижены по вкусу Среднихъ вѣковъ, а на подбородкѣ еще видны остатки ужаснѣйшей бороды». Тутъ видна только перемѣна моды, а не перемѣна въ собственномъ вкусѣ прежнихъ и нынѣшнихъ Русскихъ путешественниковъ. Далѣе тамъ же прибавлено: «Достойный представитель *юной Руси*, Иванъ Васильевичь объѣздилъ всю Европу — и, вникая въ политическую болтовню перемѣшанныхъ

сословій, приглядываясь къ мелкимъ страстямъ, прикрытымъ громкими именами общей пользы, свободы и просвѣщенія, онъ понялъ, какъ велика и прекрасна во многомъ его отчизна, и съ того времени загорѣлась въ немъ жаркая, хотя безсознательная любовь къ родинѣ, и съ того времени онъ началъ гордиться передъ собой и передъ цѣлымъ свѣтомъ тѣмъ, что онъ родился Русскимъ человѣкомъ.» Ежели самъ Иванъ Васильевичь сообщилъ эту характеристику автору; то, надобно согласиться, что *юная Русь* не менѣе старой наклонна къ слабостямъ, выставленнымъ въ описаніи прежнихъ путешественниковъ. Дѣло въ томъ, что Ивану Васильевичу, съ дѣтства его до возвращенія изъ-за границы, ни разу не было случая хоть что-нибудь узнать о Россіи. «Русская исторія, Русская жизнь, Русскій законъ (приведено на 201 стран.) остались для него какимъ-то варварскимъ баснословіемъ — и, благодаря безтолковому направленію, Русскій ребенокъ выросъ Французикомъ». На пятнадцатомъ году отдали его въ частный пансіонъ. Тамъ «Иванъ Васильевичь сдѣлался совершеннымъ молодцомъ (стр. 202), затягивался во всѣхъ уголкахъ вакштафомъ до тошноты, пилъ водку, бѣгалъ по кандитерскимъ, хвасталъ какимъ-то мнимымъ пьянствомъ, занимался театральной хроникой, а на лекціяхъ училъ какіе-нибудь грязные или вольнодумные стихи. — — Такъ погубилъ онъ самые лучшіе, самые свѣжіе годы жизни, когда душа еще такъ воспріимчива,

такъ горячо и ясно удерживаетъ всякое впечатлѣніе. Наступила пора выпуска и экзамена.——Иванъ Васильевичь относился, разумѣется, весьма презрительно о ожидаемомъ испытаніи — и, какъ говорится на пансіонскомъ языкѣ, провалился съ перваго слова». Опредѣлившись на службу, онъ скоро пересталъ о ней и думать, потому-что влюбился въ какую-то барыню, которая черезъ нѣсколько времени вышла за-мужъ за богатаго урода, а Иванъ Васильевичь съ отчаянія уѣхалъ за границу. И-такъ могъ ли этотъ человѣкъ, подслушавъ тамъ болтовню о политическихъ дѣлахъ, да замѣтивъ, что именами пользы, свободы и просвѣщенія прикрываются только страсти, могъ ли онъ вдругъ изъ этаго *понять*, какъ велика и прекрасна Россія, вдругъ полюбить ее жарко и начать гордиться передъ цѣлымъ свѣтомъ, даже *передъ собой*, что онъ Русскій человѣкъ? По естественному порядку, могло бы тутъ вытти одно изъ двухъ: или онъ пересталъ бы вѣрить высокопарнымъ фразамъ иностранцевъ, или захотѣлось бы ему провѣдать, какъ на родинѣ его обработываются подобныя дѣла. Но мы увидимъ, что онъ, поѣхавши не къ центру администраціи и политики нашей, а въ Казань съ намѣреніемъ изучать древности и народность Россіи, только и дѣлаетъ, что ýчитъ каждаго изъ Русскихъ, учитъ всему, о чемъ бы рѣчь ни зашла.

Впрочемъ авторъ не безъ намѣренія внесъ въ

портретъ героя своего черты, какъ бы противорѣчащія истинѣ. Онъ за нихъ держится какъ за основаніе, на которомъ намѣренъ утвердить колкость сатиры. Въ слѣдствіе такаго расчета онъ почти повторяетъ прежнія слова свои. «Заграничная жизнь заставила Ивана Васильевича (стран. 211) невольно задуматься о своей родинѣ. Думая объ ней, онъ началъ ею гордиться, а потомъ началъ ее и любить. Словомъ, то, что на родинѣ не было внушено ему при воспитаніи, мало-по-малу закралось въ его душу на чужбинѣ. Онъ началъ припоминать все видѣнное и незамѣченное имъ въ деревнѣ, въ поѣздкахъ по губерніямъ, во время откомандировокъ по службѣ. Онъ хотя и чувствовалъ, что всѣ эти данныя не составляютъ общаго мнѣнія, общаго цѣлаго; но нѣкоторыя черты удержалъ онъ довольно вѣрно, а остальныя дополнилъ своимъ воображеніемъ. Такъ составилъ онъ себѣ особыя понятія о чиновникахъ, о Русской торговлѣ, о нашемъ образованіи, о нашей словесности. Тогда рѣшился онъ изучить свою родину основательно: и такъ-какъ онъ принимался за все съ восторгомъ, то и отчизнолюбіе въ немъ загорѣлось бурнымъ пламенемъ. Къ-тому же, онъ радовался, что осмыслилъ свое бытіе, что нашелъ себѣ наконецъ цѣль въ жизни, цѣль благородную, цѣль прекрасную, обѣщающую ему привлекательное занятіе, полезныя наблюденія. Съ такими чувствами возвратился онъ изъ-за границы». До сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, читатели

не могли еще догадаться, какаго мнѣнія держится авторъ: къ лучшему ли послужило для Ивана Васильевича, что онъ съѣздилъ за границу, или напротивъ. Судя по заключенію, которое помѣщено здѣсь и въ отрывкѣ, приведенномъ выше, надобно предполагать первое. Изъ пошлаго невѣжи мгновенно преобразиться въ пламеннаго патріота, хотя бы и не совсѣмъ основательнаго — такаго рода легкое и отрадное превращеніе достаточно, даже съ избыткомъ вознаграждаетъ за поѣздку въ чужіе краи, гдѣ въ добавокъ еще и жить веселѣе, нежели дома. Только все невѣроятно—и что-нибудь похожее на это едва ли случается. Авторъ и самъ видитъ въ мнимомъ патріотизмѣ Ивана Васильевича продолженіе прежнихъ его глупостей. Онъ очень остроумно отклоняетъ отъ себя упрекъ въ излишней похвалѣ человѣку неблагонадежному.

V.

«Читателю уже извѣстно (продолжаетъ Графъ В. А. Соллогуаъ на 212 стран.), какъ Иванъ Васильевичь встрѣтился съ Василіемъ Ивановичемъ на Тверскомъ бульварѣ; какъ онъ уложился съ нимъ вмѣстѣ въ Тарантасъ; какъ вооружился книгой для своихъ путевыхъ впечатлѣній и очинилъ перо. Но что будетъ изъ этаго? Что напишетъ онъ? Что откроетъ? Что скажетъ намъ? Кажется, ничего. И

тутъ, какъ во всѣ прочіе случаи жизни, Иванъ Васильевичь не выдержитъ характера. Сперва онъ погорячится, а потомъ обезсилитъ при первомъ препятствіи. Не пріученный къ упорному труду, онъ встрѣтитъ невозможность тамъ, гдѣ только затрудненіе, и благія его начинанія останутся вѣчно безъ конца». Здѣсь ясно сказано, что этотъ путешественникъ есть одна каррикатура дѣйствительнаго патріота, легкомысленный мечтатель, ничего не знающій и неспособный къ какому-нибудь полезному труду. Между-тѣмъ и прежде приписана была ему неподобающая честь за какое-то чистое, благородное увлеченіе, тогда-какъ оно оказывается маскою, только прикрывающею смѣшную привычку заграничныхъ выходцевъ кстати и некстати обо всемъ судить и рядить. Для дѣла правды и для чести сатиры еще невыгоднѣе то обстоятельство, что, въ продолженіе всего расказа о дорогѣ отъ Москвы до Казани, патріотическія намѣренія Ивана Васильевича ежеминутно уничтожаются не по причинѣ личной его глупости или неспособности къ дѣлу, а видимо по причинамъ (какъ говорится въ литературѣ нашей), не зависящимъ отъ сочинителя: встрѣчая одни предметы безцвѣтные, безхарактерные, мелкіе, ничтожные и къ бо̀льшей досадѣ читателя безпрестанно повторяющіеся, Иванъ Васильевичь естественно ничего не находитъ питательнаго для пылкой и благородной души своей. При такомъ разъединеніи содержанія, сатира превращается въ парадоксъ. Дѣй-

ствительно, по прочтеніи книги, къ изумленію автора, желавшаго пошутить надъ недозрѣлыми политиками, едва ли не всѣ скажутъ: какъ жаль, что для Ивана Васильевича, этаго рѣдкаго субъекта, не нашелся вполнѣ достойный его объектъ *(современный языкъ)*.

Авторъ же точно не на сторонѣ своего героя. За приведенными сейчасъ мною словами вотъ что слѣдуетъ. «И не онъ одинъ. Много у насъ молодыхъ людей, которые страдаютъ одинакой съ нимъ болѣзнію. Много у насъ молодыхъ людей, которые изнываютъ подъ бременемъ своей немощи, и чувствуютъ, что жизнь ихъ навѣкъ испорчена отъ порочнаго, недостаточнаго, половиннаго образованія. Правда, они тѣшатъ свое самолюбіе личиной поддѣльнаго разочарованія, жизненной усталости, обманутыхъ надеждъ. А въ самомъ дѣлѣ они только ничтожны и ничтожны въ половину, а потому не могутъ не чувствовать своего ничтожества. И въ нихъ таится, можетъ быть, наклонность къ дѣятельности, любовь къ прекрасному и къ истинѣ; но они не пріобрѣли силы осуществить внутренняго своего стремленія. Въ нихъ есть чувства, но нѣтъ воли. Въ нихъ страсть кипитъ, но разсудокъ вѣчно недоволенъ. Многіе для разсѣянія погружаются въ омутъ бурныхъ наслажденій; иные дѣлаются распутными; другіе картежниками; третьи жертвуютъ жизнью своею для вздора; нѣкоторые воображаютъ, что они вольнодумцы, либералы, потихоньку бра-

нятъ Правительство, проклинаютъ обстоятельства, будто бы имъ враждебныя. Но и съ другими обстоятельствами они были бы тѣ же, потому-что зло въ самомъ основаніи, въ самомъ корнѣ ихъ щедушнаго прозябанія. Жалкое поколѣніе! Бѣдная молодость! Плодъ испорченный еще въ цвѣтѣ! *Но такъ суждено свыше.* Въ каждомъ усовершенствованіи, въ каждомъ преобразованіи, должны быть жертвы. А *они попали среди борьбы прошедшаго съ настоящимъ, мрака со свѣтомъ.* Они исчезнутъ безъ слѣда, безъ сожалѣнія о непонятыхъ страданіяхъ; но ихъ страданія должны служить примѣромъ. На мрачномъ небосклонѣ стариннаго невѣжества давно мелькнула уже лучезарная точка — и съ каждымъ днемъ растетъ она и все становится ярче и ярче. Будутъ люди, которые обожгутся незнакомымъ имъ огнемъ; другіе, ослѣпленные сіяніемъ, останутся въ недоумѣніи между свѣтомъ и тьмой, или попадутъ на ошибочную дорогу. Но свѣтильникъ все приближается ближе и ближе, и настанетъ день, когда мракъ исчезнетъ совершенно— и вся земля озарится благодѣтельнымъ свѣтомъ.»

Первая половина этой выписки ясна и содержитъ правду. Она подкрѣпляетъ мысль, что Иванъ Васильевичь принадлежитъ къ разряду тѣхъ молодыхъ людей, которые по воспитанію своему, по образу жизни и по ихъ сужденіямъ только и хороши для остротъ сатиры. Такъ бы и надлежало провести героя по всѣмъ сценамъ расказа. Содержаніе со-

чиненія не раздвоилось бы; определенная и видимая всѣмъ цѣль была бы достигнута. Что же опять приходится намъ разгадывать во второй половинѣ выписки? Юная Русь, которую представляетъ въ лицѣ своемъ Иванъ Васильевичь, почти совсѣмъ невиновата въ тѣхъ глупостяхъ, которыя творитъ она; потому-что «такъ суждено свыше.» Оправданіе легкое, но никого не убѣждающее. Свыше опредѣлено существовать; а для мыслей, чувствованій и поступковъ мы получили разумъ и волю. Конечно воспитаніе, образованіе и обстоятельства жизни много дѣйствуютъ на душу нашу. Но все это не значить другими словами: *такъ суждено свыше.* Въ противномъ случаѣ и достоинства наши и недостатки утратятъ всякое значеніе. Мало того, что авторъ какою-то Исламскою философіею оправдываетъ Ивана Васильевича, онъ возвышаетъ и его и всю юную Русь какъ необходимую жертву, которой потребовала *борьба между прошедшимъ и настоящимъ, между мракомъ и свѣтомъ.* Замѣчательно, что прошедшее значитъ мракъ, а настоящее свѣтъ. Для полнаго объясненія идеи недостаетъ указанія черты, разграничивающей эти враждебныя стороны. У всякаго существа свой размѣръ времени. Даже едва ли найдется два человѣка, которые бы согласно рѣшили, гдѣ кончилось ихъ прошедшее, и откуда идетъ ихъ настоящее. Читатели видятъ, что я и для шутки не толкую буквально этихъ многозначительныхъ наименованій. Какъ же дойти до разгадки, отъ

которой зависитъ высочайшее открытіе, а именно: конецъ мрака и начало свѣта? Отстранивши всеобщихъ въ этомъ дѣлѣ руководителей — историковъ, съ открытія Америки начинающихъ новую, слѣдственно почти тоже, что настоящую исторію, а слѣдственно и исторію *свѣта* — можно бы обратиться къ ближайшему судьѣ: къ автору этой мысли. Онъ не захотѣлъ бы возразить, что для него нѣтъ прошедшаго, какъ будто бы онъ весь еще въ настоящемъ. И-такъ вышло бы, что конецъ его прошедшаго, по правильнѣйшему заключенію, долженъ быть началомъ *свѣта*. Только все это было бы похоже на шутку. Дѣло останется пока нерѣшеннымъ. Но, согласившись, что, въ преемничествѣ времени, улетающаго годъ за годомъ, нѣтъ ни однаго дня, который бы не приносилъ чего-нибудь лучшаго мыслящимъ существамъ, напрасно, несправедливо, суетно и смѣшно презирать намъ проходящее, которое мы же, за минуту, такъ искренно и праведно благословляли какъ новое, какъ настоящее.

Довольно объ Иванѣ Васильевичѣ. Читатели догадываются, что авторъ, не одобряя характера и поступковъ его, видитъ однако же въ немъ болѣе согласное съ порядкомъ дѣлъ созданіе эпохи, нежели существо, самобытно дошедшее до смѣшныхъ его правилъ. И-такъ сатира, при всей ея нѣжности, устремлена на современность.

VI.

Первый образецъ, какъ судятъ Иваны Васильевичи, помѣщенъ въ Главѣ III. А что же вы думаете писать въ своей тетради? спросилъ Василій Ивановичь своего товарища. «Все, что встрѣтится намъ дорогой истинно-любопытнаго, истинно-достойнаго вниманія. Все, что я *могу почерпнуть о Русскомъ народѣ и его преданіяхъ, о Русскомъ мужикѣ и о Русскомъ бояринѣ, которыхъ я люблю душевно*, точно такъ, какъ я *душевно ненавижу чиновника* и то уродливое безыменное сословіе, которое возникло у насъ отъ грязнаго притязанія на какое-то жалкое, непонятое, просвѣщеніе. — — Это не значитъ, что я ненавижу людей, служащихъ совѣстливо и благородно. Напротивъ того, *я ихъ уважаю отъ души.* Но я ненавижу тотъ жалкій типъ грубой необразованности, который встрѣчается *и между дворянами*, *и между мѣщанами*, *и между купцами*, и который я называю потому вовсе неточнымъ именемъ чиновника. — — Тѣ, которыхъ я такъ называю, за неимѣніемъ прочнаго основанія, придаютъ себѣ только наружность просвѣщенія, а въ самомъ дѣлѣ гораздо невѣжественнѣе самаго простаго мужика, котораго природа еще не испорчена. Потому-что въ нихъ нѣтъ ничего Русскаго, ни нрава, ни обычая; потому-что они своей трак-

тирной образованностью, своимъ самодовольнымъ невѣжествомъ, своимъ грязнымъ щегольствомъ не только останавливаютъ развитіе истиннаго просвѣщенія, но нерѣдко направляютъ его во вредную сторону. Это — созданіе уродливое, приросшее къ народной почвѣ, но совершенно чудное народной жизни. Взгляните на него. Куда дѣвались благородныя черты нашего народа? Онъ дуренъ собой, онъ грязенъ, онъ пьетъ запоемъ, а не въ праздники какъ мужикъ. Онъ-то беретъ взятки; онъ-то старается всѣхъ притѣснять, и въ тоже время дуется и гордится предъ простымъ народомъ тѣмъ, что онъ играетъ въ бильярдъ и ходитъ во фракѣ. Подобное племя — племя испорченное, переродившееся отъ прекраснаго начала. Посмотрите-ка на Русскаго мужика. Что можетъ быть его красивѣе и живописнѣе? Но, по предосудительному равнодушію, у насъ въ высшемъ кругу мало объ немъ заботятся, или смотрятъ на него, какъ на дикаря Алеутскихъ острововъ: а въ немъ-то и таится зародышъ Русскаго богатырскаго духа, начало нашего отечественнаго величія.— —Въ другихъ краяхъ, крестьянинъ, что ему ни показывай, все себѣ-будетъ землю пахать; а у насъ — вамъ только приказать стоитъ, и онъ сдѣлается музыкантомъ, мастеровымъ, механикомъ, живописцемъ, управителемъ, чѣмъ угодно— — И къ-тому жъ, въ какомъ народѣ найдете вы такое инстинктивное понятіе о своихъ обязанностяхъ, такую готовность помочь ближнему,

такую веселость, такое радушіе, такое смиреніе и такую силу? — — А мы гнушаемся его; мы смотримъ на него съ пренебреженіемъ, какъ на обрѣчную статью, и не только мы ничего не дѣлаемъ для его умственнаго усовершенствованія, но мы всячески стараемся его портить гнуснымъ устройствомъ дворни. *Дворовый не что иное, какъ первый шагъ къ чиновнику.* Дворовый обритъ, ходитъ въ длиннополомъ сюртукѣ домашняго сукна. Дворовый служитъ потѣхой праздной лѣни, и привыкаетъ къ тунеядству и разврату. Дворовый уже пьянствуетъ и воруетъ, и важничаетъ, и презираетъ мужика, который за него трудится и платитъ за него подушныя. Потомъ, при благополучныхъ обстоятельствахъ, дворовый вступаетъ въ конторщики, въ вольноотпущенные; приказный презираетъ и двороваго и мужика, и учится уже крючкотворству, и потихоньку отъ исправника подбираетъ себѣ куръ да гривенники. У него сюртукъ нанковый, волосы примазанные. Онъ обучается уже воровству систематическому. Потомъ приказный спускается еще на ступень ниже, дѣлается писцомъ, повытчикомъ, секретаремъ и наконецъ настоящимъ чиновникомъ. Тогда сфера его увеличивается; тогда получаетъ онъ другое бытіе; презираетъ и мужика, и двороваго, и приказнаго, потому-что они, изволите видѣть, люди необразованные. Онъ имѣетъ уже высшія потребности, и потому крадетъ уже ассигнаціями. Ему вѣдь надо пить Донское, курить табакъ Жукова,

играть въ банчикъ, ѣздить въ тарантасѣ, выписывать для жены чепцы съ серебряными колосьями и шелковыя платья. Для этаго онъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, вступаетъ на свое мѣсто, какъ купецъ вступаетъ въ лавку, и торгуетъ своимъ вліяніемъ, какъ товаромъ. Попадется иной, другой.... Ничто ему, говорятъ собратья. Бери, да умѣй!—— Разумѣется, не всѣ таковы: но исключенія не измѣняютъ правила.» Губернскіе чиновники, отвѣчалъ Василій Ивановичъ Ивану Васильевичу, избираются у насъ большею частію дворянствомъ. «То-то и грустно, продолжалъ Иванъ Васильевичъ. То, что въ другихъ краяхъ предметъ домогательства народнаго, у насъ представляется самимъ собой. Мы не должны, мы не можемъ смѣть жаловаться на Правительство, которое предоставило намъ самимъ выборъ своихъ уполномоченныхъ, для внутренняго распоряженія нашихъ дѣлъ. Грѣха таить нечего. *Во всемъ виноваты мы, мы, дворяне, мы, помѣщики*, которые шутимъ и смѣемся надъ тѣмъ, что должно бы было быть предметомъ глубокихъ размышленій. Въ каждой губерніи есть и теперь люди образованные, которые, при содѣйствіи законовъ, могли бы дать благодѣтельное направленіе цѣлой области; но всѣ они почти бѣгаютъ отъ выборовъ, какъ отъ чумы, предоставляя ихъ кознямъ и расчетамъ мелкихъ сплетниковъ и губернскихъ крикуновъ. Большіе же владѣтели, гуляя на Невскомъ проспектѣ, или загулявшись за границей, по-

чти никогда не заглядываютъ въ свои помѣстья. Выборы для нихъ каррикатура. Исправникъ, засѣдатель—каррикатуры, прекрасно выставленные въ Ревизорѣ. И они тѣшатся надъ ихъ лысинами, надъ ихъ брюхами, не думая, что они ввѣряютъ имъ не только свое настоящее благоденствіе и благоденствіе своихъ крестьянъ, но—что страшно вымолвить —и будущую свою судьбу. Да, если бъ мы не приняли этаго жалкаго направленія; если бъ мы не были такъ непростительно легкомысленны, какъ *хорошо было бы призваніе Русскаго дворянства*, которому предназначено было итти впереди и указывать цѣлому народу на путь истиннаго просвѣщенія. Повторяю: виноваты мы сами, мы, помѣщики, мы, дворяне. Русскіе бояре могли бы много принести пользы отечеству, а что они сдѣлали?—— *Попромотались на праздники, на театры, на любовницъ, на всякую дрянь.* Всѣ старинныя имена наши исчезаютъ. Гербы нашихъ княжескихъ домовъ развалились въ-прахъ, потому-что не на что ихъ возстановить—и Русское дворянство, зажиточное, радушное, хлѣбосольное, отдало родовыя свои вотчины оборотливымъ купцамъ, которые въ роскошныхъ палатахъ подѣлали фабрики. Гдѣ же наша аристократія? Василій Ивановичь, что думаете вы о нашихъ аристократахъ?»

Приготовясь почерпнуть изъ поѣздки что-нибудь касательно *Русскаго народа* и *его преданій*, ка-

сательно *Русскаго мужика* и *Русскаго боярина*, съ которыми путешественникъ, какъ мы видѣли и какъ онъ самъ подтверждаетъ, не могъ еще нигдѣ обстоятельно ознакомиться, Иванъ Васильевичь, достойный представитель, по сатирическому выраженію автора, юной Руси, поворачиваетъ въ противную сторону и осыпаетъ Василія Ивановича такими замѣчаніями и поученіями о каждомъ изъ этихъ предметовъ, что самъ становится его наставникомъ и судіею Россіи. Онъ торжественно объявляетъ, что ненавидитъ *чиновниковъ* (ихъ въ моду пустилъ Гоголь, а за нимъ бросились и всѣ новѣйшіе Русскіе нравоописатели). Объясненіе Ивана Васильевича, что̀ онъ разумѣетъ подъ этимъ названіемъ, очень оригинально. Въ заключеніи выходитъ, что каждое негодное лице, изъ какаго бы сословія оно ни было, есть чиновникъ. Дурныхъ людей позволительно презирать—и преслѣдованіе ихъ сатирою совсѣмъ не новость. Во всей Европѣ противъ негодяевъ вооружены всѣ благомыслящіе люди. Конечно, тамъ еще не подвели ихъ подъ общее названіе чиновниковъ. Да, кажется, и Иванъ Васильевичь былъ бы болѣе справедливъ, если бы объявилъ, что, любя Россію, онъ ненавидитъ въ ней однихъ безнравственныхъ, необразованныхъ, низкихъ людей. Я не вхожу въ изслѣдованіе, соблюдена ли путешественникомъ строгая справедливость въ подробностяхъ при сатирическихъ описаніяхъ, какъ мужики, слуги, мѣщане, купцы, подъячіе, дворяне, помѣщики превращают-

ся изъ первообраза своего въ чиновниковъ. Прямо Русскому человѣку не трудно самому замѣтить промахи, которые простительны Ивану Васильевичу какъ новичку въ отечествѣ. При томъ же авторъ, какъ сейчасъ будетъ видно, и тѣ мнѣнія Ивана Васильевича, которыя походятъ на правду, обращаетъ въ осмѣяніе суда его и приговора. Путешественникъ сперва сказалъ: *я душевно люблю Русскаго боярина и Русскаго мужика.* А послѣ, представивши во всей наготѣ картину злоупотребленій, происковъ и другихъ поступковъ, унижающихъ общественнаго человѣка, прибавляетъ: *во всемъ виноваты мы, мы, дворяне, мы, помѣщики*—и, повторивъ тѣми же словами укоризну на любимца своего, Русскаго боярина, дополняетъ характеристику его такъ: *промотались на праздники, на театры, на любовницъ, на всякую дрянь.* Отъ такой ласки не повеселѣешь. Логически же разбирая эту Главу, надобно вывести, что Иванъ Васильевичъ—или всѣ наши сословія безъ исключенія вводитъ въ разрядъ чиновниковъ, и слѣдственно не отъ души сказалъ, что любитъ однихъ бояръ и однихъ мужиковъ; или онъ, по пристрастію, боярамъ и мужикамъ прощаетъ то, чего не хочетъ простить прочимъ сословіямъ; или наконецъ онъ еще и самъ не утвердился, на что излить свою любовь въ отечествѣ.

VII.

Въ описаніи станціи—предмета, уже исчерпан-

наго нашими молодыми авторами, особенно послѣ повѣсти Пушкина: *Станціонный Смотритель*, этаго геніально-трогательнаго созданія—забавнѣе всего анекдотъ, какъ одинъ генералъ проучилъ негодяевъ-мужиковъ, которые, обрадовавшись, что не было почтовыхъ лошадей, хотѣли за вольныхъ въ-тридорога взять съ проѣзжавшаго. Черта эта, внесенная въ описаніе простаго народа станціоннымъ смотрителемъ, должна непріятно подѣйствовать на Ивана Васильевича, который за нѣсколько минутъ увѣрялъ Василія Ивановича, что наши мужики отличаются *инстинктивнымъ понятіемъ о своихъ обязанностяхъ, готовностію помочь ближнему, веселостію, радушіемъ, смиреніемъ и силою* (стран. 30). Еще болѣе разочаровала бы путешественника одна картина изъ крестьянскаго быта, вставленная авторомъ въ общее изображеніе станціи, если бы не принадлежала она видимо къ числу заграничныхъ расказовъ, къ счастію не основывающихся на событіяхъ въ Россіи. «У самаго подъѣзда (говорится на 30 стран.) толпились, прибѣжавъ съ разныхъ сторонъ, безобразные нищіе, безногіе, нѣмые, слѣпые, съ высохшими руками, съ отвратительными ранами, въ лохмотьяхъ, съ всклокоченными бородами. Тутъ были и пьяныя старухи, и блѣдныя женщины, и дѣти въ однѣхъ рубашенкахъ, вынувшія руки изъ рукавовъ и скрестившія ихъ на груди отъ холода. Грустно было слышать ихъ притворный, выученный голосъ среди мычанья, моленья и вза-

имной брани уродливой толпы, которая, толкая другъ друга, съ жадностію бросилась къ тарантасу, выказывая раны и протягивая руки.» Какъ на зло Ивану Васильевичу, опять слѣдуетъ встрѣча съ мужиками, которые, принимая разные виды, стараются истребить въ его сердцѣ всю нѣжную любовь, какую до сихъ поръ питалъ онъ къ нимъ наравнѣ какъ и къ боярамъ. Дѣйствіе происходитъ въ гостинницѣ. Но я не буду повторять за путешественникомъ, какъ все его тревожило и мучило у этихъ *умныхъ и честныхъ хозяевъ*. Гораздо занимательнѣе познакомить читателей съ идеальною гостинницею, какую строитъ въ воображеніи Иванъ Васильевичь. Вотъ гдѣ сливается чистый патріотизмъ съ образованностію Европы. «Я увѣренъ (говоритъ онъ на стран. 56), что гостинница моя была бы хороша, потому-что я старался бы *соединить съ первобытнымъ характеромъ Русскаго жилья всѣ потребности уюта и мелочной опрятности*, безъ которыхъ просвѣщенный человѣкъ теперь жить не можетъ. Во-первыхъ, всѣ эти испитые, ободранные, пьяные половые, жалкое отродіе дворовыхъ, будутъ изгнаны безъ милосердія, и замѣнятся услужливыми парнями, на хорошемъ жалованьѣ и подъ строгимъ надзоромъ. Внутри комнатъ стѣны будутъ у меня дубовыя, лакированныя, съ рѣзными украшеніями. На полу будутъ Персидскіе ковры, а кругомъ стѣнъ мягкіе диваны. Да, очень не худо, знаете, вотъ этакъ противъ кровати устроить боль-

шой Восточный диванъ. Я очень люблю мягкіе диваны. Вообще я думаю, что устройство комнатъ нашихъ предковъ имѣло много сходства съ устройствомъ комнатъ на Востокѣ.» Не мудрено замѣнить половыхъ услужливыми парнями, тѣмъ болѣе, что это одно и тоже; да вѣрны ли доходы хозяина для хорошаго имъ жалованья? и какъ предохранить ихъ отъ пороковъ посреди ежеминутнаго прилива людей всѣхъ состояній, всѣхъ характеровъ и съ различными требованіями? Дубъ, лакъ и рѣзьба очень хороши сами по себѣ; только не замѣнятъ они ни опрятности, ни честности, ни смышлености содержателей гостинницъ. А Персидскіе ковры и мягкіе диваны, даже въ частныхъ домахъ, только снабжая ихъ съ избыткомъ пылью и молью, ничего не прибавляютъ къ существеннымъ, необходимымъ удобствамъ проѣзжаго.

Авторъ видимо съ наслажденіемъ тѣшится легкокрылою мечтательностію Ивана Васильевича и передаетъ ея плоды въ урокъ другимъ путешественникамъ, которыхъ готовитъ намъ услужливая Европа. Такъ заставляетъ онъ его (на стран. 128) двумя словами рѣшить: что всего замѣчательнѣе за границей и у насъ въ Россіи? Тамъ — *прошедшее*, а здѣсь — *будущее*. Эти фразы, модныя, но произвольныя и противорѣчащія здравому смыслу, часто попадаются въ книгахъ и слышатся въ разговорахъ. Прошедшее относится къ будущему какъ

исторія къ роману, какъ дѣйствительность къ сновидѣнію. Важность, польза, цѣнность, достоинство прошедшаго умному и мыслящему человѣку открыты и несомнѣнны столько же въ событіяхъ заграничныхъ государствъ, сколько и въ событіяхъ Россіи. Надобно только умѣть проникнуться ими не по образцу Ивановъ Васильевичей. Будущее есть тайна. Увѣрять, что оно открыто намъ, значитъ и себя и другихъ обманывать. Если вѣра въ лучшее *будущее* зараждается отъ созерцанія *настоящаго*; то еще разъ открывается, что здѣсь авторъ только смѣется надъ умничаньемъ Ивана Васильевича, который самъ недавно произнесъ о чужихъ краяхъ и Россіи слѣдующія слова. «Долго желалъ я погулять на Западѣ, подышать воздухомъ Юга, поглядѣть на мудрыхъ людей нашего вѣка, взглянуть поближе на Европейское просвѣщеніе, на современную славу, на все, чѣмъ шумятъ и хвастаютъ люди. И вотъ пошатался я по Европѣ, видѣлъ много трактировъ, и пароходовъ, и желѣзныхъ дорогъ, осмотрѣлъ многія скучныя коллекціи, и нигдѣ не находилъ тѣхъ живыхъ впечатлѣній, которыхъ надѣялся. Въ Германіи удивила меня глупость ученыхъ; въ Италіи страдалъ я отъ холода; во Франціи опротивѣла мнѣ безнравственность и нечистота. Вездѣ нашелъ я подлую алчность къ деньгамъ, грубое самодовольствіе, всѣ признаки испорченности и смѣшныя притязанія на совершенство (стран. 88). Европу губитъ духъ самонадѣянности, алчно-

сти и гордости; духъ сомнѣнія и невѣрія, съ которыми движеніе впередъ дѣлается невозможнымъ; духъ раздора и безпокойства, который все уничтожаетъ. Остережемся надменности Германской, Англійскаго эгоизма, Французскаго разврата и Итальянской лѣни (стран. 127). И по неволѣ полюбилъ я тогда Россію и рѣшился посвятить остатокъ дней на познаніе своей родины. И похвально бы, кажется, и нетрудно. Только теперь вотъ вопросъ: какъ ее узнаешь? Хватился я сперва за древности — древностей нѣтъ. Думалъ изучать губернскія общества — губернскихъ обществъ нѣтъ. Всѣ они, какъ говорятъ, форменныя. Столичная жизнь — жизнь не-Русская, и перенявшая у Европы и мелочное образованіе и крупные пороки. Гдѣ же искать Россію? Можетъ быть, въ простомъ народѣ, въ простомъ вседневномъ быту Русской жизни? Но вотъ я ѣду четвертый день, и слушаю и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь — и, хоть что хочешь дѣлай, ничего отмѣтить и записать не могу. Окрестность мертвая; земли, земли, земли столько, что глаза устаютъ смотрѣть; дорога скверная; по дорогѣ идутъ обозы; мужики ругаются. Вотъ и все... а тамъ: то смотритель пьянъ, то тараканы по стѣнѣ ползаютъ, то щи сальными свѣчами пахнутъ. Ну, можно ли порядочному человѣку заниматься подобною дрянью? И всего безотраднѣе то, что на всемъ огромномъ пространствѣ господствуетъ какое-то ужасное однообразіе, которое утомляетъ до чрез-

вычайности и отдохнуть не даетъ. Нѣтъ ничего новаго, неожиданнаго. Все тоже да тоже... и завтра будетъ какъ нынче. Здѣсь станція; тамъ опять та же станція; а тамъ еще та же станція; здѣсь староста, который проситъ на водку; а тамъ опять до безконечности все старосты, которые просятъ на водку... что же я стану писать? Теперь я понимаю Василія Ивановича. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ правъ, когда увѣрялъ, что мы не путешествуемъ, и что въ Россіи путешествовать невозможно. Мы просто ѣдемъ въ Мордасы. Пропали мои впечатлѣнія (стран. 88).» Такъ *настоящее* отвратительно за границей и у насъ. Слѣдственно и *будущее* одинаково для насъ и для нихъ.

VIII.

Какихъ началъ преимущественно держится нашъ путешественникъ въ сужденіяхъ своихъ о Россіи и заграничныхъ государствахъ: предпочитаетъ ли онъ *въ душѣ* свое хорошее хорошему чужому, или безпристрастно вездѣ беретъ сторону только истины, оставаясь впрочемъ наружно — по особенной цѣли автора, какъ мишень сатиры — всегда судьею поверхностнымъ, ограниченнымъ и перемѣнчивымъ? Составивши самый полный сводъ его приговоровъ разнымъ предметамъ у насъ и за границею, въ отвѣтъ придется сказать, что Иванъ Ва-

сильевичь непостижимъ: языкъ и умъ его точно огонь, который то освѣщаетъ и скрашиваетъ предметы, то обхватываетъ ихъ и истребляетъ; а глубина души его — неоткровенная бездна, куда глазъ не можетъ проникнуть, а проникнувъ ничего не увидитъ. Сейчасъ навелъ онъ на читателей невольную унылость мрачными красками, покрывши ими и чужестранцевъ и Русскихъ. Но я мгновенно опять развеселю ихъ словами же Ивана Васильевача. «Взгляните на народъ, населяющій эту землю (Россію), народъ правдивый, веселый, умный, духа непоколебимаго и силы исполинской — и вамъ станетъ легко на душѣ, и вы порадуетесь судьбѣ великой земли. Но лучшій залогъ, лучшій признакъ настоящаго и будущаго величія Россіи, это могучее ея смиреніе. У насъ нѣтъ, какъ за границей, ни пустыхъ возгласовъ, ни вздорнаго шума изъ пустяковъ, потому-что мы другъ передъ другомъ не должны надуваться, чтобы придать себѣ важности. Въ насъ спокойствіе и сознаніе силы, отъ того мы не только иногда кажемся равнодушными къ родинѣ, но какъ будто *совѣстимся передъ Европой и хотимъ извиниться въ своихъ преимуществахъ*». Объясняя Василью Ивановичу, какимъ образомъ иностранныя державы со-временемъ помогутъ намъ сдѣлаться похожими на порядочныхъ гражданъ, онъ говоритъ:» Германія передастъ намъ свою семейственность, Франція свою пытливость въ наукахъ, Англія свои торговыя познанія и чувство государ-

ственныхъ обязанностей, Италія даже перенесетъ на морозную нашу почву свои божественныя искуства. Мы должны *перенять изъ-за границы* чувство гражданственности, гражданской обязанности, котораго у насъ нѣтъ. Мы привыкли сваливать все на Правительство, забывая, что ему нужны орудія. Мы служимъ не по убѣжденію, не по долгу, а для выгодъ тщеславія — и хоть мы любимъ свою родину, но любимъ ее какъ-то молодо, неразсудительно-горячо. Общее благо у насъ пустое имя, котораго мы даже не понимаемъ. Съ чувствомъ гражданственности получимъ мы стремленіе къ вещественному и умственному усовершенствованію, поймемъ всю святость прочнаго воспитанія, всю высокую пользу наукъ и художествъ, все, что улучшаетъ и облагороживаетъ человѣка (стран. 127).» Двѣ предыдущія картины чуднаго совершенства, повсюду усматриваемаго Иваномъ Васильевичемъ въ *нынѣшней* Россіи и въ *нынѣшней* Европѣ, опять заставляютъ насъ ему донести, что по-этому *будущее* ихъ все-таки одинаково же.

Все это подтверждаетъ, какъ мудрено изучить Ивана Васильевича. Можно только замѣтить, что всѣхъ формъ приговоровъ его четыре: 1) иногда онъ хвалитъ вмѣстѣ и Россію и Европу; 2) иногда онъ Россію хвалитъ, а Европу бранитъ; 3) иногда онъ бранитъ Россію, а хвалитъ Европу; 4) иногда онъ бранитъ и Россію и Европу вмѣстѣ. Если бы,

при изданіи Тарантаса, каждая изъ этихъ формъ отличена была особенными литерами; то трудъ читателей въ прінсканіи, смотря по надобности, желаемыхъ мѣстъ облегчился бы значительно. Книги легкія, по содержанію разнообразныя и шутливыя, приправленныя сатирою какъ Тарантасъ, обыкновенно становятся въ публикѣ чтеніемъ всеобщимъ. По-этому нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы здѣсь кому-нибудь понадобилось доискиваться основныхъ началъ, повѣрять ихъ истину и незыблемость, входить въ направленіе и слѣдовать за нимъ. Но пріятно острую фразу повторить кстати и, такъ сказать, блеснуть современнымъ знаніемъ. На подобные случаи были бы подаркомъ очевидные оттѣнки рѣчей новаго героя.

IX.

Графъ В. А. Соллогубъ ввелъ въ сочиненіе свое нѣсколько эпизодическихъ лицъ. По общему плану книги и они должны согласоваться съ главными лицами. Въ ихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ надобно искать развѣтвленія того сатирическаго основанія, на которомъ утверждено все ученіе автора. Это единство и сохранено въ бо̀льшей части явленій. Но есть лице, странно отдѣлившееся отъ родоваго сходства. Оно, удерживая при себѣ только языкъ и тонъ общей сатиры, раскрываетъ въ сущности рѣчей сво-

ихъ такія истины, надъ которыми читателямъ шутить становится неохотно. Это лице въ своихъ бѣглыхъ очеркахъ набрасываетъ столько натуры, вѣрности и ужасающей выразительности, что не понимаешь, для чего оно шутитъ — для того ли, чтобы насъ колоть, или смѣшить *до слезъ*. Это лице Ѳедя. Расказъ его занимаетъ VII Главу, подъ названіемъ *простой и глупой исторіи*. Тутъ содержится нѣсколько сценъ изъ жизни молодаго человѣка и его супруги — лицъ высшаго общества. Дѣйствіе происходитъ сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ. Вотъ какъ женился Ѳедя (стран. 76).

«Въ Петербургѣ прекрасныя дѣвушки. Взглянуть на нихъ — заглядѣнье. Волосы ихъ такъ гладко причесаны; таліи у нихъ такія пышныя; а танцуютъ онѣ такъ мило и такъ много, что нельзя въ нихъ не влюбиться. Я и влюбился. Вальсомъ началась моя любовь; мазуркой рѣшилась моя свадьба. Невѣста моя была дочь богатаго человѣка, который давалъ удивительные обѣды и каждый вечеръ игралъ въ вистъ, въ такъ называемую большую партію. Я готовился быть счастливымъ. Но въ Петербургѣ, братецъ, свадьба—половина банкрутства. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, я думаю, обыкновенія, приступая къ счастію, заблаговременно его испортить, и, готовясь къ покою, заранѣе уничтожить возможность быть спокойнымъ. Въ Петербургѣ же— такой обычай, такой законъ. Какъ бы ни былъ

глупъ общій примѣръ, надо слѣдовать общему примѣру. У насъ для всего созданы условныя правила, необходимыя, какъ визиты и шляпочные поклоны. Такимъ образомъ и женихъ обязывается къ самому смѣшному мотовству, какое бы ни было его состояніе — и тутъ-то пожива Славянскому размаху. Во-первыхъ жениху предстоятъ непремѣнные подарки: портретъ, писанный Соколовымъ, браслетъ пышный, браслетъ чувствительный, Турецкая шаль, брильянтовыя украшенія и несмѣтное число всякой блестящей дряни изъ Англійскаго магазина. Потомъ женихъ обязанъ отдѣлать за-ново чужой домъ, обставить комнаты растеніями, взятыми напрокатъ, завести щегольскіе экипажи съ красивыми лошадьми и сверкающими сбруями. Онъ одѣваетъ двухъ огромныхъ лакеевъ въ ливреи съ гербовыми позументами, заготовляетъ сервизы, бронзы, фарфоры, готовится давать обѣды — и, только женившись, замѣчаетъ, что именно-то обѣдать и нечѣмъ. Отецъ невѣсты, съ своей стороны, отдѣлываетъ на славу спальню, какъ бы давая примѣръ жениху въ сумасбродствѣ, какъ бы заботясь гораздо болѣе о пышномъ убранствѣ нанятыхъ стѣнъ, чѣмъ о счастіи и спокойствіи своей дочери. Сверхъ того онъ наполняетъ множество шкаповъ и сундуковъ разнымъ тряпьемъ и хламомъ, которое, подъ названіемъ приданаго, уноситъ цѣлый капиталъ, и наконецъ, на другой день послѣ свадьбы, даритъ новобрачнаго своимъ полнымъ довѣріемъ. Онъ при-

знается съ полной откровенностію, что Петербургская жизнь дорога до чрезвычайности; что поваръ его разоряетъ; что въ вистъ играетъ онъ несчастливо, и въ заключеніе объявляетъ, что надо ожидать его смерти для полученія обѣщанныхъ доходовъ. Немного сконфуженный такимъ страннымъ ожиданіемъ и такой пріятной новостью, зять съ своей стороны сознается въ плачевномъ положеніи своихъ дѣлъ, и потомъ, черезъ нѣсколько дней, онъ ссорится навѣкъ съ новымъ своимъ семействомъ.

«Такъ и со мной было. Я хотѣлъ уѣхать въ деревню. Жена не захотѣла. Она не такъ была воспитана. Она привыкла и по Невскому гулять, и на балы, и въ театръ ѣздить. Нечего было дѣлать. Тутъ, братецъ, началась для меня настоящая каторга. Въ жизни сверхъ состоянія бываютъ ужасныя минуты. Иногда жена, разряженная, любезничаетъ въ ложѣ съ франтами, а дома дровъ нѣтъ. Иногда гости назвались къ обѣду, а поваръ не ставитъ болѣе въ домъ провизіи, и грубитъ тебѣ еще въ добавокъ, и ты не смѣешь его выгнать, потому-что ты ему кругомъ задолжалъ. Страшно сказать, братецъ, а въ настоящемъ модномъ Петербургскомъ образѣ жизни не только нельзя сохранить свое достоинство, но едва ли можно остаться, въ строгомъ смыслѣ слова, честнымъ человѣкомъ. Прежде всего, и во что бы ни стало, нужны деньги, а деньги употребляются на вздоръ. Вечеромъ ты танцу-

ешь, а утромъ у тебя толпятся такъ называемые гости кабинетные, лихоимцы, афферисты, заимодавцы. Ты закладываешь, продаешь, занимаешь; даешь векселя и расписки; ты отдаешь и брильянты, и серебро, и Турецкую шаль, и лошадей своихъ; ты проклинаешь жизнь; ты близокъ къ отчаянію. Есть минуты, гдѣ ты готовъ застрѣлиться. И со всѣмъ тѣмъ, ты затянутъ, раздушенъ, завитъ; ты кланяешься и шаркаешь, и отдаешь визиты, и къ-тому же можешь быть увѣренъ, что никто рѣшительно тебя не любитъ и всѣ надъ тобой смѣются.»

Вся такъ названная *простая и глупая исторія* ведена съ подобною истиною и возрастающею занимательностію. Въ ней Москва еще любопытнѣе Петербурга. Здѣсь еще все представлено подъ лакомъ свѣтскихъ приличій; а тамъ уже дѣло пошло, какъ оно бываетъ между короткими пріятелями, въ своемъ кругу, безъ чужихъ свидѣтелей. Если бы весь Тарантасъ обдуманъ былъ такъ, какъ событія Ѳеди, то книга Графа В. А. Соллогуба самою шутливостію своею пробудила бы въ насъ много серьёзныхъ размышленій.

X.

Въ послѣдней Главѣ Тарантаса описано сновидѣніе Ивана Васильевича. Ему приснилось, будто—

«Огромный медвѣдь сидѣлъ скорчившись на камнѣ и игралъ плясовую на балалайкѣ. Вокругъ него уродливыя рожи выплясывали въ-присядку со свистомъ и хохотомъ какаго-то отвратительнаго трепака. Гадко и страшно было глядѣть на нихъ. Что за лики! что за образы! Кочерги въ виц-мундирахъ, летучія мыши въ очкахъ, разряженные въ пухъ франты съ визитной карточкой вмѣсто лица подъ шляпой, надѣтой на-бекрень, маленькія дѣти съ огромными изсохшими черепами на младенческихъ плечикахъ, женщины съ усами и въ ботфортахъ, пьяныя піявки въ длинныхъ сюртукахъ, напудренныя обезьяны во Французскихъ кафтанахъ, бумажные змѣи съ шитыми воротниками и тоненькими шпагами, ослы съ бородами, метлы въ переплетахъ, азбуки на костыляхъ, избы на куриныхъ ножкахъ, собаки съ крыльями, поросята, лягушки, крысы... все это прыгало, вертѣлось, скакало, визжало, свистало, смѣялось, ревѣло» — словомъ: по этой части сновидѣнія надобно предположить, что Иванъ Васильевичь накапунѣ прочиталъ всю V Главу *Евгенія Онѣгина*, и тѣмъ взволновалъ свое воображеніе.

Другая половина сновидѣнія его, очень длинная, не только не страшна, но и заманчива.... Читатели, какимъ-то волшебствомъ, въ Россіи, встрѣчаютъ около себя картины Западной Европы, не той, которую прежде частенько побранивалъ Иванъ Васильевичь, а которую онъ хвалилъ. Этотъ пере-

ходъ начинается съ метоморфоза тройки. Уже не клячи, а «ретивая тройка (точно у Гоголя въ *Мертвыхъ Душахъ*) впряглась въ тарантасъ. Ямщикъ весело прикрикнулъ — и Иванъ Васильевичъ поскакалъ съ такой неимовѣрной быстротой, какъ ему никогда еще не случалось, даже когда онъ разъѣзжалъ въ-старину съ курьерской подорожной по казенной надобности. Тарантасъ мчался все впередъ безъ остановки по гладкой какъ зеркало дорогѣ. Онъ не былъ такимъ неуклюжимымъ и растрепаннымъ, какъ знавалъ его Иванъ Васильевичъ, а приглаженнымъ, лакированнымъ, стройнымъ— словомъ: совершеннымъ молодцомъ. Коробочки и веревочки исчезли. Рогожъ и кульковъ какъ бы не бывало. Мѣсто ихъ занимали небольшіе сундуки, обтянутые кожей и плотно привинченные къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ. — — По обѣимъ сторонамъ дороги возвышались красивыя строенія съ желѣзными крышами, съ кирпичными стѣнами, съ пестрыми израсцовыми наличниками у оконъ, съ точеными перилами и украшеніями. На широкихъ дубовыхъ воротахъ прибиты были вывѣски, означающія, что въ *длинные зимніе дни* (NB: значитъ и эклиптика перемѣнила направленіе свое) хозяинъ дома не занимался пьянствомъ, не валялся праздный на лежанкѣ, а приносилъ пользу братьямъ выгоднымъ ремесломъ. — — Для дряхлыхъ безпріютныхъ стариковъ были устроены у Церкви богадельни, и тутъ же пріюты для призрѣнія малолѣтныхъ дѣтей во

время занятій отцовъ и матерей полевыми работами. Къ пріютамъ примыкали больницы и школы... школы для всѣхъ дѣтей безъ исключенія. У дверей, обсаженныхъ деревьями, рѣзвились пестрыя толпы ребятишекъ — и въ непринужденномъ ихъ веселіи видно было, что часы труда не промчались даромъ, что они постоянно и терпѣливо готовились къ полезной жизни, къ честному имени, къ похвальному труду... и сельскій Пастырь, сидя подъ ракитой, съ любовью глядѣлъ на дѣтскія игры. — — Въ городахъ улицы не стояли печальными пустынями, а кипѣли движеніемъ и народомъ. Не было нигдѣ заборовъ вмѣсто домовъ, домовъ съ плачевной наружностью, разбитыми стеклами и оборванной челядью у воротъ. Не было развалинъ, растрескавшихся стѣнъ, грязныхъ лавочекъ. Напротивъ того, домà, дружно тѣснясь одинъ къ другому, весело сіяли чистотой... окна блестѣли какъ зеркала, и тщательно отдѣланныя украшенія придавали красивымъ фасадамъ какую-то Славянскую, народную, оригинальную наружность. И по этой наружности не трудно было заключить, въ какомъ порядкѣ, въ какомъ духѣ текла жизнь горожанъ — безчисленное множество вывѣсокъ означало со всѣхъ сторонъ торговую дѣятельность края... Огромныя гостинницы манили путешественниковъ въ свои чистые покои, а надъ золотыми куполами звучные колокола гудѣли благословеніемъ надъ братской семьей Православныхъ. И вотъ блеснулъ передъ Иваномъ Василье-

вичемъ цѣлый соборъ сверкающихъ куполовъ, цѣлый край дворцовъ и строеній. Москва! Москва! закричалъ Иванъ Васильевичь... и въ эту минуту тарантасъ исчезъ, какъ бы провалился сквозь землю, и Иванъ Васильевичь очутился на Тверскомъ бульварѣ. — — По сторонамъ его красовались дворцы такой легкой, такой прекрасной архитектуры, что ужъ при одномъ взглядѣ на нихъ душа наполнялась благородной любовью къ изящному, отраднымъ чувствомъ гармоніи. Каждый домъ казался храмомъ искуства, а не чванной выставкой безтолковой роскоши. Италія! Италія! не уже ли мы тебя перещеголяли? воскликнулъ Иванъ Васильевичь».

Въ эту минуту встрѣтился ему знакомый, который, въ дополненіе уже описанныхъ чудныхъ перемѣнъ, совершившихся въ Россіи, прибавилъ множество поясненій и разныхъ извѣстій. Графъ В. А. Соллогубъ, къ сожалѣнію, не досказалъ, каково стало на сердцѣ у Ивана Васильевича, когда онъ, съ восторгомъ слушая знакомаго, вдругъ узналъ отъ него, что впрочемъ по избамъ еще все читаютъ только *Сѣверную Пчелу* да *Отечественныя Записки* (стран. 281). Не пришелъ ли ему тогда на мысль старинный стихъ:

«И Стерна новаго какъ диво величаютъ?»

XI.

И–такъ сатира кончилась идеаломъ. Въ первой, какъ мы видѣли, есть неопредѣленность, разъединеніе, а часто и противорѣчіе цѣли. Это оправдывается двойственностію содержанія: надобно было схватить все смѣшное и въ самихъ Иванахъ Васильевичахъ и въ тѣхъ предметахъ, о которыхъ обыкновенно они разсуждаютъ. Идеалъ лишенъ главнаго своего достоинства — красоты, раждающей сочувствіе въ зрителѣ. Подобная красота безъ лоску и чопорности, безъ фразъ и ужимокъ, безъ обстановки и эффектности. Она созидается по законамъ, царствующимъ въ прекрасной природѣ, гдѣ простота, правда, легкость и оживленіе. Я назвалъ нѣсколько сатирическихъ сочиненій, извѣстныхъ въ Русской Словесности. Изъ нихъ большая часть принадлежитъ прошедшему, т. е. періоду мрака, по мнѣнію автора новой сатиры. Но въ нихъ, сравнительно съ сатирою, сочиненною въ эпоху *настоящаго*, т. е. въ эпоху *свѣта*, больше и основательности мыслей, и вѣрности картинъ, и той поэтической энергіи, которая подчиняетъ читателей ученію сатирика. Въ Тарантасѣ вполнѣ удовлетворено одно требованіе — современность вопросовъ. Онъ еще много выигрываетъ сліяніемъ повѣствовательной формы своей съ драматическою. Планъ

этой сатиры необыкновенно счастливъ. Ему авторъ обязанъ, что могъ сообщить пріятное разнообразіе сочиненію и включить въ него множество предметовъ, не прерывая занимательности цѣлаго и не разрушая единства. То, что всего важнѣе въ книгѣ — присутствіе таланта, чудотворная сила, приводящая предметы въ движеніе и облекающая ихъ признаками дѣйствительной жизни, влагающая въ слова одушевленіе, точность и всѣ принадлежности невымышленной рѣчи — этаго нельзя не чувствовать въ новомъ сочиненіи Графа В. А. Соллогуба.

Но онъ, въ отношеніи къ первымъ своимъ успѣхамъ, немного для себя выигралъ Тарантасомъ. Я сказалъ выше, что, въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, Графъ В. А. Соллогубъ не остановился на пути къ совершенствованію своего искуства. Это правда. Только онъ замѣтно пошелъ въ-сторону. Даже можно сказать, что онъ уклоняется отъ той цѣли, которая назначена ему призваніемъ. Наблюдатель остроумный свѣтскихъ обществъ, не на словахъ, а въ сердцѣ чувствующій красоту нравственную и эстетическую, раскащикъ свободный и занимательный, насмѣшникъ благовоспитанный, но колкій, онъ могъ со-временемъ образовать свою школу въ нашей литературѣ. Ему надобно было обильнѣе вносить въ мастерскую души своей эти неистощимые въ обществѣ матеріалы, которые художникъ не перестаетъ ежедневно обработывать. Между-тѣмъ,

подобно прочимъ молодымъ Русскимъ писателямъ, Графъ В. А. Соллогубъ соблазнился школою Гоголя. Онъ поминутно напоминаетъ въ Тарантасѣ и ея пріемы, и ея постановку, и ея краски, и ея слогъ.

Геніальный писатель вездѣ и всегда раждаетъ подражателей. Карамзинъ, Жуковскій и Пушкинъ являлись въ разныхъ видахъ у своихъ современниковъ. Ни отвратить, ни измѣнить явленія школы нельзя. Можно однако же замѣтить, что всего менѣе надобно желать распространенія школы Гоголя. Подражатели ложно понимаютъ идею его творчества. Онъ въ высшей степени художникъ. Геній его возсозидаетъ одни произведенія натуры. Онъ, въ выводимомъ лицѣ, не обобщаетъ разнородныхъ явленій изъ жизни другихъ, похожихъ на него лицъ, какъ это бываетъ обыкновенно у тѣхъ писателей, которые сочиняютъ такъ называемыя типическія лица. Хлестаковъ, Чичиковъ и весь длинный рядъ выставленныхъ Гоголемъ героевъ — не типы, но индивидуалы, такъ-что каждая черта ихъ характера есть въ нѣкоторомъ смыслѣ черта біографическая, а не родовая, т. е. общая многимъ лицамъ однаго сословія, или однаго времени, или одной націи. Индивидуальная черта видимо покажется ложью, если кто-нибудь перенесетъ ее въ другой характеръ для дополненія его. Отъ того комическое, смѣшное, даже унизительное въ поступкахъ Гоголевскихъ лицъ ни сколько не оскорбляетъ ни сословія ихъ, ни современности, а

еще менѣе націи. Подражатели Гоголя, или не оттѣнивши въ немъ этой особенности, или не владѣя талантомъ, чтобы сохранить столь тонкія черты въ своихъ произведеніяхъ, начали смѣшивать у себя въ сочиненіяхъ то, что натурою и геніемъ раздѣлено прекрасно. Но какъ и мыслію о національной нашей славѣ изображенія Гоголя проникнуты повсемѣстно; то у подражателей его, обыкновенно грубѣе принимающихся за дѣло и по-своему начавшихъ высказывать патріотизмъ, вышло теперь что-то явно себѣ противорѣчащее. Они пестрятъ свои расказы, повѣсти, романы и другія сочиненія возгласами во славу Россіи; а герои ихъ, а расказы ихъ, а описанія ихъ, заключающія не художнически-частное, а типически-общее, заставляютъ смѣяться надъ тѣмъ, или сожалѣть о томъ, или даже презирать то, что̀ бы сочинителямъ хотѣлось заставить полюбить.

Общее впечатлѣніе, оставляемое Тарантасомъ въ душѣ читателя, при всей неопредѣленности сатиры, болѣе походитъ на грусть, нежели на эстетическое удовольствіе. Причина заключается въ томъ, что я сейчасъ старался изъяснить выше.

Плетневъ.

20 Апрѣля, 1845 г.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

39. *Слова и Рѣчи* Синодальнаго Члена *Филарета*, Митрополита Московскаго. Три части. Въ 8; 547, 559 и 579 стран. Моск.

«Аще бо благовѣствую, нѣсть ми похвалы, нужда бо ми належитъ: горе бо мнѣ есть, аще не благовѣствую». Эти слова Апостола Павла проповѣдникъ нашъ взялъ въ эпиграфъ къ собранію ораторскихъ сочиненій своихъ. Можно сказать, что эпиграфъ выразилъ исторію его жизни и характеристику его проповѣдей. Онѣ всѣ являются знаменіями пастырской дѣятельности его. Онъ не провожалъ событій Церкви и Отечества безъ сердечнаго въ нихъ участія, которое дѣлилось теплотою и силою убѣжденій своихъ съ его паствою, которое запечатлѣло слова и мысли единствомъ правды, глубины и мудрости. Первая часть собранія содержитъ въ себѣ проповѣди на праздники Господни, на Воскресные и Богоро-

дичные дни. Во второй части помѣщены проповѣди, говоренныя въ праздники Святыхъ, при освященіи Храмовъ и во время губительной болѣзни. Третью часть составляютъ проповѣди на Царскіе дни, на разныя случаи, проповѣди надгробныя; бесѣды о разныхъ изреченіяхъ св. Писанія и о разныхъ предметахъ ученія Христіанскаго; наконецъ рѣчи.

40. *Московскій Кремль въ натурѣ*, или модель Кремля. Вырѣзанныя бумажныя изображенія Соборовъ, Церквей, зданій и всѣхъ достопримѣчательностей Кремля, разставленныя по приложенному плану; съ присоединеніемъ книги, въ которой находится описаніе сихъ изображеній. Моск.

Хотя въ исполненіи предпріятія есть что-то игрушечное, однако самый предметъ для каждаго изъ Русскихъ такъ занимателенъ и близокъ къ сердцу, что съ истиннымъ удовольствіемъ не только дѣти, но и большіе станутъ любоваться на эти изображенія. Приложенная къ нимъ книжка особенно тѣмъ хороша, что, сверхъ описанія главнаго предмета, содержитъ въ себѣ постепенное изложеніе судьбы Русскаго народа, для котораго Кремль хранитъ столь высокое значеніе.

41. *Московская Оружейная Палата*. Въ 8: 171 и 72 стран. Моск.

Предметы, сохраняющіеся въ Московской Оружейной Палатѣ, составляютъ какъ бы осязательную исторію древней Россіи. Ихъ число восходитъ до десяти тысячь. Нынѣ предпринято издать изображенія замѣчательнѣйшихъ изъ этихъ драгоцѣнныхъ рѣдкостей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и описаніе ихъ. Книга, которой началомъ служитъ введеніе, заключающее въ себѣ исторію Оружейной Палаты, расположена въ трехъ отдѣленіяхъ. Въ первомъ описаны древніе иконы и кресты; Царскія регаліи и вѣнчальныя одежды; государственное знамя, мечь, щитъ, печать и принадлежности коронаціи; нѣкоторыя принадлежности къ одеждамъ Царскимъ и драгоцѣнныя украшенія; наконецъ подлинное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича. Во второмъ: Царская броня и оружіе — а въ третьемъ: золотая, серебряная, яшмовая, перломутровая, костяная и проч. древняя Царская посуда и нѣкоторыя другія вещи.

42. *Тарантасъ.* Путевыя впечатлѣнія. Сочиненіе *Графа В. А. Соллогуба.* Въ 4; 285 стран. Спб.

См. 197 стран. нынѣшней книжки Современ.

43. *Физіологія Петербурга*, составленная изъ трудовъ Русскихъ литераторовъ, подъ редакціею *Н. Некрасова.* Въ 8; 303 стран. Спб.

Книга начинается *вступленіемъ*, въ которомъ

между прочимъ сказано (стран. 25): «Что касается «лично до составителей этой книги — они *совершен-«но чужды всякихъ притязаній на поэтическій та-«лантъ*: цѣль ихъ была самая *скромная* — составить «книгу въ родѣ тѣхъ, которыя такъ часто появля-«ются во Французской литературѣ, и, занявъ на-«время вниманіе публики, *уступаютъ* мѣсто новымъ «книгамъ въ томъ же родѣ». Названія этихъ *уступчивыхъ* статей, написанныхъ съ цѣлію столь *скромною*, суть слѣдующія: 1. Петербургъ и Москва; 2. Петербургскій Дворникъ; 3. Петербургскіе Шарманщики; 4. Петербургская Сторона; 5. Петербургскіе Углы. Подъ каждою статьею означено имя ея составителя такъ: 1. В. Бѣлинскій; 2. В. Луганскій; 3. Д. Григоровичь; 4. Е. Гребенка; 5. Н. Некрасовъ. Если и чисто-ученый трудъ безъ художническаго въ литературномъ отношеніи таланта рѣдко чего-нибудь стоитъ; что же безъ него значитъ трудъ чисто-литературный?

44. *О лубочныхъ картинахъ Русскаго народа.* Соч. *И. Снегирева.* Моск.

По мнѣнію г. Снегирева, всѣ лубочныя картины по содержанію своему раздѣляются на четыре вида. На однѣхъ картинкахъ представлены предметы религіозные, на другихъ нравственные, на третьихъ символико-поэтическіе, а на четвертыхъ историческіе. Эта классификація не много вводитъ насъ въ

надлежащее изученіе такаго явленія, которое, въ отношеніи къ характеристикѣ Русскаго простаго народа, очень важно. Надобно составить сводъ простонародныхъ сказаній не только Русскихъ, но и иностранныхъ, особенно тѣхъ народовъ, съ которыми изстари мы были въ сношеніяхъ, чтобы опредѣлить, до какой степени фантазія нашего простонародья состоитъ въ подчиненности фантазіи чужеземной. Образцемъ разысканія въ этомъ родѣ Современникѣ представилъ уже статью: *О Бовѣ Королевичѣ* (т. XXI, стран. 86—113, *второй нумераціи)*.

45. *Борисъ Годуновъ*, или убіеніе Царевича Димитрія. Историческая повѣсть XVI столѣтія. Моск.

46. *Гришка Отрепьевъ*, самозванецъ, разстрига и бѣглецъ Московскаго Чудова монастыря, или Лжедимитрій. Историческій расказъ въ двухъ частяхъ. Соч. *Алексѣя Поспѣлова*. Въ 12; 40 и 29 стран. Моск.

47. *Привидѣніе на кладбищѣ*. Кавказская быль въ двухъ частяхъ. Соч. *Н. Г . . . ля*. Моск.

Всѣ три означенныя здѣсь повѣствовательныя сочиненія одно на другое похожи. Въ нихъ нѣтъ ни занимательности расказа, ни красокъ мѣстныхъ, ни историческихъ характеровъ, словомъ — видно,

что у сочинителей ихъ есть желаніе писать, а нѣтъ таланта.

48. *Новыя стихотворенія Н. Языкова.* Въ 8; 332 и IV стран. Моск.

Въ XXXVI т. Соврем. на 340 стран. говорено было о характерѣ и поэтическихъ совершенствахъ произведеній Н. М. Языкова по случаю напечатанныхъ тогда особо 56 его стихотвореній. Теперь вышло новое собраніе, состоящее изъ 62 его пьесъ. Нельзя не радоваться, что, послѣ долгаго молчанія, опять между нами раздаются эти сладостные звуки и оживляютъ каждое сердце, чувствующее силу, прелесть и высокій смыслъ истинной поэзіи. Новое собраніе разнообразнѣе прежнихъ: оно приняло въ себя живыя, глубокія и свѣжія напечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ поэта отъ дальнихъ и долгихъ его путешествій за границею. До сихъ поръ преобладающій въ Н. М. Языковѣ характеръ былъ лирическій. Здѣсь мы встрѣчаемъ опыты его въ драматическомъ родѣ. Они ясно свидѣтельствуютъ, какъ вѣрно постигаетъ поэтъ художническія условія новаго для него рода, и какъ счастливо онъ исполняетъ ихъ. Будемъ надѣяться, что со-временемъ это поприще ему понравится — и мы получимъ отъ нашего игриваго, то меланхолическаго, то страстнаго поэта глубоко-соображенныя и величественною простотой ознаменованныя драмы.

49. *Москва.* Три пѣсни *Владиміра Филимонова.* Въ 16; 75 стран. Спб.

Эти три пѣсни представляютъ древнюю нашу столицу въ трехъ видахъ: 1) до 1812 года,

Когда въ Москвѣ, и праздной и богатой,
Живали жизнью полосатой:
Арбатъ ложился спать — ужъ встали на Донской;

2) обновленную, но еще сохранявшую въ себѣ много патріархальнаго,

Когда любилъ и сердцу вѣрилъ
Неохлажденный челевѣкъ —

и 3) современную намъ Москву, представительницу всего святаго для Русскаго сердца.

Сохраняя Руси нравы,
Русской жизнію дыша,
Ты сподручница державы,
Ты — народная душа!

50. *Ода въ похвалу прекраснаго пола* (читано

на пикникѣ 4 Февраля 1845 года). Соч. *И. К.* Въ 8; 8 стран. Спб.

51. *Старина.* Расказъ въ стихахъ. Соч. *А. Иверсена.* Въ 9; 29 стран. Моск.

52. *Стихи Платона Зубова.* Въ 8; 28 стран. Спб.

53. Очерки картинъ изъ Русской исторіи и народнаго преданія. *Стихотворенія Е. Трегубова.* Въ трехъ отдѣленіяхъ. Въ 8; 60 стран. Моск.

Вотъ четыре книжки, заключаюшія въ себѣ стихи, которыхъ конечно никто не дочитаетъ, если бы и началъ случайно.

54. *Провинціальный поэтъ.* Оригинальная комедія съ куплетами, въ одномъ дѣйствіи. Соч. *П. Порфирьева.* Въ 16; 62 стран. Спб.

Любопытно было бы узнать, въ какой провинціи авторъ подсмотрѣлъ описаннаго имъ поэта, и съ какаго общества рисовалъ онъ свои картины нравовъ.

55. *Сочиненія Константина Масальскаго.* Пять частей Въ 12; 453, 230, 262 и 216 стран. Спб.

Здѣсь собрано все, что въ продолженіе многихъ лѣтъ написано было авторомъ и издавалось отдѣльно, или въ журналахъ. Г. Масальскій, подобно гг. Загоскину и Лажечникову, старался обработать преимущественно историческій романъ по формѣ, заимствованной у Вальтеръ-Скотта всѣми современными намъ писателями въ Европѣ. Но г. Масальскому менѣе другихъ удалось достигнуть успѣха. У него недостаетъ главнаго — поэзіи, безъ которой историческій романъ всегда похожъ на выписки изъ дѣловыхъ бумагъ и лѣтописей. Наполняя сцены своего романа дѣйствительно историческими подробностями, г. Масальской не вноситъ въ нихъ главныхъ условій жизни — вѣрности положеній, голоса страстей, твердости переходовъ и, по различію лицъ, движущагося разговора. Отъ того читатель утомляется и не дѣлитъ ничего съ присутствующими. Другія отрасли словесности, до которыхъ г. Масальской также охотно прикасался, еще менѣе удались ему. Между прочимъ онъ много написалъ стиховъ. Но къ-чему перепечатывать ихъ снова въ полномъ собраніи, если ни на одной своей пьесѣ и самъ онъ не умилялся и не отдыхалъ сердцемъ?

56. *Вчера и сегодня.* Литературный сборникъ, составленный Гр. В. А. Соллогубомъ, изданный А. Смирдинымъ. Въ 8; 164 стран.

Названіе этой книги, самое ея содержаніе и цѣль изданія напомнили намъ прекратившійся нынѣ сборникъ, который съ 1841 года нѣсколько времени печаталъ типографщикъ Фишеръ, подъ названіемъ *Памятника искуствъ*. Тамъ прибавлялось литературное отдѣленіе, которое называлось: *Старина и новизна*. Въ немъ печатались статейки, изъ новыхъ и изъ давнихъ временъ, попадавшіяся подъ руку издателю. Конечно лучше когда-нибудь и даже какъ-нибудь напечатать хорошее, нежели утратить и лишить его извѣстности въ публикѣ. Въ новой книжкѣ, по литературному достоинству, первое мѣсто занимаетъ расказъ въ стихахъ В. А. Жуковскаго, называющійся: *Капитанъ Боппъ*. Какъ матерьялъ для исторіи литературы Русской, очень важна статья: *Гаврила Петровичь Каменевъ*. Это письма автора *Громвала*, хранившіяся у однаго изъ друзей его и заключающія между прочимъ расказъ о знакомствѣ Каменева съ Карамзинымъ въ 1800 г.

57. *Дѣдушка Крыловъ*. Книга для подарка дѣтямъ. Въ 12; 108 и IV стран. Съ портретомъ Крылова и картинками, изображающими сцены изъ его жизни. Спб.

Авторъ воспользовался всѣми статьями, какія только появились въ разныхъ журналахъ по кончинѣ Ивана Андреевича — и составилъ изъ нихъ довольно полный расказъ, приспособивъ его тономъ

и подробностями къ дѣтскимъ понятіямъ. Такимъ образомъ эта книжка, пока не явится лучшей, теперь дѣйствительно можетъ назваться занимательною для дѣтей. Жаль, что въ ней не довольно сглажены авторомъ слѣды того различія, которое для литератора такъ замѣтно во всемъ между журналами, содержащими первые матерьялы біографіи Крылова.

58. *Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго языка*, издаваемый *П. Кириловымъ*. АБА — МАР. Въ 16; 176 стран., въ два столбца. Спб.

Предпріятіе полезное; но какъ оно еще не кончено, то и заключительное мнѣніе о немъ надобно отложить до времени. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что объясненія иностранныхъ словъ, касающихся собственно литературы, здѣсь иногда неправильны, иногда неполны, а чаще непропорціональны съ прочими частями лексикона. Опредѣленіе слова : *Лиризмъ* , на примѣръ , начинается такъ: «Слабость, свойственная многимъ бездарнымъ стихотворцамъ — сообщать въ своихъ произведеніяхъ мысли и чувства, не имѣющія интереса ни для кого, кромѣ самаго автора и людей, ему близкихъ», и проч. Почти на двухъ столбцахъ за этимъ слѣдуетъ продолженіе столь же ложной и странной мысли. И такъ выраженіе: *У Державина болѣе ли-*

ризма, нежели у всѣхъ поэтовъ нашихъ, значитъ, что у него болѣе слабости бездарнаго стихотворца, нежели у другихъ? И жалко и смѣшно!

59. *Самоучитель Нѣмецкаго языка*, составленный по методѣ г. Язвинскаго. Въ 8; 148 стран. Моск.

60. *Самоучитель Нѣмецкаго языыка*, или руководство научиться, безъ помощи учителя, читать, писать и говорить по-Нѣмецки. Въ 8: 216 стран. Спб.

Для языка живаго нѣтъ другаго самоучителя, кромѣ *живаго разговора*. Всѣ печатные самоучители могутъ годиться только при изученіи языковъ мертвыхъ. Въ наше время уже и странно приступать къ изданію столь запоздалыхъ руководствъ.

61. *О явленіяхъ поляризаціи въ Гальванической цѣпи*. Разсужденіе, написанное для полученія степени Магистра Философіи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета Кандидатомъ *Александромъ Савельевымъ*. Въ 8; 77 стран. Спб.

Защищеніе диссертаціи происходило здѣсь въ Университетѣ 1-го Апрѣля нынѣшняго года. Молодой ученый неоспоримо доказалъ, что: 1. Сопротивленіе при переходѣ не существуетъ въ Гальвани-

ческой цѣпи; ослабленіе, претерпѣваемое токомъ, при переходѣ изъ твердаго проводника въ жидкій и обратно, происходитъ единственно отъ дѣйствія поляризаціи электродовъ; 2. Поляризація электродовъ происходитъ отъ дѣйствія освобождающихся на нихъ гасовъ; 3. Справедливость закона электровозбудительныхъ силъ Вольты не подвержена никакому сомнѣнію; этотъ законъ есть простое слѣдствіе химической теоріи Гальванизма; 4. Основываясь на этомъ законѣ и на второмъ положеніи, мы можемъ во всякой данной цѣпи опредѣлить полную электровозбудительную силу независимо отъ поляризаціи; 5. Раствореніе цинка въ сѣрной кислотѣ происходитъ только въ слѣдствіе Гальваническаго процесса; 6. Свѣтъ въ скрытомъ состояніи и въ состояніи невидимыхъ лучей не существуетъ: явленія, какія приписывалъ ему Мозеръ, весьма просто объясняются поглощеніемъ и сгущеніемъ гасовъ на поверхности тѣлъ.

62. *Іомсбургъ и Винета.* Историческое изслѣдованіе. *Т. Грановскаго.* Въ 8; 40 стран. Моск.

Іомсбургомъ называлось одно изъ Норманскихъ поселеній, въ половинѣ X вѣка основанное Скандинавскими (съ острова Зеландіи) выходцами на Вендскомъ поморіи. Недалеко отъ него находился Славянскій торговый городъ Волинъ, который у лѣтописцевъ называется иногда Юлинъ. Въ XI вѣкѣ

Датскіе и Норвежскіе бѣглецы переселялись въ Волинъ, отъ чего начались на него нападенія Датскихъ государей, кончившіяся тѣмъ, что этотъ городъ въ XII вѣкѣ былъ доведенъ до ничтожества. Существованіе Іомсбурга прекратилось еще ранѣе. Уже въ XI столѣтіи не упоминаютъ объ его Викингахъ (предводителяхъ). Но слава пережила политическое и воинственное бытіе его. Есть, такъ называемая, *Іомсбургская Сага.* Она содержитъ описаніе нравовъ, подвиговъ и всей воинственной поэзіи витязей Іомсбурга. Сочинитель Изслѣдованія, здѣсь разсматриваемаго, приводитъ изъ нея отрывки — и это мы считаемъ несомнѣнною его заслугою нашей литературѣ. Что касается до другаго Славянскаго города, будто бы тамъ же существовавшаго, гдѣ были Іомсбургъ и Волинъ, города Винеты, носившаго у нѣкоторыхъ писателей названіе *Сѣверной Венеціи*, теперь открывается, что это одно изъ тѣхъ баснословныхъ именъ, которыя нерѣдко попадаются въ исторіи, пока она еще остается въ туманѣ, безъ критики. Венета происхожденіемъ своимъ обязана ошибкѣ переписчиковъ лѣтописей, которые изъ имени Юлинъ (тоже, что Волинъ) сперва образовали Юмна, потомъ Юмнета, а наконецъ Венета.

63. *О собраніи произведеній отечественной кисти* и о самобытной жизни въ живописи. Въ 8; 20 стран. Спб.

С. Н. Глинка представляетъ здѣсь описаніе произведеній нашей отечественной кисти, собранныхъ Ѳ. И. Прянишниковымъ. Всѣхъ картинъ означено числомъ 42, начиная съ Левицкаго и Боровиковскаго до Тыранова и Петровскаго.

64. *Указатель законовъ для сельскихъ хозяевъ.* Въ 8; XVI и 308 стран. Спб.

Нѣсколько разъ говорили мы въ Современникѣ, до какой степени изданіе Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи облегчаетъ не только юридическіе частные труды, но историческіе и въ нѣкоторомъ отношеніи литературные. Много уже явилось спеціальныхъ книгъ, обязанныхъ происхожденіемъ своимъ этому драгоцѣнному хранилищу матерьяловъ изученія Россіи. Книга, которой заглавіе здѣсь выписано, также есть плодъ его. Она составлена съ большимъ знаніемъ дѣла, полно, осмотрительно и въ прекрасной системѣ.

65. *Собраніе рецептовъ, употребительнѣйшихъ при пользованіи больныхъ лошадей,* или ручный конскій лечебникъ, составленный *О. Пашкевичемъ.* Въ 12; XI и 184 стран.

Очень полезная книга, если только нѣтъ опасности безъ указаній врача употреблять лекарства при готовыхъ рецептахъ.

66. *Наблюденія и замѣчанія о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ болѣзняхъ дѣтскаго возраста и ихъ леченіи,* составленныя *А. Кроненбергомъ,* и проч. Въ 8; 36 стран. Моск.

Это въ нѣкоторомъ смыслѣ отчетъ наблюденій, произведенныхъ сочинителемъ надъ болѣзнями въ Московской Дѣтской больницѣ, отчетъ знатока, совѣстливо исполняющаго свои обязанности. Мы ожидаемъ отъ него продолженія наблюденій, какъ онъ самъ обѣщалъ въ книжкѣ своей.

67. *Краткія коммерческія свѣдѣнія,* составленныя *П. И. Кондратьевымъ,* и проч. Въ 8; 71 стран. Моск.

Три предмета изложены сочинителемъ: 1. что нужно знать, чтобы производить торговлю; 2. правила бухгалтеріи, и 3. замѣчанія о товаровѣдѣніи. Видно, что каждый предметъ ему извѣстенъ хорошо, и что онъ привыкъ излагать это дѣло ясно.

68. *Сказка о двухъ крестьянахъ: домостроительномъ и расточительномъ.* Въ 8; 37 стран. Спб.

Для простыхъ людей эта сказка гораздо полезнѣе, нежели старинныя простонародныя сказки, въ которыхъ нѣтъ ни нравственнаго содержанія, ни полезной цѣли, а иногда даже нѣтъ и смысла.

II.

69. *Часы благоговѣнія для споспѣшествованія истинному Христіанству и домашнему Богопочитанію. Ч. VII.* Христіанинъ и Вѣчность. Въ 8; 235 стран. Спб.

70. *Библіотека для воспитанія. Отдѣленіе второе. Ч. I. Годъ второй.* Въ 12; 165 стран. Моск.

71. *Рѣшеніе геометрическихъ вопросовъ гевристическимъ способомъ.* Старшаго учителя первой Московской гимназіи *Н. Соколова.* Тетрадь *вторая.* Въ 8; 35 стран. Моск.

72. *Атласъ оперативной хирургіи*, составленный *Леемъ. Дополненіе* къ энциклопедическому медицинскому лексикону. Въ 8; 20 стран. съ 45 рисунками. Спб.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

4. *Удалый Гасконецъ и Синяя борода.* Романъ *Евгенія Сю,* автора Парижскихъ тайнъ. Перев. съ Французскаго. Въ 12; 233 стран. Моск.

Трудъ, предпринятый единственно потому, что на книгѣ выставлены волшебныя слова: *автора Парижскихъ тайнъ.* Переводчикъ, сколько можно опредѣлить его литературное чутье мастерствомъ его же перевода, не въ-силахъ различить, что и у Евгенія Сю есть романы дюжинные, и что успѣхъ даже Парижскихъ тайнъ не зависѣлъ отъ литературныхъ достоинствъ книги, а отъ жадности большинствà читателей къ тайнамъ всякаго рода.

5. *Похожденія полишинеля.* Въ 32; 104 стран. Спб.

Одна изъ тѣхъ бездѣлокъ, которымъ Французы мастерà придавать занимательность, принимая это слово въ ихъ значеніи.

II.

6. *Библіотека романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ*, издаваемая *Н. Улитинымъ.* Выпускъ *четвертый*, томъ *второй.* Похожденіе Геркулеса Арди, или Гвіана въ 1772 году. Романъ Евгенія Сю. Переводъ съ Французскаго. Часть первая. Въ 12; 211 стран. Моск.

7. *Общая и частная технологія*, составленная профессоромъ *Поппе.* Переведено съ Нѣмецкаго. Въ двухъ частяхъ. Съ чертежами. Часть *вторая.* Въ 8; 434 стран. Спб.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

3. *Священная исторія для дѣтей,* выбранная изъ Ветхаго и Новаго Завѣта *Анною Зонтагъ.* Въ двухъ частяхъ. Изданіе *четвертое.* Въ 12; 499 и IV, 409 и IV стран. Спб.

4. *Сто новыхъ дѣтскихъ повѣстей,* съ нравоученіями въ стихахъ. Книжка для подарка дѣтямъ. Перевелъ изъ сочиненій Шмита *Б. Ѳедоровъ.* Часть первая. Изданіе *второе,* исправленное и дополненное. Въ 12; 113 стран. Спб.

5. *Ариѳметика,* служащая къ легчайшему обученію малолѣтнаго юношества, въ двухъ частяхъ. Вновь разсмотрѣнная и исправленная Коллежскимъ Ассесоромъ *Петромъ Кузминскимъ.* Изданіе *пятнадцатое* безъ перемѣны. Въ 12; 166 стран. Моск.

6. *Французскій учитель*, или руководство для перевода съ Русскаго на Французскій, въ пользу Россійскаго юношества изданное братьями *Куртенеръ*. *Шестое* изданіе, исправленное. Въ 8; 154 и 75 стран. Моск.

7. *Народный Русскій пѣсенникъ*, собранный *В. Т.* Изданіе *третіе*. Въ 16; 77 стран. Моск.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ ФОРМАХЪ РУССКАГО ГЛАГОЛА.

1.

Согласно съ старинною системою, придуманною Смотрицкимъ и у него заимствованною Ломоносовымъ, въ Русскихъ глаголахъ до сихъ поръ отличаютъ два спряженія, смотря по окончанію 2-го лица настоящаго (или будущаго) времени единственнаго числа на *ешь* или *ишь*. Это едва ли основательно: такое различіе относится только къ одному времени, и обыкновенно не распространяетъ своего вліянія на остальныя формы глагола. Возьмемъ, напримѣръ, глаголы *ждешь* и *велишь*. Не смотря на различіе ихъ окончанія въ этомъ видѣ, у нихъ почти всѣ формы образуются однимъ и тѣмъ же способомъ. Гдѣ же тутъ двоякое спряженіе? Оно оказывается развѣ только въ настоящемъ времени, но это не даетъ права видѣть такое же различіе въ цѣломъ глаголѣ. Съ другой стороны, какъ еще Россійская Академія въ своей грамматикѣ замѣтила, при такомъ раздѣленіи, глаголы, вовсе не сходные въ нѣкоторыхъ

формахъ, будутъ относиться къ одному и тому же спряженію.*

Всѣ измѣненія Русскаго глагола по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ, родамъ и числамъ производимъ мы обыкновенно отъ двухъ формъ: отъ неопредѣленнаго наклоненія и отъ перваго лица единственнаго числа настоящаго времени. Самое правильное развитіе эта система получила въ трудѣ протоіерея Павскаго, и онъ очень удачно досказалъ замѣченное уже прежде него, явственно раздѣливъ спряженіе на двѣ половины. Такое раздѣленіе дѣйствительно есть въ Русскихъ глаголахъ; но точно ли основными формами служатъ— въ одной половинѣ неопредѣленное наклоненіе, а въ другой 1-е лицо единственнаго числа настоящ. врем. изъявительнаго?

Съ принятіемъ этѣхъ формъ за основныя соединяются важныя неудобства. Окончаніе 1-*го лица настоящаго времени* не составляетъ довольно опредѣлительной примѣты. Вотъ, напримѣръ, пять глаголовъ:

вяжу, *сижу*, *тужу*, *держу*, *сужу*;

при всемъ сходствѣ у нихъ этой формы, по ней нельзя непосредственно образовать ни одной изъ

* Академія предложила другое раздѣленіе глаголовъ по неопредѣленному наклоненію, но эта метода была еще неудобнѣе и нынѣ всѣми оставлена.

прочихъ формъ, ни даже остальныхъ лицъ того же времени.

От *треплю* 2–е лицо *треплешь*;
отъ *терплю* » » *терпишь*.

Чтобы выбрать одно изъ появившихся тутъ окончанiй: *плешь* и *пишь*, необходимо напередъ справиться съ неопредѣленнымъ наклоненiемъ; при чемъ очень трудно помнить всѣ случаи, отъ которыхъ зависитъ то или другое образованiе 2-го лица настоящаго времени.

Главное же неудобство, неразлучное съ принятiемъ въ основанiе 1-го лица единственнаго числа этого времени состоитъ въ томъ, что прочiя лица часто отличаются отъ него мѣстомъ ударенiя. Какъ догадаться, напримѣръ, что отъ *смотрю́* надобно произвести *смо́тришь*, а отъ *горю́—гори́шь*? Неопредѣленное наклоненiе въ этомъ случаѣ не можетъ пособить, потому что оно, почти всегда, держитъ ударенiе на томъ же слогѣ, какъ и 1-е лицо настоящаго времени.

Принимать самое *неопредѣленное наклоненiе* за основную форму неудобно отъ того, что у него нѣтъ общаго всѣмъ глаголамъ признака; оно оканчивается то на *ть*, то на *ти*, то на *чь*, а это естественно затрудняетъ производство отъ него другихъ формъ, тѣмъ болѣе, что при двухъ послѣднихъ окончанiяхъ корень глагола не весь бы-

ваетъ на виду. Окончаніе *чь* составляетъ результатъ нѣсколькихъ превращеній: глаголъ *беречь* первоначально долженъ былъ произноситься *берегти* (какъ и нынѣ говорятъ по-Малороссійски); вмѣсто этого произошло *берешти=берещи*, а слогъ *щи* сократился въ *чь*. Что касается до окончанія *ти*, то оно иногда *можетъ* сокращаться въ *ть*, напримѣръ, въ *цвѣсть*, иногда *не можетъ*, какъ въ *рости*, иногда же употребляется не иначе, какъ въ сокращенной формѣ: класть, грызть. Нѣтъ ли на эти случаи правилъ, которыхъ указаніе заключается внѣ самаго неопредѣленнаго наклоненія?

Предлагая здѣсь нѣсколько наблюденій по этому предмету, я долженъ прежде всего замѣтить, что моею цѣлію вовсе не было ближайшее опредѣленіе внутренняго состава глагольныхъ формъ, любопытное преимущественно для филолога. Такое предпріятіе потребовало бы слишкомъ много смѣлости послѣ недавно изданнаго труда протоіер. Павскаго. Я старался только объ отъисканіи такихъ признаковъ, помощію которыхъ основные законы спряженія нашихъ глаголовъ могли бы быть легко объяснены всякому, изучающему Русскій языкъ*.

* При подробномъ разсмотрѣніи корней глагольныхъ, прот. Павскій замѣтилъ, что эта статья «сто́итъ особеннаго вниманія, *потому что вноситъ чрезвычайную ясность въ спряженіе глаголовъ*. (Р. III. стр. 9.)». Нѣтъ ли легчайшаго пути къ достиженію той же цѣли? Пусть ваша попытка рѣшитъ этотъ вопросъ.

Еще надобно имѣть въ виду, что здѣсь рѣчь идетъ только о глаголахъ правильныхъ. Тѣ, впрочемъ немногіе, которые не подходятъ подъ законы, ниже излагаемые, принадлежатъ къ разряду неправильныхъ.* Наконецъ не лишнимъ будетъ упомянуть предварительно, что я совершенно не касаюсь еще вопроса о *видахъ*, и принимаю каждое измѣненіе глагола по виду за особый глаголъ.

2.

Главною основною формою Русскаго глагола должна быть та, которая соединяетъ въ себѣ наиболѣе отличительныхъ признаковъ, въ которой всего рѣшительнѣе и разнообразнѣе обнаруживаются особенности спряженія. Таково преимущественно, въ изъявительномъ наклоненіи, 3-е лицо множественнаго числа времени, бывающаго въ однихъ глаголахъ настоящимъ, въ другихъ будущимъ — словомъ, *непрошедшаго*: этѣмъ именемъ мы для краткости и будемъ называть его.

Въ глаголахъ *порешь* и *берешь*, напримѣръ, всѣ

* Вотъ, кажется, всѣ оии: быть, ѣсть, дать, бѣжать, хотѣть, чтить, клясть, шибить, итти. Къ неправильнымъ глаголамъ не отношу я тѣхъ, у которыхъ только основныя формы для обѣихъ половинъ спряженія не совсѣмъ сходны между собой, а всѣ остальныя образуются отъ нихъ правильно (*раздать, спать* и п. др.)

лица этого времени, начиная отъ 2-го единственнаго числа до 2-го множественнаго, имѣютъ одинаковое окончаніе; но въ 3-мъ множественнаго у одного *ютъ*, у другаго *утъ*. Правда, такое различіе видно и въ 1-мъ лицѣ единственнаго числа, но по этому лицу, какъ ужъ было объяснено, нельзя узнавать прочихъ, которыя уже гораздо опредѣлительнѣе, но особенно 3-е лицо множественнаго числа; изъ этой формы чрезвычайно просто и легко составляется все непрошедшее время.

Когда она оканчивается на *ютъ*, *утъ*, то для образованія 1-го лица единственнаго числа стòитъ только откинуть *тъ*, а для полученія остальныхъ перемѣнять *ютъ* или *утъ* на

е { шь, тъ, мъ, те;

при чемъ наблюдается, что когда буква *е* должна будетъ стать послѣ небныхъ *г* и *к*, то онѣ превращаются: первая въ *ж*, а вторая въ *ч*:

Играютъ—играю, ешь
Лгутъ — лгу, лжешь } и т. д.
Текутъ—теку, течешь

Когда основная форма оканчивается на *ятъ*, *атъ*, то надобно, отбросивъ *тъ*, перемѣнить *я* на *ю*,

а на *у*, что составитъ 1-е лицо единственнаго числа, а для полученія остальныхъ перемѣнять *ять* и *ать* на:

и { шь, тъ, мъ, те.

Тутъ наблюдается общій для всѣхъ глаголовъ законъ сочетанія звуковъ. Если, при объясненномъ превращеніи, буквѣ *ю* въ 1-мъ лицѣ единственнаго числа придется стать послѣ извѣстныхъ согласныхъ, то

вмѣсто	*бю*	говорятъ	*блю:*	рубятъ—рублю.
»	*пю*	»	*плю:*	терпятъ—терплю.
»	*вю*	»	*влю:*	явятъ—явлю.
»	*фю*	»	*флю:*	графятъ—графлю.
»	*мю*	»	*млю:*	шумятъ—шумлю.
»	*дю*	»	*жу*	сидятъ—сижу.
			жду:	наградятъ—награжду).
»	*зю*	»	*жу*	поразятъ—поражу.
»	*сю*	»	*шу:*	бросятъ—брошу.
»	*тю*	»	*чу:*	встрѣтятъ—встрѣчу.
			щу:	возвратятъ—возвращу.
»	*твю*	»	*щвлю:*	умертвятъ—умерщвлю.
»	*стю*	»	*щу:*	простятъ—прощу.
»	*стрю*	»	*щрю:*	изострятъ—изощрю.

Примѣчаніе. Слоги *жду* и *щу* ставятся вмѣсто *дю* и *тю* только въ церковнословенскихъ глаголахъ, которые въ нашемъ языкѣ неупотребительны безъ предлога: *наградятъ—награжду; убѣдятъ—убѣжду; упредятъ—упрежду; запретятъ—запрещу; обогатятъ—обогащу; посѣтятъ—посѣщу; возмутятъ—возмущу; укротятъ — укрощу; сократятъ — сокращу* и другіе. Когда тотъ же глаголъ, лишась предлога, употребляется въ своемъ Русскомъ видѣ, то вмѣсто *жду* и *щу* являются *жу* и *чу:* городятъ—горожу; воротятъ—ворочу; золотятъ—золочу. Глаголъ *святятъ* перешелъ къ намъ изъ цер-

ковнословенскаго языка и потому удержалъ также форму *свящу*.

Особенное вниманіе въ непрошедшемъ времени заслуживаетъ *мѣсто ударенія*: 1-е лицо единственнаго числа въ этомъ отношеніи нерѣдко отличается отъ остальныхъ, которыя напротивъ *всѣ* и *всегда* имѣютъ удареніе на одномъ и томъ же слогѣ. Естественно, что такъ какъ въ глаголѣ оно можетъ быть двоякое, то каждая изъ основныхъ формъ должна въ такомъ случаѣ служить представительницею одного изъ двухъ удареній, чего не бываетъ, когда принимаются въ основаніе 1-е лицо единственнаго числа настоящаго времени и неопредѣленное наклоненіе, почти всегда сходныя по мѣсту ударенія.

Напротивъ, это преимущество вполнѣ достигается принятіемъ 3-го лица множественнаго числа за основную форму.

При составленіи изъ него прочихъ лицъ *непрошедшаго* времени, кромѣ *перваго единственнаго числа*, мѣсто ударенія остается неизмѣннымъ.

Что касается до 1-го лица, то и оно въ двухъ случаяхъ не отступаетъ отъ остальныхъ, именно: 1, когда удареніе въ основной формѣ на послѣднемъ слогѣ: веду́тъ—веду́; глядя́тъ—гляжу́; 2, ко-

гда передъ слогомъ *ютъ* гласная буква: ку́шаютъ—ку́шаю; владе́ютъ—владе́ю.

Гдѣ поставить удареніе въ 1-мъ лицѣ единственнаго числа, можетъ быть сомнительно тогда только, когда оно въ основной формѣ на предпослѣднемъ слогѣ и когда притомъ эта форма оканчивается *не на ютъ съ предъидущею гласною*. Въ такомъ случаѣ мѣсто ударенія въ 1-мъ лицѣ узнается по той формѣ, которая избрана будетъ основною для второй половины спряженія, за которую мы покуда примемъ неопредѣленное наклоненіе. Например, *вяжутъ—вяза́ть*, и такъ *вяжу́*; *пла́чутъ—пла́кать*, и такъ *пла́чу*.

Правило это нарушается только немногими глаголами, у которыхъ настоящее образуется двояко:
а́лчутъ—(алка́ть)—а́лчу (иначе, алка́ю)
коле́блютъ—(колеба́ть)—коле́блю (устар. колеба́ю)
колы́шутъ—(колыха́ть)—колы́шу (колыха́ю)
стра́ждутъ—(страда́ть)—стра́жду (страда́ю).

Показанное производство легко прилагается ко всѣмъ правильнымъ глаголамъ и даже къ нѣкоторымъ изъ неправильныхъ*. Оно устраняетъ всѣ тѣ

* Безсознательно слухъ нашъ такъ пріучается къ этому производству, что почти всѣ дѣти сначала говорятъ *даду* вмѣсто *дамъ*.

сбивчивыя толкованія и изъятія, которыхъ нельзя избѣжать, когда за первоначальную форму настоящаго примешь 1-е лицо единственнаго числа. Это всего убѣдительнѣе доказываетъ, что форма на *ютъ* (утъ) и *ятъ* (атъ) заслуживаетъ предпочтеніе. Давно уже замѣтили, что отъ нея образуется одно изъ причастій*; но, кажется, 3-е лицо множественнаго числа по самому смыслу, въ какомъ оно часто употребляется, назначено для роли, болѣе важной въ производствѣ глагольныхъ формъ: оно можетъ заключать въ себѣ обширную идею *многоличнаго* субъекта, невыраженнаго особымъ словомъ. Это какъ будто переходъ отъ формъ личныхъ къ неопредѣленному наклоненію, и едва ли правъ прот. Павскій, видя въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа *безличное выраженіе***.

И-такъ форма *ютъ* (утъ) и *ятъ* (атъ) по всему достойна названія *первой основной формы* глагола;

* Прот. Павскій показываетъ неправильность этого выраженія; но, повторяю, здѣсь рѣчь идетъ не о скрытомъ различіи буквъ, а объ упрощеніи правилъ спряженія глагола.

** 2-е лицо единственнаго числа, отчасти раздѣляющее это свойство, также довольно опредѣлительно въ отношеніи къ спряженію, но это лицо въ своемъ окончаніи не носитъ признака, который бы всегда показывалъ, когда въ 1-мъ лицѣ единственнаго числа и въ 3-мъ множественнаго должно быть *ю* и когда *у*: *берешь—беру*; *порешь—порю*; къ тому же въ глаголахъ, оканчивающихся на *ешь*, не легко угадать, гдѣ въ 1-мъ лицѣ ед. ч. буква *ж* должна измѣняться на *г* и когда она удерживается: *лжешь—лгу*; *ржешь—ржу*.

что же принять въ основаніе для другой половины спряженія?

3.

По правильности, какую мы привыкли встрѣчать въ развитіи законовъ нашего языка, надобно и въ системѣ спряженія Русскихъ глаголовъ предполагать такую же стройность. Естьли такъ, то другою основною формой должно быть 3-е лицо множественнаго числа *прошедшаго* времени, или—такъ какъ въ этомъ времени нѣтъ различія для лицъ— множественное число прошедшаго времени: окончанію первой основной формы на *ть* долженъ соотвѣтствовать, въ другой половинѣ спряженія, слогъ *ли* — признакъ, также общій *всѣмъ* глаголамъ безъ исключенія. Внимательное разсмотрѣніе предмета подверждаетъ то. Основная примѣта *непрошедшаго*, знакъ *ть* съ предъидущими буквами представляетъ самыя разнообразныя видоизмѣненія той же формы; такъ и слогу *ли* свойственны разнаго рода внѣшнія отличія. Онъ бываетъ то безъ ударенія, напримѣръ въ *ласка́ли*, то съ удареніемъ, напримѣръ въ *цвѣли́*; онъ стоитъ то послѣ гласной буквы, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, то послѣ согласной, какъ въ *сохли*, *берегли*, *терли**.

* Тутъ все дѣло собственно только въ буквѣ *и*; а *л*, какъ показалъ пр. Павскій, говоря о единственномъ числѣ мужескаго рода, есть буква бѣглая (см. *Р. I.*: стр. 108).

Разсмотримъ въ паралели всѣ видоизмѣненія какъ первой формы, такъ и этой, которую назовемъ *второю основною формой*; при чемъ должно помнить, что мы здѣсь, какъ и въ цѣлой статьѣ, разумѣемъ вообще глаголы простые: предложные часто отличаются отъ нихъ мѣстомъ ударенія.

Примѣта *ютъ* является послѣ всѣхъ гласныхъ*, и послѣ полусогласныхъ *л* и *р***.

Въ видѣ *утъ* она встрѣчается послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ *п*, *ф*, *х*, *ц*.

Послѣ гласныхъ слогъ *ютъ* можетъ быть то безъ ударенія, то (хотя рѣже) съ удареніемъ: *жела́ютъ*, *смѣютъ*, *даю́тъ*, *кую́тъ*.

Никогда не бываетъ ударенія: на *ю* послѣ *л* и *р*, а на *у* послѣ буквъ *ж* (*жд*), *ч*, *ш*, *щ* (придыхательныхъ зубныхъ): *сы́плютъ*, *ко́лютъ*, *о́рютъ*; *ни́жутъ*, *ме́чутъ*, *трепе́щутъ*, *стра́ждутъ*. Само собою разумѣется, что подъ этотъ законъ не подходятъ слова односложныя: *шлютъ*, *ржутъ*.

Послѣ *з*, *г*, *д*, *н* буква *у* можетъ стоять то съ уда-

* Послѣ *ы* только въ устарѣвшемъ глаголѣ *тыютъ*.

** Въ раздѣленіи и номенклатурѣ буквъ здѣсь берется въ основаніе система пр. Павскаго.

реніемъ, то безъ ударенія: *стригу́тъ*, *ля́гутъ*; *веду́тъ*, *ся́дутъ*; *ползу́тъ*, *лѣ́зутъ*; *кивну́тъ*, *ки́нутъ*.

Окончаніе *мутъ* встрѣчается только въ *жмутъ* да въ *имутъ*. Во всѣхъ неупомянутыхъ здѣсь случаяхъ на *утъ* всегда бываетъ удареніе (именно послѣ б, в, к, т и ср).

Примѣта *ятъ* является послѣ гласныхъ *а*, *о* и послѣ согласныхъ, кромѣ *г*, *к*, *х*, *ц*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*; примѣта *атъ* послѣ пяти послѣднихъ буквъ. Мѣсто ударенія не зависитъ здѣсь отъ свойства звуковъ, предшествующихъ окончаніямъ *атъ* и *ятъ*.

Есть признаки, помощію которыхъ часто можно по первой основной формѣ составлять вторую; такимъ образомъ получается ключъ къ цѣлому спряженію.

Помня, что слогъ *ли* соотвѣтствуетъ окончанію *тъ*, надобно наблюдать, какимъ перемѣнамъ подвергаются предшествующія имъ буквы. Здѣсь могутъ быть четыре случая:

I. Гласная, стоящая передъ *тъ*, не измѣняется и передъ *ли*, напримѣръ, кричатъ—кричали.

II. Она измѣняется передъ *ли*: ждутъ—ждали.

III. Она измѣняется вмѣстѣ съ предъидущею буквой: вяжутъ—вязали.

IV. Она безъ замѣны пропадаетъ: роня*ютъ*—роняли.

Эти четыре случая со всѣми своими ближайшими подраздѣленіями означены на прилагаемой *таблицѣ*. Она представляетъ въ системѣ образцы обѣихъ основныхъ формъ у всѣхъ правильныхъ глаголовъ—что̀ видно въ *первомъ* и въ *третьемъ* столбцѣ. *Второй*, или среднiй, показываетъ различіе или сходство основныхъ формъ. Наконецъ въ *четвертомъ*, широкомъ столбцѣ опредѣлены или исчислены глаголы, которые по основнымъ своимъ формамъ соотвѣтствуютъ выставленнымъ образцамъ.

Въ числѣ образцовъ помѣщены и такіе глаголы, которымъ подобныхъ нѣтъ въ языкѣ, напримѣръ, *бреютъ—брили*. Въ такомъ случаѣ противъ ихъ цыфры находятся, въ послѣднемъ столбцѣ, только *черточки*. Глаголы неупотребительные вовсе не упомянуты.

Обѣ основныя формы, служа представительницами двухъ различныхъ вѣтвей глагола въ спряженіи, должны быть всегда вмѣстѣ даны. Это тѣмъ нужнѣе, что часть остальныхъ формъ образуется не по *одной* которой нибудь изъ первыхъ, а по той и другой, совокупно взятымъ. Такъ, напримѣръ, самое непрошедшее время хотя и можетъ быть составлено прямо изъ первой основной формы,

по для правильнаго *произношенія* 1-го лица единственнаго числа необходимо знать вторую форму, о чемъ уже было сказано.

4.

Теперь слѣдуетъ опредѣлить, когда во второй основной формѣ слогъ *ли* бываетъ съ удареніемъ и когда безъ ударенія.

1. Онъ требуетъ ударенія, когда между нимъ и предшествующею ему гласною пропущена согласная *т*, находящаяся въ первой основной формѣ: плелѝ, цвѣлѝ (вм. плетли, цвѣтли).

2. Въ случаѣ пропуска буквы *д*, передъ *ли*, надобно замѣчать, при какихъ гласныхъ этому слогу придется стоять: если передъ нимъ случится *ѣ*, *а* или *я*, то *ли* не принимаетъ ударенія; если другая гласная, то принимаетъ. Говорятъ: *велѝ*, *блюлѝ* (вм. ведли, блюдли) и *сѣ̀ли*, *кла̀ли*, *пря̀ли* (вм. сѣдли, кладли, прядли).

Примѣчаніе. Такъ какъ послѣ *е* слогу *ли* иначе не приходится стоять, какъ въ случаѣ пропуска *д* или *т*, то и слѣдуетъ, что при *е* слогъ *ли* всегда бываетъ съ удареніемъ.

3. Когда *ли* стоитъ послѣ буквъ *б*, *з*, *с*, *г* и *к*, и этѣ буквы въ первой формѣ стоятъ *непосредствен-*

но передъ *у*, то *ли* опять требуетъ ударенія: *скребутъ—скреблѝ*, *везутъ—везлѝ*, *несутъ—неслѝ*, *берегутъ— береглѝ*, *текутъ—теклѝ*.

Примѣчаніе 1. Однакожъ, когда гласною въ предъидущемъ слогѣ служитъ буква *и*, *ы*, или *ѣ*, то на нее падаетъ удареніе, а не на *ли*: *стрѝгли*, *гры̀зли*, *лѣ̀зли*, *сѣ̀кли*.

Примѣчаніе 2. Когда передъ *ли* пропущенъ слогъ *ну*, то на *ли* никогда не бываетъ ударенія, послѣ какой бы согласной ни стояло это окончаніе: *зя̀бли*, *мёрзли*, *га̀сли*, *дрòгли*, *блёкли*.

4. Мѣсто ударенія непостоянно въ словахъ: *плыли*, *слыли*, и *кляли*.

5. Во всѣхъ неупомянутыхъ здѣсь случаяхъ, слогъ *ли* бываетъ безъ ударенія, стоитъ ли онъ послѣ гласной или послѣ согласной: *колòли*, *сiя̀ли*, *тёрли*, *сòхли*.

Изъ второй основной формы, множественнаго числа прошедшаго — легко составить и единственное число этого времени для всѣхъ родовъ. Когда передъ *ли* находится гласная, надобно перемѣнять это окончаніе на *лъ* для мужескаго рода, на *ла*: для женскаго на *ло* для средняго *имѣли—имѣлъ* и пр. Когда напротивъ *ли* слѣдуетъ за согласной, то для мужескаго рода единственнаго числа надобно совсѣмъ откинуть этотъ слогъ, а для женскаго и средняго поступить такъ же, какъ въ первомъ случаѣ: *везли—везъ*, *везла* и пр. Глаголы *шли* и *чли*, состав-

ТАБЛИЦА

ПРАВИЛЬНЫХЪ ГЛАГОЛОВЪ ПО РАЗЛИЧІЮ ОСНОВНЫХЪ ФОРМЪ СПРЯЖЕНІЯ.

Первая основная форма.	Отношеніе между обѣими формами.	Вторая основная форма.	Глаголы, которые по основнымъ формамъ подобны выставленнымъ въ 1-мъ и 3-мъ столбцѣ таблицы.
I. ГЛАСНАЯ, СТОЯЩАЯ ПЕРЕДЪ *ТЪ*, НЕ ИЗМѢНЯЕТСЯ ПЕРЕДЪ *ЛИ*.			
1. слы́шатъ	а = а	1. слы́шали	1. Такихъ глаголовъ не много: *визжа́ть, держать, дребезжа́ть, дрожа́ть; дыша́ть, пыша́ть**, *крича́ть, молча́ть, мча́ть, рыча́ть, стуча́ть; пища́ть; треща́ть.* * Отъ *дышать* и *пышать* надобно отличать *дышуть* и *пышуть*, у которыхъ 2-я форма: *дыхали, пыхали.*
2. стоя́тъ	я = я	2. стоя́ли	2. *боятся.*
3. дви́нутъ 4. со́хнутъ	у = у	3. дви́нули 4. `со́х(ну)ли	3. Глаголы на *нуть* будущаго времени, также *гнуть, льнуть, тонуть; тянуть.* 4. Глаголы на *нуть*, когда означаютъ состояніе или переходъ въ него. Когда они употребляются съ предлогомъ, то слогъ *ну* во 2-й формѣ обыкновенно опускается. Того же непремѣнно требуютъ глаголы *стануть* и *дѣнуть*, см. 36.
II. ГЛАСНАЯ, СТОЯЩАЯ ПЕРЕДЪ *ТЪ*, ИЗМѢНЯЕТСЯ ПЕРЕДЪ *ЛИ*.			
5. глядя́тъ 6. кища́тъ	я, а = ѣ	5. глядѣ́ли 6. кишѣ́ли	5. Такихъ глаголовъ не много; они, по большей части, средніе и означаютъ: а, состояніе духа или тѣла: *бдять, боля́ть, вися́ть, корпя́ть, летя́ть, свербя́ть, сидя́ть, скорбя́ть, смердя́ть, терпять;* б, звукъ или свѣтъ, при дѣйствіи непроизвольномъ: *блестя́ть, горя́ть, гремя́ть, гудя́ть, звеня́ть, кипя́ть, пыхтя́ть, сопя́ть, храпя́ть, хрустя́ть;* в, дѣйствіе органа зрѣнія: *зрять, видять, глядять, смотрять.* Сверхъ того глаголы: *шумя́ть, свистя́ть, веля́ть, вертять.* (Глаголы 1-го подраздѣленія (на *ать*) много имѣютъ сходства съ этою породой. У нихъ *а* появляется вмѣсто *ѣ*.) 6. ———
7. браня́тъ 8. тѣшатъ	я, а = и	7. брани́ли 8. тѣ́шили	7 и 8. Всѣ неисчисленные выше глаголы на *ять* и *ать*.
9. ко́лютъ	ю = о	9. коло́ли	9. *Полють, борють, порють. Ме́лють—моло́ли.*
10. ча́ютъ 11. сѣ́ютъ 12. бле́ютъ 13. чу́ютъ	ю = я	10. ча́яли 11. сѣ́яли 12. бле́яли 13. чу́яли	10. Глаголы на *а́ють*, только изъ двухъ слоговъ состоящія, кромѣ *зна́ють*, см. 29. 11. *Вѣють, дѣють,* (за)*тѣють, рѣють, лелѣють.* 12. *Вопі́ютъ, смѣются.* 13. ———
14. даю́тъ	ю = ва	14. дава́ли	14. Глаголы на *аютъ* (съ удареніемъ на *ю*).
15. глаго́лютъ 16. сте́лютъ 17. рвутъ 18. беру́тъ	ю = а у = а	15. глаго́лали 16. ста́ли 17. рва́ли 18. бра́ли	15. *Шлютъ (слали), орють.* 16. ——— 17. *Врутъ, ждуть, лгуть, ржуть, ткуть, сосу́ть* и *стонуть.* 18. *Деру́ть, зову́ть.*
III. ГЛАСНАЯ, СТОЯЩАЯ ПЕРЕДЪ *ТЪ*, ВМѢСТѢ СЪ ПРЕДЪИДУЩЕЮ ИЗМѢНЯЕТСЯ ПЕРЕДЪ *ЛИ*.			
19. бре́ютъ 20. мо́ютъ 21. поютъ	ею = и ою = ы ою = ѣ	19. бри́ли 20. мы́ли 21. пѣли	19. ——— 20. *Во́ють, кро́ють, но́ють, ро́ють.* 21. ———
22. дару́ютъ 23. ночу́ютъ 24. воюютъ	ую = ова ую = ева юю = ева	22. дарова́ли 23. ночева́ли 24. воева́ли	22 и 23. Всѣ на *уютъ*, кромѣ: *чуютъ*, см. 13, и (об)*уютъ*, см. 32. *Уютъ* послѣ *ж, ч, ш, щ,* перемѣняется во 2-й формѣ на *евали.* 24. Всѣ на *юють.*
25. дре́млютъ	лю = а	25. дрема́ли	25. Всѣ на *млють, блють* и *плють.*
26. рѣжутъ	жу = за и т. п.	26. рѣзали	26. Всѣ на *жуть, шуть, чуть* и *щуть*; при чемъ *ж* перемѣняется на *з, г* или *д; ш* на *с* или *х; ч* на *к* или *т; щ* на *т, ст* или *ск;* сверхъ того *жаждуть—жаждали, страждуть—страдали.*
27. жмутъ 28. мнутъ	му) ну) = я, а	27. жа́ли 28. мя́ли	27. *Имутъ* (примутъ)—*яли* (приняли). 28. *Жнуть,* (рас)*пнуть,* (на)*чнуть.*
IV. ГЛАСНАЯ, СТОЯЩАЯ ПЕРЕДЪ *ТЪ*, БЕЗЪ ЗАМѢНЫ ПРОПАДАЕТЪ ПЕРЕДЪ *ЛИ*.			
29. жела́ютъ	аю = а	29. жела́ли	29. Всѣ на *а́ють*, когда въ этой формѣ болѣе двухъ слоговъ; также *зна́ють*, см. 10.
30. гуля́ютъ 31. владѣ́ютъ 32. ду́ютъ	яю = я ѣю = ѣ ую = у	30. гуля́ли 31. владѣ́ли 32. ду́ли	30. Всѣ на *яють.* 31. Всѣ на *ѣють*, кромѣ показанныхъ противъ 11. 32. (*Об*)уютъ.
33. гніютъ 34. льютъ	ію, ью = и	33. гни́ли 34. ли́ли	33. *Почіють.* 34. *Бьють, вьють, пьють, шьють.*
35. плыву́тъ	ыву = ы	35. плы́ли	35. *слыву́тъ, живу́ть.*
36. ста́нутъ	ану = а (ѣну = ѣ)	36. ста́ли	36. *дѣнуть.*
37. трутъ	ру = р	37. тёрли	37. *мруть, пруть,* (про)*струть.*
38. гребу́тъ 39. грызу́тъ 40. весу́тъ	бу = б зу = з су = с	38. гребли́ 39. гры́зли 40. несли́	38. *скребу́ть.* 39. *везу́ть, лѣзуть, ползу́ть.* 40. *пасу́ть, трясу́ть.*
41. кладу́тъ 42. веду́тъ 43. цвѣту́тъ	аду = а еду = е ѣту = ѣ	41. кла́ли 42. вели́ 43. цвѣли́	41. *кра́дуть, паду́ть, пряду́ть* 42. *бреду́ть, блюду́ть.* 43. Всѣ глаголы на *туть.*
44. берегу́тъ 45. теку́тъ	гу = г ку = к	44. берегли́ 45. текли́	44. Всѣ на *гуть*, кромѣ *лгуть* } см. 17. 45. ——— *куть*, —— *ткуть* }

Примѣчаніе. 1 (О мѣстѣ ударенія во 2-й основной формѣ):

Въ глаголахъ противъ цыфръ 3, 4, 10—13, 29—32, стоящихъ, удареніе во 2-й основ. формѣ остается на томъ же мѣстѣ, какъ въ первой.

Въ глаголахъ противъ цыфръ 9, 14, 20, 22—24, 35 удареніе во 2-й формѣ опредѣляется по образцамъ, выставленнымъ подъ тѣми же цыфрами. Когда въ глаголахъ на *уютъ* удареніе подъ предъидущимъ слогомъ, то оно и во 2 й формѣ удерживаетъ это мѣсто: *вѣруютъ, вѣровали.*

Правила, какъ опредѣлять мѣсто ударенія въ послѣднихъ четырехъ подраздѣленіяхъ (37—45), объяснены въ статьѣ.

Въ прочихъ подраздѣленіяхъ удареніе означено для обѣихъ формъ, по методѣ, изложенной въ концѣ статьи; почему надъ нѣкоторыми глаголами вовсе не видно ударенія.

— — — — 2. Есть нѣсколько глаголовъ, у которыхъ нарушается правильность отношенія между обѣими основными формами. Таковы *спять, спали; гонять, гнали; ревуть, ревѣли; ѣдуть, ѣхали; сядуть, сѣли* и немногіе другіе. Для такихъ глаголовъ, впрочемъ правильныхъ, надобно бы составить особенную таблицу.

ляютъ только видимое исключеніе; у нихъ передъ *ли* пропущена гласная, которая въ муж. родѣ един. числа необходима: форма *шли*, *чли* явилась вмѣсто *шели*, *чели* (ср. вели, мели).

Важно знать, когда на *ла* и *ло* становится удареніе. Это бываетъ вообще, когда во множественномъ числѣ удареніе на *ли*. Тогда и въ единственномъ числѣ муж. рода оно остается на послѣднемъ слогѣ: *береглѝ*, *береглà*, *берегло́*, *берёгъ*.

Сверхъ того окончаніе женскаго рода единственнаго числа любитъ принимать удареніе, когда форма прошедшаго состоитъ только изъ двухъ слоговъ: *рвалà*, *былà*, *лилà* (хотя во множественномъ числѣ *рвàли*, *бы́ли*, *ли́ли*). Впрочемъ въ этомъ случаѣ нѣтъ постояннаго правила, и иногда въ глаголахъ, вообще сходныхъ по спряженію, удареніе въ женскомъ родѣ единственнаго числа прошедшаго времени становится различно. Говорятъ, напримѣръ, *вилà*, *лилà*, и *би́ла*, *ши́ла* — вѣроятно, чтобы рѣзче отличить эти слова отъ *былà*, *жилà*.

Что касается до *средняго* рода единственнаго числа, то онъ только тогда принимаетъ постоянное удареніе, когда множественное число и женскій родъ единственнаго согласны въ этомъ отношеніи; въ противномъ случаѣ онъ, какъ бы въ оправданіе своего имени, остается *неутральнымъ*, соображаясь

то съ тѣмъ, то съ другимъ, смотря по обстоятельствамъ. Говорятъ: *бра̀ло* и *брало́*, *жи́ло* и *жило́*. То же замѣчается часто и въ прилагательныхъ: *тёмно* и *темно́*, *бѣло* и *бѣло́*.

Стоя послѣ гласной, слоги *ла* и *ло* не иначе могутъ принимать удареніе, какъ когда глаголъ, имѣя въ формѣ прошедшаго только два слога, принадлежитъ къ образцамъ 17-у (кромѣ *ржа̀ли*), 18-у, 33-у, 34-у (кромѣ *би́ла* и *ши́ла*) и 35-у (смотри таблицу). *

Стоя послѣ согласной, *ла* и *ло* въ припятіи или непринятіи ударенія всегда соображаются съ множественнымъ числомъ того же времени, то есть со второю основною формой.

Замѣчательно, что когда глаголъ соединяется съ мѣстоименіемъ *ся* или *сь* и форма прошедшаго состоитъ опять *изъ двухъ слоговъ*, то удареніе должно быть на послѣднемъ всякій разъ, когда оно на *ла* въ женскомъ родѣ. Отъ того изъ *рва̀ли* получаемъ *рвали́сь*, *рвался́* (*рвала̀*), изъ *бра̀ли—брали́сь*, *брался́ (брала̀)*. Даже и появленіе лишняго слога (предлога) въ началѣ не измѣняетъ этого закона: *жили—разжили́сь, разжился́*, (жила̀).

* Къ нимъ надобно еще отнесть форму сложныхъ глаголовъ: *взяла́* и *начала́*.

Примѣчаніе 1. Когда *ся* не сокращается въ *сь* послѣ *ли, ла, ло*, то удареніе естественно не можетъ стоять на послѣднемъ слогѣ, потому что тутъ нарушается основное условіе закона, двусложность формы (простой, т. е. несоединенной съ предлогомъ).

Примѣчаніе 2. Когда въ мужескомъ родѣ передъ *ся* не *л* а другая согласная, то удареніе не переходитъ на *ся: берёгся, увлёкся* (хотя *береглà , увлекла*); однакожъ говорятъ *оперся́.*

Безъ всякой видимой причины глаголъ *родили* охотно принимаетъ удареніе и на послѣдній изъ своихъ *трехъ* слоговъ, а въ женскомъ родѣ ед. ч. даже и не допускаетъ его на другое мѣсто. Но когда присоединится предлогъ, то во всѣхъ родахъ обоихъ чиселъ ударенію свойственно стоять на предпослѣднемъ слогѣ: возродѝлась,—лось, лись.

Въ словахъ *мерли* и *перли* (особливо въ первомъ) и удареніе такъ нерѣшительно, что переходитъ почти на всякій присоединившійся къ нимъ предлогъ, а при появленіи возвратной формы, на *ся* въ мужескомъ родѣ: *у́мерли, зàперли, оперся́.* Даже въ прошедшемъ дѣепричастіи глаголовъ *перли* и *терли*, когда они употребляются съ предлогомъ , удареніе переходитъ на слогъ *ши*, чего не бываетъ, кажется, ни въ какомъ другомъ случаѣ: *отершѝ* , *отершѝсь*, (развѣ еще въ *облекшѝсь**).

* Пр. Павскій замѣчаетъ: «у нынѣшнихъ писателей не рѣдко встрѣчается глагольное нарѣчіе *отеревъ* вмѣсто *отерши.* По ка-

Когда въ единственномъ числѣ мужескаго рода прошедшаго времени гласною передъ окончаніемъ служитъ буква *е*, то она всегда выговаривается какъ *ё* въ глаголахъ, у которыхъ во 2-й основной формѣ удареніе на *ли*: *нёсъ*, *влёкъ*, *мёлъ*, а иногда и въ тѣхъ, у которыхъ *ли* безъ ударенія: *блёкъ*, *мёрзъ* (по *помёркъ*, *исчёзъ*).

Буква *ѣ* въ этой формѣ также произносится какъ *ё*, когда во множественномъ числѣ удареніе на *ли*; такъ говорятъ: *цвёлъ*, *обрёлъ* (вмѣсто *цвѣлъ*, *обрѣлъ*) и напротивъ: *имѣлъ*, *лѣзъ*, *сѣкъ*, *ослѣпъ*.

Очевидно, что звукъ *ёлъ* въ прошедшемъ времени (пишется ли онъ *елъ* или *ѣлъ*) всегда составляетъ вѣрную примѣту глаголовъ, у которыхъ первая основная форма оканчивается на *дшь*, *тшь*, а 2-ая на *ли*, съ пропускомъ *д* или *т* (обрёлъ, цвёлъ).

5.

Когда извѣстны обѣ основныя формы, то по нимъ легко составить и неопредѣленное наклоненіе.

кому это праву?» Прибавимъ, что эта ошибка попадается не только у нынѣшнихъ, но и у старинныхъ писателей; такъ Херасковъ въ концѣ 2-й пѣсни *Россіяды* говоритъ:

«Слезъ капли *отерозъ*, взглянулъ на мечъ, на войска.»

Имѣя въ виду первоначальное окончаніе его на *ти*, можно сказать, что это наклоненіе только тѣмъ отличается отъ второй основной формы, что вмѣсто буквы *л* имѣетъ *т* перед буквою *и*. Что же касается до этой гласной, то она очевидно таже въ неопредѣленномъ наклоненіи и во второй основной формѣ: это доказывается одинаковымъ въ обоихъ случаяхъ свойствомъ буквы *и* въ отношеніи къ ударенію, и если она при всемъ томъ рѣдко слышится въ неопредѣленномъ наклоненіи, то это происходитъ отъ того, что буква *и* послѣ *т* сокращается въ *ь* — всегда, когда она *безъ ударенія*, а при извѣстныхъ условіяхъ и тогда, когда она *съ удареніемъ*.

Итакъ вотъ общія правила образованія неопредѣл. наклон. изъ второй основной формы:

1) *ли* безъ ударенія или съ непостояннымъ удареніемъ перемѣняется на *ть*: жда*ли*, жда*ть*; плы*лѝ* или плы̀*ли*–плы*ть*.

2) *ли* съ удареніемъ перемѣняется на *ти*: нес*лѝ*–нес*тѝ*; рос*лѝ*–рос*тѝ*.

При обоихъ этихъ случаяхъ встрѣчаются слѣдующія частности:

3) Когда между *ли* и предъидущею *согласною*

пропущенъ слогъ *ну*, то онъ возстановляется передъ *ть*, мерз*ли* (мерз*нули*)-мерз*нуть*.

Примѣчаніе. Въ глаголахъ *дѣнуть* и *стануть* слогъ *ну* не можетъ требовать возстановленія въ неопредѣл. накл.; онъ является только въ первой основной формѣ, во второй же слѣдовательно и въ неопр. накл., никогда стоять не можетъ.

4) Когда между *ли* и предъидущею *гласною* пропущена буква *д* или *т* (что означается по 1-й основной формѣ), то она передъ *ть* или *ти* также возстановляется, но съ превращеніемъ въ *с:*

кра́ли (кра́*дли*)-кра*дть*-кра*сть*.

цвѣлѝ (цвѣ*тлѝ*)-цвѣ*ттѝ*-цвѣ*стѝ*.

Примѣчаніе 1. Буква *б* также перемѣняется на *с* передъ *ти: гребли́—грестѝ.*

— — *2.* Вмѣсто окончанія *сти* можно употреблять и сокращенное *сть* послѣ гласныхъ *е* и *ѣ: несть* вмѣсто *нестѝ; обрѣсть* вмѣсто *обрѣстѝ* (вмѣсто чес*ти* всегда говорятъ *честь**). Послѣ другихъ гласныхъ это не позволяется: нельзя сказать пас*ть* вмѣсто пас*ти́*, рос*ть* вмѣсто рос*тѝ*, блюс*ть* вм. блюс*тѝ* и т. п. По крайней мѣрѣ подобныя сокращенія не употребительны (однакожъ изрѣдка говорятъ *трясть*, *ползть*).

— — *3.* Вмѣсто *ть*, соотвѣтствующаго слогу *ли* безъ ударенія, никогда нельзя ставить *ти́*: гры*зть*, *лѣзть*. И такъ мѣсто ударенія во второй основной формѣ показываетъ, когда не-

* Во 2-й основной формѣ *чли* опущено *ет* передъ *ли*: изъ *четли* выходитъ неопредѣленное наклоненіе *четти=чести*.

опредѣленное наклоненіе должно оканчиваться на *ти* и когда на *ть**.

5) Когда *ли* стоитъ послѣ *г* и *к* и ничего передъ нимъ не пропущено, то вмѣсто *гти* и *кти* является въ церковнословенскомъ языкѣ окончаніе *щи* (*шти*) которое у насъ всегда сокращается въ *чь*:

стереглй—стерещй—стеречь,

влеклй—влещй—влечь.

Примѣчаніе 1. Окончаніе *щи* въ церковнословенскомъ языкѣ всегда носитъ удареніе, даже и тогда, когда его нѣтъ надъ *ли* во 2-й основнойформѣ: *сѣкли, сѣщй; стригли стрищй.* Сравненіе Русскаго языка съ другими Словенскими нарѣчіями въ этомъ случаѣ подтверждаетъ, что мы не должны считать неопредѣленнаго накл. за основную форму. Изъ *сѣкли, стригли*— Малороссіяне правильно образовали *сѣкти, стригти;* у насъ же особенность этихъ глаголовъ сохранилась только во множественномъ ч. прошедш. времени. Ту же особенность замѣчаемъ въ глаголахъ: *грызли, лѣзли* (удареніе на *ы* и на *ѣ*, а не на *ли*).

— — *2.* Въ глаголахъ *жгли* и *толкли* неопредѣленное наклоненіе не могло образоваться безъ помощи вставныхъ гласныхъ *е* и *о*: *жечь, толочь.*

6) Когда *ти* сокращается въ *ть* или *щй* въ *чь*, то удареніе естественно переходитъ на тотъ слогъ,

* Для объясненія этихъ двухъ случаевъ г. Востоковъ прибѣгаетъ къ помощи церковнословенскаго языка. Указанное здѣсь правило доступне и для того. кто не знаетъ этого языка (ср. Русс. грамм. А. Востокова. изд. 4-тое. стр. 123).

къ которому принадлежитъ окончаніе. Впрочемъ всѣ глаголы, сюда относящіеся, становятся въ такомъ случаѣ односложными. *Беречь*, *стеречь*, *волочь* и *толочь* составляютъ только кажущіяся исключенія, потому что въ этихъ словахъ одна изъ гласныхъ по настоящему не необходима. Въ глаголахъ *тёрли*, (зà)*перли*, (ý)*мерли* вставляется передъ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія гласная *е* съ удареніемъ: *терéть*, (за)*перéть*, (у)*мерéть*.

Избрать второю основною формой неопредѣленное наклоненіе было бы менѣе удобно, потому что изъ него нельзя составлять прошедшаго времени такъ просто и однообразно, какъ наоборотъ по указанному здѣсь способу.

Неопредѣленное наклоненіе несправедливо считать ближайшею къ корню формою глагола. Не всегда именно здѣсь всего явственнѣе виденъ корень его. Напротивъ, онъ чаще удерживается въ изъявит. накл.; иногда онъ сохраняется *только* въ множественномъ числѣ непрошедшаго времени: корни *ѣд*, *дад*, *здад* потерялись во всѣхъ другихъ формахъ глагола, кромѣ въ *ѣдимъ*, *дадимъ*, *здадимъ* (— *те*, — *утъ*). Въ глаголахъ, у которыхъ неопредѣл. накл. оканчивается на *чь*, корень, исказившійся въ этой формѣ, уцѣлѣлъ въ изъявительномъ наклоненіи*. Сверхъ того, до идеи неопредѣленнаго

* Пр. Павскій, признавъ за основную форму глагола неопредѣленное наклоненіе, внесъ однакоже въ § 105 *третьяго разсужде-*

наклоненія можно дойти не иначе, какъ посредствомъ отвлеченія, а отвлеченность—какъ сказалъ очень справедливо п. Павскій, разсматривая имена — отвлеченность безцвѣтна и не имѣетъ въ себѣ ничего живаго и *самостоятельнаго**. Это замѣчаніе для насъ очень важно. Чтобы выразить смыслъ глагола безъ отношенія къ лицу, времени и числу, надобно напередъ ясно понимать его какъ выраженіе дѣйствія, которое въ самой вещи производится, было, или будетъ производимо. На Русскомъ языкѣ только въ *изъявительномъ наклоненіи* вполнѣ осуществляется идея глагола, какъ *спрягаемой* части рѣчи; оно, слѣдовательно, должно по преимуществу заключать въ себѣ и основныя формы глагола. За изъявительнымъ наклоненіемъ слѣдуетъ *повелительное*, какъ форма *полуспрягаемая* (изменяющаяся для 2-го лица множественнаго *числа* и притомъ выражающая обыкновенно будущее *время*). Наконецъ *неопредѣленное* наклоненіе представляетъ всего менѣе принадлежностей глагола, не означая ни времени, ни лица и не будучи способно ни къ какой перемѣнѣ въ этомъ отношеніи**.

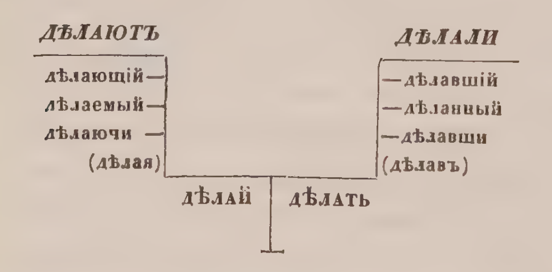
нія разныя замѣчанія, на которыя могу сослаться въ подкрѣпленіе того, что предлагаю.

* Р. II, стр. 271.

** Что касается до такъ называемыхъ *причастій* и *дѣепричастій*, то они, хотя и вмѣщаютъ въ себѣ понятіе о *времени*, однако справедливо отнесены п. Павскимъ къ породѣ *прилагательныхъ* и *нарѣчій*. Сочинитель *Филол. Набл.*, распредѣляя формы глагола, самъ помѣстилъ напередъ глаголъ *въ полномъ видѣ* (т.

Все заставляетъ видѣть въ этомъ наклоненіи форму второстепенную. Какъ само оно въ идеѣ своей есть отвлеченіе отъ изъявительнаго, такъ и признакъ его *ти* не есть ли сокращенный итогъ первой основной формы (*тъ*) и второй (*ли*)? По крайней мѣрѣ гласная *и*, какъ мы показали, та же въ неопредѣленномъ наклоненіи и во 2-й основной формѣ, а буква *л*, какъ бѣглая, легко могла уступить мѣсто другой.

Систему спряженія Русскаго глагола можно объяснить слѣдующимъ изображеніемъ.

Изъ скрытаго *корня* глагола выходитъ стволъ спряженія, раздѣляющійся на *двѣ вѣтви*, и при вершинахъ ихъ выставлены *двѣ основныя* формы, принадлежащія къ двумъ временамъ изъявительнаго наклоненія. По лѣвую сторону дерева означены всѣ видоизмѣненія, образующіяся изъ 1-й основной формы; по правую всѣ, составляющіяся изъ 2-й.

е. въ изъяв. и повелит. накл.), а потомъ уже *неопредѣленное наклоненіе* (Р. II, стр. 11. и 13).

Въ самомъ низу подъ обѣими вѣтвями стоятъ: *полуспрягаемая* и вовсе *неспрягаемая* форма глагола, какъ два особыя *наклоненія*, соотвѣтствующія по производству своему: одно *непрошедшему*, другое *прошедшему* времени изъявительнаго. Между изъявительнымъ и двумя другими наклоненіями стоятъ наконецъ глагольныя *прилагательныя* и *нарѣчія*.

Представленныя здѣсь двѣ вѣтви спряженія соотвѣтствуютъ тому, что п. Павскій назвалъ *двумя половинами* его, принявъ за основаніе первой половины неопредѣленное наклоненіе, а за основаніе второй 1-ое лицо единственнаго числа настоящаго или будущаго времени изъявительнаго наклоненія.

Держась этого же раздѣленія, но принявъ предлагаемыя нами формы за основныя, можно бы систему спряженія представить еще слѣдующимъ образомъ.

<table>
<tr><th colspan="2">Двѣ половины спряженія.</th><th colspan="3">Глаголъ собственно.</th><th colspan="2">Глагольн. прилагательныя (причастія)</th><th>Глагольн. нарѣчія (дѣепр.</th></tr>
<tr><td rowspan="5">Основныя формы.</td><td rowspan="3">1-ая.</td><td colspan="3">Наклоненіе.</td><td colspan="3">Настоящаго времени.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Изъявит.</td><td rowspan="2">Повелит. и (й, ь)</td><td rowspan="2">Дѣйств. щій.</td><td rowspan="2">Страдат. емый (омый, имый)</td><td rowspan="2">я (а), ючи (учи).</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Время.</td><td>Непрошедш. съ св. лицами.</td></tr>
<tr><td rowspan="2">2-ая.</td><td rowspan="2">Прошед. съ св. родами.</td><td rowspan="2">Неопр. ть (ти, чь).</td><td colspan="3">Прошедшаго времени.</td></tr>
<tr><td>Дѣйств. вшій (шій)</td><td>Страдат. ный (тый).</td><td>вши (въ, ши).</td></tr>
</table>

Не всякій глаголъ имѣетъ всѣ показанныя здѣсь формы. Только нѣкоторыя изъ нихъ, именно составляющія *глаголъ собственно*, свойственны всѣмъ глаголамъ (за исключеніемъ безличныхъ, да тѣхъ очень немногихъ, которые по самому значенію своему не могутъ имѣть повелительнаго): это *общія формы* глагола*. Къ нимъ надобно еще причислить дѣйствительныя причастія прошедшія (*шій*) и происходящее отъ него дѣепричастіе. Остальныя формы, которыхъ существованіе зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ, могутъ быть названы *частными*. Таковы именно:

1. Дѣйствительное причастіе настоящее, которое вообще мало употребительно и котораго не бываетъ вовсе, когда въ изъявительномъ наклоненіи нѣтъ настоящаго времени, а есть будущее.

2 и 3. Оба страдательныя причастія 4. Дѣепричастіе	неспособныя являться во многихъ случаяхъ, которыхъ исчисленіе не входитъ въ планъ этой статьи.

Собственно только послѣднія три изъ этѣхъ частныхъ глагольныхъ формъ и представляютъ нѣкоторую трудность въ образованіи своемъ, въ которомъ нерѣдко бываетъ замѣтно какое-то своенравіе

* Нѣкоторые глаголы, сами не имѣя той или другой изъ этѣхъ формъ заимствуютъ ее отъ другаго корня, и такимъ образомъ для идеи спряженіе все-таки полно.

языка. Напротивъ, составленіе *общихъ* формъ, какъ и причастія на *щій*, очень просто, только бы извѣстны были двѣ предлагаемыя здѣсь основныя формы глагола. Для того въ словаряхъ обѣ должны быть выставляемы, и притомъ, когда онѣ слишкомъ не сходны между собою, то два раза; напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ должно написать: *мнутъ, мяли*, а въ другомъ: *мяли*, смотри *мнутъ*. Какая бы форма глагола ни встрѣтилась изучающему Русскій языкъ, онъ легко отъищетъ непонятное ему слово въ такомъ лексиконѣ. Другіе глаголы, какъ напримѣръ *дѣлаютъ*, достаточно помѣщать одинъ только разъ, начиная съ первой основной формы. Въ нѣкоторыхъ можно бы даже ограничиваться одною этою формой; такъ было бы удобно поступить со всѣми глаголами, которые принадлежатъ къ тѣмъ же разрядамъ, какъ во 1-хъ *двинуть—двинули*, во 2-хъ *желаютъ—желали*, въ 3-хъ *бранятъ—бранили* (смотри таблицу, образцы 3, 4, 7, 8, 29—32): ихъ число очень велико. При каждомъ глаголѣ въ словарѣ должно быть непремѣнно означено его *удареніе* въ обѣихъ основныхъ формахъ: важность этого уже показана въ предъидущемъ. Но какъ указывать удареніе обѣихъ формъ, когда выставляется только первая? Это очень легко. Когда удареніе и въ прошедшемъ и въ непрошедшемъ времени постоянно надъ однимъ слогомъ, то его на этомъ мѣстѣ и означать въ первой основной формѣ. Напримѣръ *имѣ́ютъ; ку́шаютъ*; *твердя́тъ* ; *тѣ́шатъ*. Ко–

гда, напротивъ, удареніе перемѣняется, то его вовсе не означать: отсутствіе его уже и будетъ показывать, что оно въ первой основной формѣ стоитъ на предпослѣднемъ слогѣ, а при образованіи второй формы переходитъ на слѣдующій. Глаголы *любятъ*, *судятъ*, напримѣръ, будутъ безъ ударенія, и всякій пойметъ, что здѣсь оно должно стоятъ на гласной, предшествующей буквамъ *б* и *д*: *лю́бятъ*, *су́дятъ*; а во второй основной формѣ на гласной, слѣдующей за этѣми буквами: *люби́ли*, *суди́ли**. Впрочемъ не лучше ли *всегда* выставлять обѣ основныя формы? Это потребуетъ не много болѣе труда и мѣста, а ясность отъ того очень увеличится.

При основныхъ формахъ не излишне было бы въ словарѣ еще означать тѣ формы, которыхъ образованіе можетъ представить затрудненіе, и упоминать о тѣхъ, которыхъ въ объясняемомъ глаголѣ вовсе нѣтъ: означать, напримѣръ, неопредѣленное наклоненіе всякій разъ, когда оно составляется не просто перемѣною *ли* на *ть* или *ти*, а иначе; означать страдательное причастіе настоящее, когда оно образуется непремѣнною *утъ* на *омый*, также упоминать, когда оно глаголу не свойственно, что̀ бываетъ очень часто, и проч. Само собою разумѣется, что объ отсутствіи той или другой формы нѣтъ надобности замѣчать, когда причина его заключается

* Это правило соблюдено въ приложенной таблицѣ основныхъ формъ глагола (см. 4-й столбецъ).

въ самомъ внутреннемъ свойствѣ глагола, напримѣръ, объ отсутствіи страдательныхъ причастій при среднихъ глаголахъ. Разумѣется также, что глаголы безличные потребовали бы отступленія отъ предлагаемаго здѣсь способа означать основныя формы глагола. Равнымъ образомъ, такъ называемые *многократные* глаголы слѣдовало бы ставить только во 2-й основной формѣ, потому что у нихъ нѣтъ ни настоящаго, ни будущаго: *читывали.* Въ такомъ видѣ глаголы этого рода получили бы свое истинное выраженіе, потому что ихъ неопредѣленное наклоненіе, въ которомъ они по общему способу обыкновенно означаются, очень мало употребительно. Впрочемъ граголa въ этомъ видѣ можно бы и совсѣмъ не выставлять особо (ср. п. Павскаго, *P.* III, стр. 228). При неправильныхъ же глаголахъ надобно бы вообще показывать тѣ формы, въ которыхъ они уклоняются отъ общихъ законовъ. Такая метода, кажется, уменьшила бы го затрудненіе, въ какомъ лексикографы наши всегда находятся, когда дѣло дойдетъ до глаголoовъ, и которое еще Фонъ-Визину дало поводъ сказать въ письмѣ къ Козодавлеву о планѣ Россійскаго словаря: «Академія нынѣ рѣшилась *ставить глаголы въ первомъ лицѣ настоящаго времени; ибо многіе разное знаменооаніе имѣющіе глаголы одинаково пишутся въ неопредѣленномъ, напримѣръ жну, жать, и жму, жать**.

* Слова, курсивомъ напечатанныя, сказаны Фонъ-Визинымъ по ложному до него дошедшему слуху.

Не понимаю, почему глаголы такъ ставить должно было; увѣренъ я напротивъ того, что въ нашемъ языкѣ весьма мало сыщется глаголовъ, подобныхъ *жну, жать, жму, жать.* Противъ каждаго изъ нихъ берусь выставить другой, который, имѣя разное знаменованіе, пишется въ первомъ лицѣ одинаково, напримѣръ: *лазить, лажу,* и *ладить, лажу; пѣть, пою, поить, пою».* Замѣчаніе Финъ-Визина очень справедливо. Съ принятіемъ 3-го лица множественнаго числа непрошедшаго времени за главную основную форму прекратится всякая двусмысленность въ указаніи: *ладятъ* и *лазятъ, поютъ* и *поятъ*—самыя опредѣлительныя формы. Для окончательной опредѣлительности надобно бы наконецъ—чего требуетъ и п. Павскій—указывать, къ какой *степени* принадлежитъ глаголъ. Подъ *степенью* нашъ заслуженный филологъ разумѣетъ то, что до сихъ поръ называлось *видомъ* и что у него представлено, съ совершенно новой точки зрѣнія, ясно и убѣдительно. Но въ способѣ означенія при глаголѣ степени его должно бы, въ слѣдствіе сообщенной нами теоріи, отступить нѣсколько отъ предположенія п. Павскаго. Самая форма, въ которой здѣсь предполагается выставлять глаголы 3-й степени *(читывали)*, уже будетъ показывать *эту* степень. Затѣмъ сомнѣніе оставаться можетъ только касательно глаголовъ, имѣющихъ и *непрошедшее* время. Для показанія, что первая основная форма принадлежитъ будущему, всего проще было бы, въ такомъ случаѣ, отличать ее въ ле-

ксиконѣ *особымъ шрифтомъ*, тогда какъ она, означая настоящее время, вездѣ печаталась бы подобно 2-й основной формѣ, то есть шрифтомъ общимъ.

Примѣры: шлютъ, сла̀ли (нѣтъ *дѣепричастія* и *обоихъ прич. наст.*).

слали, см. шлютъ.

ля́гутъ, леглѝ. лечь (нѣтъ 1-го дѣепр. 2-е лёжа; 1-е лицо будущ. *ля́гу*; повел. *лягъ*)*.

легли, см. лягутъ.

бьютъ, бѝли (нѣтъ 2-го *дѣепр.* и *страд. прич. наст.*)

бѝли, см. бьютъ.

Все изложенное даетъ, кажется, полное право заключить, что у правильныхъ глаголовъ Русскаго языка одно только спряженіе**. Законы составленія формъ въ обѣихъ его половинахъ одни и тѣ же для большей части глаголовъ. Правда, нѣкоторыя формы образуются не всегда одинаково; но если, на основаніи несходства одной какой нибудь формы въ двухъ глаголахъ, относить ихъ къ разнымъ спряже-

* Форму *ля́гу* надобно означить, потому что она неправильна по удaренію; на основаніи общаго правила, соображаясь со 2-ю основною формою *леглѝ*, надобно бы говорить *ля́гу́*, такъ, какъ говорятъ *могу́* въ глаголѣ *мо́гутъ—моглѝ*. Подъ 1-мъ дѣеприч. разумѣется оканчивающееся на *чи*, а подъ 2-мъ оканчивающееся на *я (а)*.

** Это призналъ и прот. Павскій (III, стр. 210); но зачѣмъ же онъ въ своей таблицѣ принялъ, подобно другимъ, два спряженія по окончанію 2-го лица единс. числа изъяв. наклон. на *ешь* или *ишь*?

ніямъ, то не было бы конца категоріямъ, и дѣло запуталось бы еще болѣе. Можно только сказать, что, по отношенію между первой основной формой и второю, Русскіе глаголы раздѣляются на нѣсколько разрядовъ, которые мы показали.

Что касается до прочихъ производныхъ формъ глагола, о которыхъ здѣсь не было рѣчи, то обыкновенныя правила составленія ихъ нѣсколько измѣнятся въ слѣдствіе всего сказаннаго — найти этѣ правила не трудно, они вообще очень просты. Только мѣсто ударенія не всегда легко опредѣлить: отъ чего надобно говорить *лёжа*, *стóя* отъ *лежáть*, *стоя́ть* и—*смотря́* отъ *смóтрять*? отъ чего произносятъ: *изру́бленъ* и *влюблёнъ*, когда говорятъ одинаково: *ру́бятъ*, *рубúли*; *лю́бятъ*, *любúли*? Вотъ къ чему относилось сдѣланное прежде замѣчаніе, что въ частныхъ формахъ глагола обнаруживается нѣкоторая прихотливость языка.

Представляя этѣ мысли на судъ изслѣдователей Русскаго языка, я не выдаю изложенныхъ замѣчаній за трудъ окончательный: многое въ нихъ, можетъ быть, не доказано, другое могло бы быть выражено лучше. Кто согласится со мною, тотъ легко додѣлаетъ работу мою; кто не согласится, тотъ все-таки найдетъ здѣсь, можетъ статься, нѣсколько матерьяловъ для болѣе совершенной теоріи. Въ заключеніе не лишнимъ считаю

прибавить, что подъ основными формами отнюдь не разумѣю коренныхъ или первоначальныхъ: корень глагола часто ни въ одной формѣ не является совершенно чистымъ. Но въ разсмотрѣнныхъ формахъ надобно, кажется, признать самое полное и самое явственное развитіе обѣихъ вѣтвей, на которыя раздѣлялся Русскій глаголъ въ своемъ спряженіи: по крайней мѣрѣ, ни въ какой другой формѣ каждое изъ этѣхъ двухъ направленій не выразилось такъ опредѣлительно и характеристически, какъ въ тѣхъ, которыя я принялъ за основныя. Съ другой стороны, всякая форма глагола есть непремѣнно результатъ либо того, либо другаго направленія, либо обоихъ вмѣстѣ, и вотъ почему я нахожу указаніе обѣихъ формъ необходимымъ для спряженія. Но когда достаточно одной изъ нихъ для означенія только идеи глагола, то можно употреблять то 1-ую, то 2-ую, смотря по надобности. Корень глагола часто бываетъ лучше виденъ въ 1-й, напр. *вед*-утъ, *жм*-утъ, порода же глагола, въ отношеніи къ залогу и къ другимъ внутреннимъ отличіямъ, виднѣе во 2-й формѣ; наприм. глаголы на *и* по большой части дѣйствительные: люб*и*-ли: воз*и*-ли; на *ѣ* оканчиваются преимущественно средніе: скорб*ѣ*-ли; худ*ѣ*–ли. Когда хочешь только вообще означить глаголъ, безъ всякаго посторонняго намѣренія, то почему не приводить его и въ неопредѣленное наклоненіе?

Я. Гротъ.

НОВАЯ СИЛА, ОБЪЯСНЯЮЩАЯ ЯВЛЕНІЯ, ОБЫКНОВЕННО ПРИПИСЫВАЕМЫЯ ЖИВОТНОМУ МАГНИТИЗМУ.

Ежели магнитомъ, подымающимъ до 8-ми фунтовъ, проводить по тѣлу 15-ти или 20-ти человѣкъ, то между ними почти всегда найдутся такіе, на которыхъ магнитъ дѣйствуетъ особеннымъ, весьма замѣчательнымъ образомъ. Число такихъ людей, чувствительныхъ къ дѣйствію магнита, или магнито-раздражительныхъ вообще гораздо болѣе, нежели какъ мы обыкновенно думаемъ; можетъ быть, 5-й или 6-й человѣкъ принадлежитъ къ числу ихъ. При одномъ опытѣ изъ 22 женщинъ, 18 болѣе или менѣе сильно чувствовали дѣйствіе на нихъ магнита.

Трудно описать ощущеніе, производимое магнитомъ: вообще оно скорѣе непріятно, нежели пріятно, и отчасти можно сравнить его съ дѣйствіемъ

то холоднаго, то теплаго вѣтерка. Одни, во время дѣйствія на нихъ магнита, жалуются на дрожь и легкое колотье по всему тѣлу; другіе уподобляютъ это дѣйствіе магнита раздраженію, производимому бѣганіемъ муравьевъ по тѣлу; нѣкоторые наконецъ чувствуютъ головную боль.

Хотя и случается встрѣчать такихъ магнито-раздражительныхъ особъ и между совершенно здоровыми мужчинами; однако обыкновенно ихъ легче встрѣтить между людьми болѣе слабаго сложенія, женщинами, ведущими сидячую жизнь, чаще между слабонервными, и еще чаще между страждущими эпилепсіею, каталепсіею, истерическими припадками и проч. Наконецъ къ числу ихъ принадлежатъ всѣ безъ исключенія лунатики и сомнамбулы. Такимъ образомъ, въ отношеніи чувствительности къ магниту, всѣ люди составляютъ рядъ съ едва замѣтными переходами, въ которомъ первое мѣсто занимаютъ ясновидящіе, а послѣднее совершенно здоровые и сильные люди.

Смотря по мѣсту, занимаемому людьми въ этомъ ряду, и дѣйствіе на нихъ магнита чрезвычайно различно: одни едва замѣчаютъ его; другіе же, отъ дѣйствія его, впадаютъ въ обмороки, судороги, каталептическіе припадки.

Столь значительное различіе въ дѣйствіи магнита

на людей будетъ менѣе удивительно, ежели принять во вниманіе общее чрезвычайное изощреніе чувствъ у всѣхъ нервныхъ больныхъ, и особенно у сомнамбулъ и ясновидящихъ. Вкусъ и обоняніе ихъ дѣлаются чрезвычайно тонкими; нѣкоторыя кушанья, напитки и запахи дѣлаются для нихъ чрезвычайно противными — невыносимыми; слухъ ихъ пріобрѣтаетъ такую силу, что они ясно слышатъ, что̀ говорятъ въ третьей или четвертой комнатѣ; наконецъ зрѣніе изощряется до того, что съ одной стороны они не въ состояніи переносить свѣта свѣчи, а съ другой въ темнотѣ, при которой другіе ничего не видятъ, они не только ясно видятъ формы предметовъ, но и различаютъ цвѣта̀ ихъ. Для тѣхъ, которые не охотно вѣрятъ всему сколько-нибудь чудесному, замѣтимъ, какая огромная разность отъ близорукости городскаго жителя до зоркости номада, отъ обонянія человѣка до чутья собаки. Наконецъ, въ способности кошки, совы и другихъ животныхъ видѣть въ темнотѣ, мы уже давно привыкли не видѣть ничего необыкновеннаго.

Это изощреніе чувствъ нервно-больныхъ людей навело Г. Рейхенбаха на мысль употребить ихъ для рѣшенія нѣкоторыхъ весьма занимательныхъ вопросовъ физики.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Явленія свѣта у полюсовъ и по бокамъ сильныхъ магнитовъ.

Всѣ физическія и метеорологическія наблюденія увѣряютъ насъ, что сѣверное сіяніе есть истеченіе свѣта изъ полюсовъ земнаго шара, обусловливаемое магнитными или электрическими явленіями; посему чрезвычайно любопытно было изслѣдовать, нѣтъ ли въ магнитѣ какаго-нибудь свѣтоваго явленія, которое бы могло быть замѣчено изощреннымъ зрѣніемъ нервно-раздражительныхъ особъ?

Въ этой мысли и при пособіи Докторовъ Эйзенштейна и Липпиха (Eisenstein и Lippich) Рейхенбахъ предпринялъ рядъ опытовъ надъ нѣсколькими нервно-раздражительными особами, которыхъ имена здѣсь сообщаемъ. 1) Дѣвица Nowotny, 25 лѣтъ. 2) Дѣв. Maix, 25 лѣтъ. 3) Дѣв. Reichel, 29 лѣтъ. 4) Дѣв. Sturmann, 19 лѣтъ. 5) Дѣв. Atzmannsdörfer, 20 лѣтъ.

Чѣмъ любопытнѣе были результаты этихъ нанаблюденій, тѣмъ осторожнѣе должно было поступать при производствѣ ихъ. Почти всѣ изъ поименованныхъ лицъ вовсе незнакомы другъ съ дру-

гомъ, такъ-что соглашеніе между ними было вовсе невозможно. Не полагаясь на это одно, Рейхенбахъ разнообразилъ опыты до безконечности, измѣнялъ положеніе снарядовъ, скрывая это измѣненіе отъ больныхъ — и постоянно показанія ихъ соотвѣтствовали сдѣланному измѣненію, такъ-что не было никакой причины сомнѣваться въ истинѣ этихъ показаній, и мы сообщаемъ ихъ здѣсь всѣмъ тѣмъ, которые готовы всегда принять истину, хотя бы она и противорѣчила преждепринятымъ ими мнѣніямъ.

Прежде всего приведемъ наблюденія надъ свѣтомъ, выходящимъ изъ магнита. Эти опыты были производимы въ совершенной темнотѣ, для нѣкоторыхъ же съ чрезвычайно изощреннымъ зрѣніемъ (Дѣв. Рейхель)—въ полутемнотѣ. Магнитъ былъ употребленъ подковообразный, состоящій изъ 9 пластинъ и могущій подымать до 100 фунтовъ вѣсу. Всѣ лица, подвергнутыя опыту, единогласны въ своемъ показаніи — въ томъ, что изъ полюсовъ магнита выходитъ свѣтъ. Дѣв. Рейхель, отличавшаяся наибольшею точностью и опредѣлительностію своихъ показаній, начертила рисунокъ этаго магнитнаго пламени, хотя и сожалѣла, что не можетъ сдѣлать его совершенно точнымъ.

По ея показанію, магнитное пламя примѣрно такъ же высоко, какъ самый магнитъ (10 дюймовъ), но нѣсколько шире его. Изъ каждаго усту-

па, образуемаго пластинками, вытекаютъ меньшіе пучки пламени, нежели изъ главной средней пластинки. Эти меньшіе пучки пламени — синіе, главное же пламя — бѣлое, переходящее къ верху въ желтое, красное и наконецъ въ зеленое. Все пламя находится въ безпрестанномъ движеніи, колеблется, переливается и испускаетъ лучи. Между пучками пламени, стоящими надъ разнородными полюсами, незамѣтно никакаго притяженія; между пучками же пламени, выходящими изъ каждой пластинки, замѣтно нѣкоторое отталкиваніе ближе къ серединѣ.

При прямой магнитной полосѣ ($1\frac{1}{2}$ фута длины, $1\frac{1}{2}$ дюйма толщины) вытекали изъ полюсовъ такіе же пучки пламени, какъ и изъ полюсовъ подковообразнаго магнита. Въ обоихъ случаяхъ пламя на каждомъ полюсѣ было одинаково по свойствамъ, по величинѣ же болѣе на сѣверномъ полюсѣ. Положеніе полюсовъ къ странамъ свѣта не имѣло вліянія ни на величину, ни на качество пламени.

Эти явленія свѣта на магнитахъ видѣли всѣ магнито-чувствительные субъекты, подвергнутые опыту. Вся разность показаній ихъ состояла въ томъ, что одни (Дѣв. Рейхель) видѣли пламя въ 10 дюймовъ вышины, а другіе только въ 3 или 4 дюйма. Одни видѣли пламя только на полюсахъ, и ничего не замѣчали, когда подкова была замкну-

та якоремъ; для другихъ же (Дѣв. Рейхель) магнитъ сіялъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, только вездѣ одинаковымъ свѣтомъ. Это различіе показаній, нимало не опровергая истины факта, только удостовѣряетъ въ безпристрастіи и правдивости показаній. Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, что между Дѣв. Рейхель, видѣвшею пламя въ 10 дюймовъ, и между обыкновенными людьми, ничего не видящими на полюсахъ магнита, должны существовать субъекты, наполняющіе этотъ рядъ.

Явленіе свѣта, видимое на полюсахъ магнита, отчасти потеряетъ свою невѣроятность, когда мы вспомнимъ, что свѣтъ солнца, по изслѣдованію Волластона, въ 5560 разъ (по Лесли въ 12.000) сильнѣе свѣта свѣчи; что свѣтъ горящаго спирта, окиси углерода, и особенно чистаго водорода чрезвычайно слабъ, для нѣкоторыхъ едва замѣтенъ. Вспомнивъ все это, мы не найдемъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что этотъ рядъ степеней свѣта не оканчивается свѣтомъ водорода, а идетъ гораздо далѣе, такъ-что есть много родовъ свѣта, невидимыхъ для обыкновеннаго глаза, а постигаемыхъ только изощреннымъ зрѣніемъ, напримѣръ—зрѣніемъ ясновидящихъ, или магнито-чувствительныхъ субъектовъ.

Увѣрившись въ существованіи свѣта у полюсовъ магнита, Рейхенбахъ старался изслѣдовать свойства его. Чрезвычайно интересно было изслѣдовать,

существуетъ ли подобный свѣтъ и при полюсахъ электро-магнита. Съ этою цѣлію Рейхенбахъ употребилъ магнито-электрическую машину, состоящую изъ подковообразнаго магнита и желѣзнаго цилиндра, обвитаго проволокою и могущаго обращаться между полюсами. Самый магнитъ представлялъ тѣ же явленія свѣта, какъ и прежній большой магнитъ, только въ меньшемъ видѣ, такъ-что пламя подъ полюсомъ имѣло видъ иголки. Когда онъ пропускалъ токъ чрезъ проволоку, и когда, слѣдовательно, желѣзный цилиндръ обращался въ электро-магнитъ, онъ начиналъ испускать изъ полюсовъ свѣтъ точно такъ, какъ обыкновенный магнитъ — и это явленіе не исчезало и тогда, когда токъ былъ прерванъ.

Весьма замѣчательно дѣйствіе этаго свѣта электро-магнита на свѣтъ магнита; послѣдній уклонялся отъ перваго, и притомъ такъ ясно, какъ пламя свѣчи отъ паяльной трубки.

Чтобы прямо увѣриться въ реальности свѣта, выходящаго изъ полюсовъ магнита, Рейхенбахъ просилъ Г. Шу (Schuh), очень искуснаго въ опытахъ съ дагеротипомъ, изслѣдовать дѣйствіе этаго магнитнаго свѣта на іодированную серебряную пластинку. Установивъ полюсъ магнита противъ іодированной пластинки, и принявъ всѣ предосторожности отъ внѣшняго свѣта, Г. Шу продолжалъ опытъ въ теченіе 64 часовъ—и, подвергнувъ пластинку дѣй-

ствію ртутныхъ паровъ, нашелъ на ней явное дѣйствіе свѣта.

Съ подобною цѣлію Рейхенбахъ произвелъ опытъ съ большимъ выпуклымъ стекломъ (8 дюймовъ въ діаметрѣ, и 12 дюймовъ фокуснаго разстоянія для свѣчи, стоявшей за стекломъ, въ 20 дюймовъ разстоянія). При опытѣ присутствовали Докторъ Эйзенштейнъ и Механикъ Эклингъ. Пропуская сквозь выпуклое стекло лучи свѣта, вытекавшаго изъ магнита, наблюдатели должны были удалять стекло отъ стѣны, такъ-что разстояніе оказалось въ 54 дюйма, пока изображеніе не приняло наибольшую ясность и наименьшую величину. Не смотря на такую сильную концентрацію магнитнаго свѣта, никто изъ нихъ не могъ замѣтить его. Тѣмъ не менѣе опытъ этотъ былъ для нихъ весьма интересенъ — во 1-хъ потому, что онъ показалъ, что уголъ преломленія этаго свѣта другой, нежели обыкновеннаго, а во 2-хъ этотъ опытъ совершенно увѣрилъ ихъ въ точности показаній Дѣв. Рейхель. Подвигая стекло вправо и влѣво, вверхъ и внизъ, и заставляя Дѣв. Рейхель указывать мѣсто, гдѣ она видитъ фокальное изображеніе магнитнаго пламени, они постоянно находили показанія ея совершенно согласными съ положеніемъ стекла.

Термоскопъ Нобили, поставленный въ магнит-

ный свѣтъ, не показывалъ никакаго возвышенія температуры.

Судя по виду магнитнаго пламени, можно было заключать, что оно не есть простое лучистое истеченіе свѣта, а потому весьма интересно было произвести опыты для изслѣдованія существа его. При повертываніи магнита полюсами внизъ, Дѣв. Рейхель видѣла, что пламя точно такъ же истекаетъ внизъ, какъ прежде вверхъ. Этотъ опытъ даетъ большую вѣроятность предположенію, что это пламя есть нѣчто невѣсомое. Когда дули на это пламя, то оно удалялось, какъ всякое обыкновенное пламя; когда ставили руку въ пламя, то оно огибало ее и пробивалось между пальцами; когда приближали магнитъ къ стеклу, то пламя огибало стекло точно такъ, какъ пламя свѣчи огибаетъ стекло, которое хотятъ закоптить. Эти опыты явно доказываютъ, что явленіе, видимое на полюсахъ магнита, состоитъ изъ *пламени*, которое есть что-то матерьяльное, или по крайней мѣрѣ имѣетъ въ субстратѣ что-то матерьяльное, и изъ *свѣта*, который свободно проходитъ черезъ стекло въ то время, когда пламя огибаетъ его.

Какъ ни удивителенъ фактъ существованія пламени надъ полюсами магнита, но не менѣе чудесенъ другой фактъ, въ которомъ Рейхенбахъ удостовѣрил-

ся опытами съ магнитомъ — именно притяженіе магнитомъ членовъ человѣка.

Во время каталептическихъ припадковъ Дѣв. Новотни, часто приближали къ рукамъ ея магнитъ, который былъ въ состояніи подымать до 25 фунтовъ. При этомъ постоянно замѣчали, что рука Дѣв. Новотни, находившейся въ безчувственномъ состояніи, притягивалась къ магниту, какъ кусокъ желѣза, и слѣдовала за нимъ вправо и влѣво, вверхъ и внизъ — и даже, когда продолжали удалять магнитъ, больная приподымалась такъ далеко, какъ только возможно было. Въ то время, когда проходили каталептическіе припадки, это притяженіе продолжалось, но не такъ сильно, и больная говорила, что она чувствуетъ, что какая-то непреодолимая сила влечетъ руку ея за магнитомъ, и что въ этомъ нѣтъ для нея не только ничего непріятнаго, но напротивъ она чувствуетъ какую-то пріятность, будучи оживляема легкимъ вѣтеркомъ.

Когда вмѣсто магнита въ 25 фунтовъ силы употребляли другой, во 100 ф. силы; то больная конвульсивно схватывала рукой за полюсъ, и только съ большимъ трудомъ можно было разнять ея пальцы; чувство, произведенное на больную этимъ магнитомъ, было очень непріятно. Подобные опыты были производимы съ Дѣв. Рейхель и Штурманъ, и результаты были тѣ же.

Наблюдая, какъ сильно магнитъ притягиваетъ руки извѣстныхъ больныхъ, Рейхенбахъ естественно долженъ былъ ожидать, что и обратно руки ихъ должны притягивать магнитъ. Съ цѣлію увѣриться въ этомъ привѣсили магнитъ къ одному плечу коромысла вѣсовъ и уравновѣсили его; но, приближая къ нему руку больной, къ удивленію не замѣтили никакаго стремленія магнита приблизиться къ рукѣ. Равнымъ образомъ рука больной вовсе не притягиваетъ магнитной стрѣлки, какъ бы эта стрѣлка ни была легкоподвижна — нужно только принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы на стрѣлку не дѣйствовали другія, постороннія причины. Погружая руку больной въ желѣзные опилки, также не нашли, чтобы она сколько-нибудь притягивала ихъ. Наконецъ увѣрились и въ томъ, что больные не въ состояніи намагничивать сталь, напримѣръ — вязальныя иголки, держа ихъ въ рукахъ; нужно только, при произведеніи этаго рода опыта, предварительно увѣриться въ томъ, что иголки сами по себѣ не магнитны.

Фактъ, что магнитъ притягиваетъ руки каталептическихъ больныхъ, а руки не притягиваютъ его, представляя странный примѣръ дѣйствія безъ противодѣйствія, казался Рейхенбаху до такой степени невѣроятнымъ и стоящимъ въ противорѣчіи со всѣми извѣстными физическими и механическими законами, что онъ рѣшился принять всѣ мѣры пре-

досторожности при произведеніи опытовъ, и употребить всѣ средства для огражденія себя отъ обмана. Онъ завязывалъ больнымъ глаза, дѣйствовалъ магнитомъ самъ и проч. Изъ числа подобныхъ опытовъ здѣсь приведемъ два. 1) Желая увѣриться въ справедливости показаній Дѣв. Новотни, привѣсили за стѣною противъ головы больной сильный магнитъ (100 ф. силы), замкнувъ его якоремъ. Когда, по данному знаку, якорь былъ оторванъ, больная тотчасъ пришла въ безпокойство, говорила, что она чувствуетъ страданія, производимыя присутствіемъ сильнаго магнита, и удивлялась, не видя его. 2) Г. Баумгартнеръ, присутствовавшій при опытахъ, по окончаніи ихъ, вынулъ большой подковообразный магнитъ — и, объявивъ, что это одинъ изъ самыхъ сильныхъ магнитовъ, поднесъ его къ Дѣв. Новотни; но она объявила, что этотъ магнитъ дѣйствуетъ на нее слабѣе, нежели самые малые магниты. Тогда Г. Баумгартнеръ сказалъ, что этотъ магнитъ есть дѣйствительно одинъ изъ лучшихъ, но что онъ противоположнымъ натираніемъ вовсе лишилъ его магнитизма, желая увѣриться въ точности показаній больныхъ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Кристаллы.

Увѣрившись опытомъ въ томъ, что прежде ка-

залось весьма неправдоподобнымъ, Рейхенбахъ рѣшился отбросить всѣ свои предубѣжденія противъ явленій животнаго магнитизма и изслѣдовать преимущественно тѣ изъ нихъ, которыя казались прежде верьхомъ нелѣпости, напримѣръ—намагничиваніе воды. Видя, что Дѣвицы: Nowotny, Reichel, Sturmann, Maix, Atzmannsdörfer постоянно и безошибочно отличаютъ по вкусу и запаху намагниченную воду отъ ненамагниченной, онъ долженъ былъ принять этотъ фактъ, какъ ни противорѣчилъ онъ предубѣжденіямъ, и какъ ни трудно было объяснить его.

Скоро представился другой, повидимому еще болѣе нелѣпый фактъ: стаканъ намагниченной воды имѣлъ способность притягивать руку Дѣв. Новотни.

Предполагая, что не одна вода обладаетъ такою способностію намагничиваться, Рейхенбахъ принялся магнитить разныя вещи безъ разбора—и дѣйствительно нашелъ, что всѣ онѣ болѣе или менѣе сильно притягивали руку каталептическихъ больныхъ, но часто съ значительными измѣненіями: однѣ производили судороги во всемъ тѣлѣ, другія только въ рукѣ, третьи только въ пальцахъ.

Желая сдѣлать эти опыты болѣе точными, онъ началъ изслѣдывать дѣйствіе этихъ тѣлъ на больныхъ прежде намагниченія. Къ удивленію всѣхъ

оказалось, что нѣкоторые минералы, не будучи намагничены, дѣйствовали на больныхъ, но дѣйствіе ихъ не всегда состояло въ притягиваніи; часто оно ограничивалось тѣмъ, что, когда клали эти минералы на ладонь больныхъ, они судорожно сжимали кулакъ. Сила этаго дѣйствія зависѣла отъ природы употребленнаго минерала и была чрезвычайно различна.

Тщательно сравнивая тѣла и минералы, которые оказывали это дѣйствіе на больныхъ съ тѣми, которые не оказывали его, нашли, что этой силы не имѣли 1) всѣ некристаллическія тѣла, напримѣръ—кость, дерево, янтарь, серебро, кремень и пр., 2) всѣ тѣла зернистаго сложенія, напр.—сахаръ, мраморъ и пр., 3) тѣ окристаллованныя тѣла, въ которыхъ оси кристалловъ имѣютъ различныя противоположныя положенія, напр. — вавеллитъ, натралитъ и пр. Напротивъ одарены были способностью притягивать руки больныхъ и производить въ нихъ судорожныя движенія 1) всѣ отдѣльные кристаллы и 2) группы кристалловъ съ параллельными осями, напр. — целестинъ, гипсъ, тяжелый шпатъ и пр. Особенно дѣйствительными оказались большіе кристаллы кварца, известковаго шпата, аррагонита, турмалина, берилла, гипса, плавиковаго и тяжелаго шпата.

Точнѣе изслѣдывая дѣйствіе кристалловъ, на-

шли, что не всѣ части ихъ одинаково дѣйствуютъ; всего сильнѣе и постояннѣе дѣйствуютъ полюсы главной оси, но нѣсколько различно: изъ однаго полюса вытекаетъ холодный, изъ другаго теплый вѣтерокъ.

Кварцевый кристаллъ въ 8 д. длины и 2 д. толщины дѣйствовалъ съ одинаковою силою, какъ магнитная стрѣлка въ 5 д. длины, которая могла подымать около 2 лотовъ. Кристаллъ же втрое большій дѣйствовалъ какъ магнитъ въ $2^1/_2$ ф. силы. Эти кристаллы производили очень сильное дѣйствіе на нервно-больныхъ; здоровые же люди чувствовали только холодный или теплый вѣтерокъ, когда проводили кристаллъ надъ ладонью.

Всѣ эти опыты показали, что кристаллы дѣйствуютъ на человѣка точно такъ, какъ магнитъ, и потому было интересно изслѣдовать: не дѣйствуютъ ли они и на желѣзо, сталь, магниты, галваническіе токи, подобно магниту? Для этаго рода опытовъ Рейхенбахъ пріобрѣлъ огромный кварцевый кристаллъ въ 8 д. толщины. Погружая его въ желѣзные опилки, онъ не замѣтилъ рѣшительно никакаго притяженія. Весьма легко-подвижную магнитную стрѣлку этотъ кристаллъ вовсе не притягивалъ и не отталкивалъ. Натирая этимъ кристалломъ стальную иголку, не могли сообщить ей ни малѣйшаго магнитизма. Гипсовый кристаллъ, повѣшенный на шел-

ковинкѣ, вовсе не отклонялся отъ дѣйствія на него гальваническаго тока. Вкладывая и вынимая гипсовые или кварцевые кристаллы изъ спирально согнутой проволоки, не могли произвести въ ней самаго слабаго магнито-электрическаго тока.

Привѣшивая подъ стеклянцымъ колоколомъ на шелковинкѣ большіе гипсовые кристаллы (одинъ въ 18 д. длины), не могли замѣтить, чтобы они отъ дѣйствія земнаго магнетизма принимали какое-нибудь опредѣленное положеніе въ отношеніи къ странамъ свѣта. Всякому посѣщавшему рудники вѣроятно извѣстно, что кристаллы не принимаютъ какаго-нибудь положенія въ отношеніи къ странамъ свѣта предпочтительно передъ другимъ. Въ этомъ можно увѣриться и не посѣщая рудниковъ; довольно взглянуть на куски натролита, мезотина, вавелита и пр., въ которыхъ кристаллы расположены во всѣхъ нанаправленіяхъ.

Всѣ эти опыты доказываютъ, что хотя дѣйствія кристалловъ и магнитовъ на животные нервы одинаковы, но дѣйствія ихъ на желѣзо, сталь, магниты. земной магнитизмъ и гальваническіе токи совершенно различны. Изъ всего этаго мы долждвы заключить, что въ *магнитѣ существуютъ двѣ совершенно отдѣльныя силы:* одна та, которая намъ издавна извѣстна подъ именемъ магнитизма и даетъ возможность магниту притягивать желѣзо и маг-

ниты, намагничивать сталь, принимать опредѣленное направленіе отъ дѣйствія земнаго магнитизма, отклоняться отъ дѣйствія гальваническаго тока и пр ; *другая же сила, еще мало изслѣдованная, сообщаетъ магниту способность дѣйствовашь на нервы животныхъ.* Эта вторая сила существуетъ совершенно отдѣльно отъ первой въ кристаллахъ.

Доказавъ такимъ образомъ, что кристаллы одарены силою, дѣйствующею на нервы животныхъ, Рейхенбахъ старался ближе изслѣдовать ее и опредѣлить, не существуетъ ли между этою силою нѣкоторой аналогіи съ другими извѣстными намъ силами природы: магнитизмомъ, электричествомъ и пр. Съ этою цѣлію онъ началъ натирать кристаллами разныя вещи безъ разбора: дерево, бумагу, воду, перчатки, свои руки и пр. Когда онъ клалъ такимъ образомъ натертыя вещи въ руки больныхъ, то они тотчасъ отличали ихъ отъ ненатертыхъ, чувствуя въ рукахъ какую-те теплоту; но не всѣ эти вещи дѣйствовали одинаково сильно: отъ бумаги они едва могли замѣтить нѣкоторую теплоту, другія же вещи почти жли руки. Такимъ образомъ Рейхенбахъ увѣрился, что силу кристалловъ можно переносить на другіе предметы — заряжать ею.

Дальнѣйшіе опыты показали, что для такаго заряжанія не надобно, какъ для намагничиванія

стали, тереть отъ полюса до полюса по всей длинѣ предмета; достаточно было тереть одинъ конецъ, или держать одинъ конецъ нѣкоторое время въ соприкосновеніи съ полюсомъ кристалла, такъ-что въ этомъ отношеніи передача силы кристалловъ представляла болѣе аналогіи съ электризованіемъ, или съ намагничиваніемъ мягкаго желѣза. Но отъ этаго послѣдняго заряжаніе силою кристалловъ представляло то важное отличіе, что для магнитизма желѣзо не имѣетъ никакой задерживательной силы, такъ-что, отнявъ желѣзо отъ магнита, мы его въ ту же минуту лишаемъ всѣхъ магнитическихъ свойствъ, между-тѣмъ какъ сила кристалловъ оставалась въ заряженныхъ ею предметахъ нѣкоторое время, различное по свойству этихъ предметовъ; напримѣръ, бумага почти тотчасъ теряла эту силу, кусокъ фарфора задерживалъ ее около двухъ минутъ, желѣзо около пяти, сталь около десяти, и это былъ самой большой срокъ. Въ существованіи нѣкотораго рода задерживательной силы можно увѣриться еще и тѣмъ, что вещь, по которой проводили одинъ разъ концемъ кристалла, дѣйствовала на нервы слабѣе, нежели когда проводили по ней тѣмъ же кристалломъ нѣсколько разъ; но, натирая вещь въ продолженіе минуты, заряжали ее до насыщенія: кристальная сила дѣлалась равною задерживательной — и дальнѣйшаго усиленія не могли произвести, какъ бы долго ни натирали. Желая преслѣдовать далѣе аналогію между этою силою кристалловъ и магнетизмомъ или

электричествомъ, Рейхенбахъ старался изслѣдовать, проходитъ ли она черезъ всѣ тѣла безразлично, подобно магнитизму, или для нея существуютъ проводники, подобно какъ для электричества. При опытахъ этаго рода онъ нашелъ, что сила кристалловъ проходитъ черезъ всѣ тѣла, но въ различной степени: такъ, напримѣръ, бумага, шерсть, дерево задерживаютъ эту силу на нѣкоторое время, а послѣ пропускаютъ, но значительно уменьшивъ напряженіе ея; мраморъ и фарфоръ не многимъ лучше проводятъ ее; шелкъ и стекло суть совершенные проводники; металлы пропускаютъ эту силу не только тогда, когда до нихъ прикасаются кристалломъ, но и тогда, когда его значительно приближаютъ къ нимъ.

Электричество, возбуждаемое въ кристаллахъ посредствомъ нагрѣванія, напримѣръ, въ турмалинѣ, борацитѣ и пр. не оказывало никакаго замѣтнаго дѣйствія на нервы животныхъ.

Выше были описаны чудныя явленія свѣта и пламени, замѣчаемыя нервно-раздражительными особами надъ полюсами магнита. Увѣрившись теперь, что, въ дѣйствіи на нервы животныхъ, кристаллы тожественны съ магнитами, Рейхенбахъ съ вѣроятностію заключалъ, что и кристаллы испускаютъ подобные же свѣтъ и пламя. При опытахъ этаго рода онъ дѣлалъ комнату совершенно темною, и употреблялъ преимущественно большой кварцевый кристалъ въ 8

дюймовъ толщины. Дѣвицы Sturmann, Reichel, Maix и Atzmannsdörfer, подвергнутыя этому опыту, всѣ увѣряли, что онѣ ясно видятъ надъ полюсомъ кристалла пучекъ пламени и свѣтъ, подобные тѣмъ, которые они замѣчали на магнитныхъ полюсахъ, отличающіеся только болѣе синимъ цвѣтомъ, между-тѣтъ какъ въ магнитномъ пламени болѣе замѣтны цвѣта желтый и красный. По описанію Дѣв. Sturmann это пламя имѣетъ видъ цвѣтка или пламени свѣчи, величиною дюйма въ 3 или 4; оно, какъ и магнитное пламя, находится въ безпрестанномъ колебаніи и дрожаніи, и также озаряетъ вокругъ себя значительное пространство, примѣрно фута въ 3 въ радіусѣ. Дѣв. Reichel, которой зрѣніе болѣе другихъ изощрено, замѣчала пламя не только на большомъ кварцевомъ кристаллѣ, но и на гораздо меньшихъ, преимущественно на плавиковомъ и тяжеломъ шпатѣ. Въ большомъ же кристаллѣ кварца она видѣла не только пламя на вершинѣ его, но и во всей внутренности замѣчала особую игру свѣта.

Принявъ существованіе пламени и свѣта надъ полюсами кристалловъ за доказанный фактъ, намъ будетъ уже гораздо легче объяснить тѣ странныя явленія свѣта, которыя издавна были замѣчены при разрушеніи или образованіи кристалловъ, напримѣръ, при раскалываніи сахару, при кристаллизаціи нѣкоторыхъ солей и пр. Явленія эти давно уже были замѣчены; но за неимѣніемъ лучшаго

объясненія приписывали этотъ свѣтъ электричеству, не смотря на то, что, по опытамъ H. Rose, электроскопъ, погруженный въ кристаллизирующійся растворъ, не показываетъ ни малѣйшаго отдѣленія электричества. Теперь гораздо легче будетъ объяснить это явленіе, принявъ, что оно производится кристаллическою силою, которой свѣтовыя явленія только въ моменты разрушенія или образованія кристалловъ достигаютъ такой степени напряженности, что дѣлаются видимыми для обыкновенныхъ глазъ, въ прочее же время постигаются только изощреннымъ зрѣніемъ нервно-больныхъ.

Открывъ въ магнитѣ и кристаллахъ силу, дающую имъ возможность дѣйствовать на нервы человѣка, естественно должно было притти къ мысли, что и земной шаръ одаренъ тою же силою. Въ самомъ дѣлѣ, ежели небольшіе магниты оказываютъ уже столь сильное дѣйствіе на нервно-больныхъ; то какъ можетъ остаться безъ дѣйствія земной шаръ, составляющій съ своею атмосферою огромный магнитъ, магнитъ столь сильный, что истеченіе пламени и свѣта изъ его полюсовъ (сѣверное сіяніе) видимо не только для изощреннаго, но и для обыкновеннаго зрѣнія.

Такъ-какъ мы во всю свою жизнь находимся подъ вліяніемъ этаго магнита, то съ перваго взгляда кажется невозможнымъ опредѣлить дѣйствіе его на че-

ловѣка; однако Рейхенбахъ убѣдился опытомъ, что дѣйствіе его весьма различно, смотря по положенію, въ которомъ мы находимся въ отношеніи къ странамъ свѣта. Это дѣйствіе земнаго магнитизма замѣтно не только на однихъ нервно-больныхъ, но иногда и на здоровыхъ; такъ, напримѣръ, Г. Шу, человѣкъ совершенно здоровый, имѣлъ странную привычку: проспавъ нѣсколько часовъ, онъ всякую ночь перевертывался, ложился ногами къ изголовью, и находилъ этотъ второй сонъ гораздо болѣе спокойнымъ и оживляющимъ. Опредѣливъ компасомъ положеніе кровати, и найдя, что изголовье обращено къ югу, Рейхенбахъ посовѣтовалъ ему перевернуть кровать и поставить изголовьемъ къ сѣверу. Съ тѣхъ поръ Г. Шу спалъ очень спокойно и никогда не чувствовалъ нужды перевертываться.

Послѣ этихъ наблюденій любопытно было опредѣлить положеніе постели Дѣв. Новотни, страдавшей каталепсіею. Оказалось; что положеніе ея довольно вѣрно совпадало съ магнитнымъ меридіаномъ (головою къ сѣверу, ногами къ югу). При семъ случаѣ узнали, что она инстинктивно выбрала это положеніе, находя всѣ другія невыносимыми, такъ-что, для удовлетворенія ея желанію, должны были въ ея комнатѣ перенести печь съ однаго мѣста на другое. Однажды попросили ее перемѣнить положеніе. Она съ трудомъ согласилась на это. По прошествіи нѣкотораго времени, какъ

перевернута былъ кровать, больная стала чувствовать безпокойство, приливъ крови къ головѣ, головную боль, боль въ животѣ и пр.; положеніе въ магнитной параллели, головою къ западу, было для нея еще болѣе невыносимо. Какъ только она приняла свое прежнее сѣверо-южное положеніе, всѣ эти припадки вдругъ прошли. Эти опыты были повторены нѣсколько разъ, какъ въ лежачемъ, такъ и въ сидячемъ положеніи — и всегда результаты были одни и тѣ же.

Такъ-какъ Дѣв. Новотни уже 8 лѣтъ страдаетъ каталепсіею, и въ это время перемѣняла квартиру; то Рейхенбахъ осмотрѣлъ всѣ прежнія ея квартиры и опредѣлилъ компасомъ прежнее положеніе ея кровати. При этомъ онъ нашелъ, что въ тѣхъ квартирахъ, въ которыхъ положеніе ея кровати приближалось къ нормальному—сѣверо-южному, состояніе ея здоровья было значительно лучше; въ тѣхъ же, гдѣ она должна была спать въ другихъ положеніяхъ, припадки ея были гораздо сильнѣе.

Не менѣе замѣчательно, что дѣйствіе магнита на больныхъ значительно различно, смотря по положенію ихъ въ отношеніи къ странамъ свѣта.

Г. Шмидтъ страдалъ сильнымъ ревматизмомъ въ рукѣ. Его лечили дѣйствіемъ магнита; но это средство приносило ему только временное облегченіе. Уви-

дѣвъ, что онъ лежитъ головою къ югу, а ногами къ сѣверу, Рейхенбахъ посовѣтовалъ ему перемѣнить это положеніе на сѣверо-южное. Онъ тотчасъ почувствовалъ, что ему лучше: натираніе магнитомъ сдѣлалось для него болѣе пріятнымъ и болѣе дѣйствительнымъ, такъ-что, прежде-нежели наблюдатель ушелъ, омертвѣвшая рука его сдѣлалась подвижною, и боль вовсе прошла.

Посѣтивъ больную Дѣв. Sturmann, находившуюся въ клиникѣ Вѣнскаго Университета, Рейхенбахъ нашелъ постель ея въ западно-восточномъ положеніи. Какъ только, по просьбѣ его, она была перемѣщена въ сѣверо-южное положеніе — всѣ прежніе припадки ея пропали, жаръ въ глазахъ прошелъ, вмѣсто жара во всемъ тѣлѣ она стала чувствовать живительную прохладу и провела ночь въ спокойномъ снѣ. На другой день, когда поставили ее въ прежнее западо-восточное положеніе, всѣ припадки тотчасъ возвратились. Дѣйствуя на нее въ этомъ западо-восточномъ положеніи сильнымъ магнитомъ (100 ф. силы), прикладывая его къ головѣ и ногамъ, едва замѣчали дѣйствіе его на больную. Тогда опять привели ее въ нормальное сѣверо-южное положеніе, и она опять почувствовала облегченіе—въ дѣйствіи же магнита замѣчена была чрезвычайная разность. Прежде онъ едва дѣйствовалъ, когда его прикладывали къ самой головѣ; теперь же, когда, отойдя отъ постели на 30 футовъ, оторвали отъ магнита якорь,

больная вдругъ упала—и ее нашли въ безчувственномъ состояніи, съ судорожно-сжатыми кулаками, съ открытыми вѣками и закатившимися глазами.

Всѣ эти явленія повторялись, хотя и не въ такой сильной степени, при опытахъ съ Дѣв. Maix, Nowotny, Reichel и Atzmannsdörfer. Всѣ онѣ говорили, что, и въ слабые періоды ихъ болѣзни, для нихъ было невыносимо сидѣть долго въ церквахъ (всѣ католическія церкви построены на востокъ), такъ-что онѣ часто падали въ обморокъ; нѣкоторыя не могли ходить по улицамъ въ направленіи къ востоку и пр.

Видя, въ какой тѣсной связи находится положеніе нервно-больныхъ, въ отношеніи странъ свѣта, съ состояніемъ ихъ здоровья и съ дѣйствіемъ на нихъ магнитовъ, всякій легко пойметъ, что врачи, не обращая на это вниманія, не могли успѣшно ни изучать, ни лечить нервно-больныхъ. Одно и то же средство, бывшее слишкомъ слабымъ, когда больной находился въ юго-сѣверномъ положеніи, было слишкомъ сильно, когда онъ перемѣнялъ положеніе на противоположное.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Животный магнитизмъ.

Мы уже видѣли, что силу магнитовъ и кристал-

ловъ можно переносить на другія неодушевленныя существа; оставалось сдѣлать опытъ — перенести эту силу на существа одушевленныя, на человѣка. Когда по спинѣ человѣка проводили нѣсколько разъ сильнымъ магнитомъ; то онъ весь заряжался магнитною силою, а руки его получали способность притягивагь руки каталептическихъ больныхъ. Эта сила сохранялась около четверти часа.

Когда въ руку нервно-больной клали руку какаго-нибудь здороваго человѣка, и въ это время по спинѣ послѣдняго проводили нѣсколько разъ магнитомъ; то при каждомъ проходѣ магнита больная чувствовала какъ бы толчками переходящую въ нее изъ руки магнитную силу.

Изъ предыдущихъ опытовъ слѣдуетъ, что въ магнитѣ, независимо отъ силы, дающей ему способность притягивать желѣзо, существуетъ еще другая сила, дѣйствующая на нервы животныхъ, и что эта сила существуетъ отдѣльно въ кристаллахъ. Оставалось изслѣдовать ту силу, которую уже замѣтили со временъ Теофраста и Месмера, которая даетъ одному человѣку чудесную способность дѣйствовать на другаго, и которую, за неимѣніемъ лучшаго слова, назвали жпвотнымъ магнитизмомъ. Изслѣдованіе животнаго магнитизма, этаго философскаго «не-тронь-меня», тѣмъ болѣе важно для насъ, что до сихъ поръ онъ былъ исключительнымъ достоя-

ніемъ медиковъ, которые только думали объ отысканіи средствъ леченія, и шарлатановъ, которые заботились только объ обогащеніи себя на счетъ легковѣрія другихъ.

Но чтобы увѣриться, что сила животнаго магнитизма, какъ Рейхенбахъ предполагалъ, тожественна съ тою силою, которую онъ нашелъ въ магнитѣ и кристаллахъ, надобно было изслѣдовать это во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ изслѣдовалъ силу магнита и кристаловъ.

Давно уже было извѣстно, что здоровый человѣкъ, дѣйствуя руками на слабо-нервныхъ, можетъ производить въ нихъ судороги и безчувственность. Эта сила рукъ ощущается отчасти и здоровыми людьми, такъ-что всѣ тѣ, которые ощущали дѣйствіе на нихъ кристалловъ, чувствовали то же ощущеніе и отъ пальцевъ Рейхенбаха.

Чтобы изслѣдовать проводимость этой силы, онъ давалъ въ руки больнымъ желѣзную или мѣдную проволоку, а по прошествіи нѣкотораго времени прикасался пятью своими пальцами до другаго конца. Больная тотчасъ ощущала теплоту, которая доходила черезъ пальцы до локтя. Эти опыты были произведены нѣсколько разъ и съ разными измѣненіями. Изъ нихъ выходитъ, что 1) эту силу пальцевъ вообще можно прсводить чрезъ металлы; 2)

желѣзная проволока проводитъ ее лучше мѣдной; 3) сопротивленіе проводимости возрастаетъ съ длиною проволоки, такъ-что проволока въ 10 ф. длины худо проводитъ; 4) 10 пальцевъ, приложенные къ проволокѣ, дѣйствуютъ сильнѣе, нежели 5; 5) руки здоровыхъ дѣйствуютъ сильнѣе, нежели слабыхъ; 6) руки мужчинъ вообще сильнѣе, нежели руки женщинъ, такъ-что 5 пальцевъ Рейхенбаха дѣйствовали сильнѣе, нежели 20 пальцевъ двухъ женщинъ.

Равнымъ образомъ эти опыты удостовѣряютъ, что силу животнаго магнитизма можно переносить, подобно силѣ магнита и кристаловъ, на другія тѣла—заряжать ею. Два куска металла или фарфора, изъ которыхъ одинъ держали въ рукахъ, и которые, по прошествіи одной или двухъ минутъ, давали въ руки больнымъ, были ими постоянно и вѣрно различаемы.

Въ стаканѣ воды, который Г. Рейхенбахъ нѣсколько минутъ держалъ въ рукахъ, больная находила тотъ же особенный вкусъ и запахъ, какъ и въ томъ, на который дѣйствовали магнитомъ или кристалломъ.

Какъ ни страннымъ кажется этотъ фактъ для всѣхъ физиковъ, но противъ опыта нельзя возставать никакими доводами: въ физикѣ противъ правильно-произведеннаго опыта нѣтъ никакой апелляціи.

Чтобы убѣдиться въ тождественности силы животнаго магнитизма съ силою магнита и кристалловъ, Рейхенбахъ старался изслѣдовать, нѣтъ ли въ человѣкѣ полюсовъ, подобныхъ полюсамъ магнита и кристалловъ. Съ этою цѣлію онъ произвелъ слѣдующіе опыты. Когда онъ давалъ Дѣв. Maix правую руку, то она, по ощущенію, производимому этой рукой, всегда могла отличать ее отъ лѣвой. Когда онъ клалъ свою правую руку въ лѣвую руку Дѣв. Maix, а лѣвую въ правую, то она говорила, что чувствуетъ, какъ особенная какая-то сила входитъ въ ея правую руку, проходитъ черезъ грудь и выходитъ изъ лѣвой. Это кругообращеніе силы производило въ ней чувство, подобное тому, которое она ощущала при быстромъ кругообращеніи на качеляхъ, такъ-что при этомъ опытѣ съ нею дѣлалось головокруженіе. Когда онъ подавалъ ей руки на-крестъ, т. е. правую въ правую и лѣвую въ лѣвую, то она чувствовала въ груди какъ бы столкновеніе силъ, и это чувство было ей до того непріятно, что она никакъ не хотѣла подвергнуться повторенію опыта.

Вещи, до которыхъ онъ дотрогивался правой рукой, Дѣв. Maix и Sturmann находили сравнительно легкими, подобными пуху; напротивъ того, когда онъ до нихъ дотрогивался лѣвой рукой, онѣ становились сравнительно тяжелѣ.

Дѣв. Reichel всегда узнавала, какимъ бокомъ Г.

Рейхенбахъ приближался къ ней, правымъ или лѣвымъ. Принимая въ соображеніе, что главное скопленіе силы животнаго магнитизма находится въ рукахъ и особенно въ пальцахъ, и что правая рука дѣйствуетъ отлично отъ лѣвой, мы должны принять, что эта сила расположена въ человѣкѣ полярно, что главная ось идетъ поперегъ тѣла: положительный полюсъ находится съ правой, а отрицательный съ лѣвой стороны. Это предположеніе дѣлается еще вѣроятнѣе, когда принять во вниманіе, что все тѣло расположено симметрически въ отношеніи къ этой главной поперечной оси. Принявъ эту гипотезу, намъ уже легче будетъ объяснить, почему для нервно-больныхъ невыносимо западо-восточное или востоко-западное положеніе. При этомъ положеніи, подъ вліяніемъ земнаго магнитизма, магнитизмъ человѣка располагается неестественнымъ образомъ въ отношеніи полюсовъ.

Рейхенбахъ также увѣрился, что руки всякаго здороваго, крѣпкаго и въ особенности молодаго человѣка въ состояніи притягивать руки каталептическихъ больныхъ, такъ-что и въ этомъ отношеніи сила животнаго магнитизма не представляетъ отличія отъ силы магнита и кристалловъ.

Въ ряду опытовъ, которыми онъ старался доказать тождественность силы животнаго магнитизма съ силою магнита и кристалловъ, всего убѣдительнѣе гово-

рятъ въ пользу этаго тождества опыты надъ явленіями свѣта. Когда онъ самъ, или кто-нибудь другой изъ мужчинъ простирали руки, то больныя Дѣв. Reichel и Atzmannsdörfer видѣли на каждомъ изъ пяти пальцевъ руки пучки пламени, подобные тѣмъ, которые онѣ видѣли на полюсахъ магнитовъ и кристалловъ. Величина этихъ пучковъ пламени измѣнялась, смотря по индивидуальному различію силы и здоровья, такъ-что больная не замѣчала на пальцахъ женщинъ никакаго пламени, а только у нѣкоторыхъ особый свѣтъ.

Общимъ заключеніемъ всѣхъ этихъ опытовъ будетъ то, что сила магнита, сила кристалловъ и та загадочная сила, которую до сихъ поръ называли силою животнаго магнитизма, суть только три проявленія одной и той же силы, повинующейся во всѣхъ этихъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ закона.

ОБЪ ОПЫТѢ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

сочиненіи Э. Профессора Императоскаго *С. Петербургскаго Университета Доктора Философіи* А. Никитенка.

I.

Всѣмъ извѣстно, что знаніе правилъ литературы и ея исторіи никого не доводитъ до степени отличнаго писателя, ежели человѣку не дано природою такъ называемаго таланта. Тѣмъ не менѣе полезно доискиваться, на чемъ основываются совершенства сочиненій вообще, и какое значеніе представляютъ труды писателей въ исторіи человѣчества. Открытіе каждаго новаго основанія въ правилахъ литературы приближаетъ насъ къ уразумѣнію духовной стороны человѣка, а вѣрный взглядъ на замѣчательное сочиненіе тотчасъ становится поясненіемъ однаго или нѣсколькихъ событій въ исторіи народа.

Эти умственныя пріобрѣтенія могутъ быть удѣломъ всякаго, и никто не приметъ ихъ безплодно для жизни общественной и частной.

Книги, заключающія въ себѣ ученіе о литературѣ и объ ея исторіи, какъ и многія другія однородныя сочиненія, до безконечности разнообразны, что зависитъ естественно отъ проницательности, глубокомыслія, силы и обширности разсудка, отъ восприемлемости и живости ощущеній, отъ общности и точности знаній, отъ способности соображенія, отъ навыка, твердости и самостоятельности въ употребленіи языка. По назначенію своему, сочиненія о литературѣ, ежели привести ихъ къ главнымъ видамъ, представляются въ двухъ общихъ отдѣлахъ: одни прямо приготовлены въ руководства, отъ чего получаютъ уже и всѣ принадлежности учебниковъ, какъ-то: выборъ предметовъ, ихъ распредѣленіе, раздѣленіе, языкъ, тонъ и во всемъ извѣстную мѣру; другія пишутся какъ бы только для легкаго, пріятнаго чтенія и явно освобождены отъ формъ педагогическихъ. Бываетъ между ними и еще видъ: книги, обнимающія науку въ ея полнотѣ и послѣдовательности, но безъ строгихъ формъ учебниковъ, и не чуждыя увлекательности въ изложеніи. Ими пользоваться могутъ всѣ соразмѣрно своимъ способностямъ.

Къ послѣднему разряду относится сочиненіе

Г-на Никитенка: *Опытъ Исторіи Русской Литерары*, изъ котораго напечатана теперь только *Книга первая*, содержащая въ себѣ *Введеніе*. Сочинитель разсматриваетъ здѣсь: 1. идею и значеніе исторіи литературы, 2. методъ изученія исторіи литературы, 3. источники исторіи литературы, 4. идею и значеніе исторіи Русской литературы, 5. раздѣленіе исторіи Русской литературы на періоды. Первый и четвертый изъ этихъ предметовъ разсматриваются сочинителемъ подробнѣе, нежели прочіе. Оно такъ и быть должно. «Не смотря на популярность этаго «слова (литература),» сказано на 10 стран., «вращаемаго въ наше время и такими устами, которыя «назначены вовсе не для этаго употребленія, оно «не сдѣлалось яснѣе.» Чтобы дойти до яснаго, полнаго и вѣрнаго опредѣленія идеи и значенія литературы, Г-нъ Никитенко вошелъ въ философско-историческое изслѣдованіе идеи *народа* вообще и *Россіи* въ частности, что и сообщило взгляду его въ томъ и другомъ мѣстѣ ощутительный перевѣсъ надъ остальными частями сочиненія. Читатели видятъ, что содержаніе книги пока чисто-теоретическое. Они найдутъ здѣсь идеи, а не факты. Главное достоинство разсматриваемаго мною сочиненія заключается въ томъ, что оно представляетъ собою органическое цѣлое, въ которомъ всѣ истины выходятъ одна изъ другой, что въ немъ говорится о каждой истинѣ съ видимымъ одушевленіемъ, и что взглядъ на всѣ предметы достоинъ ихъ важности.

II.

Приступая къ развитію идеи и значенія исторіи литературы, сочинитель прежде всего очень основательно замѣчаетъ, что вообще въ исторіи важны и поучительны не лица и событія, а убѣжденія, цѣли, страсти, внутреннія причины. «XIX вѣку при«надлежитъ, говоритъ Г-нъ Никитенко, идея лучшей «методы въ изслѣдованіи и изученіи дѣлъ человѣ«ческихъ. — — Сколько времени, въ изслѣдованіи «жизни народовъ, обращали вниманіе на одни внѣш«нія явленія, не заботясь о томъ, что̀ всему внѣш«нему даетъ смыслъ, характеръ и цѣну. Для науки «въ этомъ духѣ, по-видимому, вовсе не существо«вали движеніе и направленіе идей народа, личные «интересы его ума и сердца — какъ будто бы че«ловѣкъ могъ что-нибудь значить со всѣми высоко«мѣрными притязаніями своими на первенство въ «природѣ, со всѣмъ, что̀ онъ принимаетъ и испол«няетъ, если бы *мысль* не полагала своей царствен«ной печати на его дѣянія». Исторія, какъ ее писали прежде, названа здѣсь въ шутку *важнымъ средствомъ для изощренія памяти школьниковъ*, также *праздничною, театральною исторіею*, «гдѣ, по вы«раженію сочинителя, духъ человѣческій остается «за кулисами, а передъ глазами зрителей представ«леніе, какъ говорится, кипитъ жизнію и дѣйстві«емъ, герои декламируютъ, блистая пурпуромъ и

«золотомъ, и творятся чудеса великолѣпныхъ деко-«рацій. Мы, въ свою очередь (продолжаетъ сочини-«тель), позволимъ себѣ думать, что міръ ничего не «видалъ бы безсмысленнѣе и печальнѣе исторіи че-«ловѣчества, если бы рядомъ съ созданіемъ и раз-«рушеніемъ царствъ не были начертаны на страни-«цахъ ея цифры Эвклида, афоризмъ Гиппократа, «Сократова иронія, стихъ Гомера и много подобна-«го, чего не даетъ могущество меча на земли, ни «самое могущество золота (стран. 2, 3 и 4).»

Направленіе такаго ученія, какъ я замѣтилъ, согласно съ истиною. Только не совсѣмъ здѣсь вѣрно указаніе на различіе между историками прежними и нынѣшними. Кто выразительно и одушевленно раскасываетъ о событіяхъ, живо рисуя лица и дѣйствія; тотъ передаетъ намъ не одно внѣшнее: онъ вводитъ насъ въ созерцаніе мыслей, страстей, словомъ — прямо духовной дѣятельности человѣка или народа. Такъ великой художникъ одними очертаніями, красками, звуками вполнѣ открываетъ передъ нами все, происходящее во глубинѣ души. И нѣтъ опредѣлительнѣе и успѣшнѣе способа выяснить значеніе и характеръ мысли, дать цѣну усилію и торжеству разума или этузіазма, какъ только достойно изобразивъ явленіе ихъ въ дѣйствіяхъ. Не XIX вѣкъ открылъ это искуство. Оно съ древнѣйшихъ временъ принадлежало геніальнымъ людямъ. Исторія въ этомъ видѣ не наука, а худо-

жественное произведеніе. Я бы и началъ съ этаго раздѣленія. Оно всему указываетъ законное мѣсто. Шлёцеръ и Карамзинъ больше всѣхъ оказали услугъ Русской исторіи — но одинъ какъ ученый, а другой какъ художникъ. Вико и Гердеръ не вооружались противъ художественной исторіи, потому-что ей только и обязаны были своими философскими соображеніями, которыя изложили, какъ науку о человѣчествѣ. Ихъ труды не отнимаютъ цѣны у историческихъ сочиненій Шиллера, Вальтеръ-Скотта и Тьера. Къ дополненію многозначительной идеи, какая соединяется съ словомъ *исторія*, я прибавилъ бы здѣсь мысль о *всѣхъ* великихъ созданіяхъ, выразившихся *словомъ*, и сказалъ бы, что ими, равно какъ и собственно-называемою исторіею, изображается духовная же сторона жизни человѣчества. Политическія движенія, гражданское устройство вовлекаютъ въ производство свое массы людей, которые между тѣмъ дѣйствуютъ по указаніямъ однаго высшаго ума. Разсматриваніе этой многосложной картины приводитъ насъ къ уразумѣнію представителя политическихъ высшихъ идей. Конечно, еще много остается областей, въ которыхъ человѣкъ духовнымъ пареніемъ своимъ возвышаетъ насъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ. Онъ не всегда по тому великъ, что средства его многосложны. Часто не только въ одиночествѣ, но и въ неизвѣстности, даже въ презрѣніи у всѣхъ онъ озаряетъ міръ новою истиною, постигнутою долгими его соображеніями, или мгно-

веннымъ вдохновеніямъ. Никто этаго не опровергалъ ни прежде, ни нынѣ. Сюда, въ этотъ отдѣлъ исторіи человѣчества, давно уже вошли и цифры Эвклида, и афоризмъ Гиппократа и Сократова иронія, и стихъ Гомера. Убѣдительнѣйшее доказательство — что ими пользовались и древніе и новые народы. Я согласенъ съ мнѣніемъ сочинителя, что таланта и знаній не даетъ могущество меча, ни самое могущество золота; но и въ томъ не сомнѣваюсь, что могущество меча и золота равно не даетъ ни огня страстей, ни силы воли, ни всеобъятности мысли, ни присутствія духа, ни презрѣнія смерти — внутреннихъ принадлежностей человѣка, изображаемыхъ въ исторіи, откуда они, равно какъ и въ тѣснѣйшемъ смыслѣ называемые таланты и знанія, не могутъ быть исключены безъ ущерба для науки.

III.

Сочинитель, доказавши превосходство духовной дѣятельности передъ дѣятельностію внѣшней, обращается къ ближайшему предмету своему — къ слову. «Способъ самопроявленія (говоритъ онъ), наиболѣе зависящій отъ власти человѣка и наименѣе «отъ власти судьбы, соприсущій ему во всѣхъ перемѣнахъ обстоятельствъ отъ колыбели до могилы, «есть *слово*. — — Мы черезъ слово дѣлаемся людь-

«ми, т. е. существами мыслящими, прежде, чѣмъ «общество успѣетъ изъ насъ сдѣлать новыхъ, особенныхъ людей, смотря по своимъ нуждамъ или «страстямъ. Съ нимъ и навсегда каждый изъ насъ «остается человѣкомъ болѣе, чѣмъ со всѣми други«ми формами жизни и дѣятельности (стран. 6 и 7)». Въ изъясненіи той важности, которая дѣйствительно заключается въ словѣ, Г-нъ Никитенко указалъ на разныя обстоятельства жизни и исторіи, подтверждающія мнѣніе его. Для доставленія бо̀льшей вѣрности его взгляду, какъ мнѣ кажется, надобно прибавить поясненіе, въ какомъ смыслѣ беретъ онъ предметъ свой, т. е. слово; потому-что и общій всѣмъ людямъ даръ выражать простыя понятія, и ниспосылаемый только избраннымъ высокой талантъ первенствовать рѣчію и властвовать надъ людьми— называются вообще *словомъ*. Это особенно необходимо для ясности послѣднихъ словъ въ предыдущей выпискѣ. Человѣкъ, говорится тамъ, съ помощію слова остается болѣе человѣкомъ, нежели при другихъ формахъ жизни. Мысль почти несомнѣнная, ежели она относится къ слову во второмъ значеніи. Возраженіе раждается только съ той стороны, что слово не всегда назвать можно одною изъ формъ жизни, а чаще указаніемъ на какую-нибудь форму. Говоря точнѣе, надобно назвать формою жизни физическое или духовное дѣйствіе, а слово только послѣдуетъ за нимъ и упрочиваетъ явленіе его будущему.

Отъ *слова* слѣдуетъ въ сочиненіи переходъ къ *наукѣ* и *литературѣ*, двумъ главнымъ видамъ, которые принимаетъ слово для изображенія внутренней жизни народа. «Литература, по опредѣленію «Г-на Никитенка, есть мысль человѣческая, *возни-«кающая у народа вмѣстѣ съ нимъ* изъ его духа, «жизни, историческихъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, «и посредствомъ слова выражающая свое народо-«человѣческое развитіе подъ совокупнымъ вліяніемъ «*верховныхъ и всеобщихъ идей* истиннаго и изящна-«го». По основной мысли это опредѣленіе очень хорошо; но въ изложеніи его и въ частностяхъ я нахожу неточности. Нельзя сказать, что народъ и его мысль возникаютъ изъ духа того же народа; потому-что существованіе народнаго духа не предшествуетъ явленію самаго народа. Духъ и (въ обширномъ значеніи) мысль — одно и то же. И-такъ литература есть духовная жизнь народа, выразившаяся его словомъ. Невозможно исчислить всего, что дѣйствуетъ на образованіе характера, сферы и прочихъ особенностей литературы какаго-нибудь народа. Идеи истиннаго и изящнаго названы верховными и всеобщими. Онѣ равны прочимъ идеямъ, занимающимъ человѣчество. Возникновеніе, образъ, распространеніе и сила истины и изящества подчинены, какъ и все въ земномъ странствованіи человѣка, различнымъ обстоятельствамъ. Совокупнымъ вліяніемъ своимъ не влагаютъ онѣ въ литературу исключительнаго характера: напротивъ, ихъ соб-

ственный идеалъ опредѣляется послѣ въ исторіи совокупностію произведеній литературы.

IV.

Есть мнѣніе, что всѣ памятники письменности народа можно включить въ понятіе его литературы; и другое — что справедливѣе внести въ это понятіе только изящныя произведенія слова, дѣйствующія преимущественно на эстетическую воспріемлемость души. Г-нъ Никитенко, ограничивъ необъятность перваго представленія и отвергнувъ стѣснительное понятіе втораго, съ убѣжденіемъ изложилъ свои соображенія касательно истиннаго значенія литературы. «Или литературы вовсе нѣтъ «(говоритъ онъ), какъ факта опредѣленнаго и само-«стоятельнаго, или мы найдемъ ее только на той «нравственной ступени, гдѣ человѣкъ сознаётъ свое «призваніе и неотразимую потребность сосредото-«чить всего себя въ мысли, ею обнять всѣ разно-«образныя влеченія и интересы своей природы и «исторіи и ея же творческимъ художественнымъ «могуществомъ, перенося себя въ слово, спасти «свои человѣческія вѣрованія среди притязаній гру-«бой матеріи и превратностей своей судьбы. — — «Если народъ въ состояніи отдѣлить въ себѣ то, «что принадлежитъ правамъ мысли всеобщей чело-«вѣческой — идеямъ изящнаго и истиннаго, отъ то-

«го, что не относится къ нимъ; если онъ воздѣлы-
«ваетъ и развиваетъ эту мысль въ своей жизни, въ
«своихъ понятіяхъ, въ своей исторіи, и результа-
«ты этой дѣятельности выражаетъ наконецъ въ ху-
«дожественныхъ, стройныхъ формахъ слова: онъ
«созидаетъ, онъ имѣетъ литературу. —— Тогда-
«какъ другими способами дѣятельности — обще-
«ственнымъ устройствомъ, нравами, обычаями и
«проч., онъ болѣе или менѣе уклоняется отъ все-
«общаго человѣческаго порядка вещей и достигаетъ
«своихъ исключительныхъ, домашнихъ, такъ ска-
«зать, цѣлей; въ литературѣ онъ выражаетъ свое
«сознаніе о томъ, что свято, дорого и необходимо
«всѣмъ людямъ какъ существамъ, надѣленнымъ
«однѣми и тѣми же нравственными нуждами и спо-
«собами мыслить, чувствовать и выражать свои
«мысли и чувствованія. —— И-такъ не въ особен-
«номъ родѣ предметовъ или содержаніи заключает-
«ся самостоятельность литературы и отличіе ея отъ
«всѣхъ прочихъ произведеній письменности и изящ-
«ныхъ искуствъ, но въ особенномъ направленіи че-
«ловѣческаго духа, которое ввѣряется для примѣ-
«ненія и выраженія благороднѣйшимъ усиліямъ из-
«браннаго народа. Это направленіе не состоитъ въ
«исключительномъ стремленіи ни къ истинѣ, ни къ
«изяшному: оно есть актъ духа, претворяющій од-
«но въ другое — истину въ изящное, и изящное
«въ истинное (стран. 14, 15, 24, 25 и 26).»

Приводимое мною мѣсто касается двухъ важнѣйшихъ вопросовъ въ наукѣ словесности: 1) что называть собственно-литературнымъ сочиненіемъ, и 2) законно ли стремится частная литература, т. е. принадлежащая одному какому-нибудь народу, выразить собою что-то особое, отдѣльное отъ литературъ прочихъ народовъ? Г-нъ Никитенко, въ отвѣтѣ своемъ на первое, опредѣляетъ спачала, что *сочиненіе тогда только становится чисто-литературнымъ, когда авторъ выражаетъ въ немъ человѣческое свое призваніе и неотразимую потребность сосредоточить всего себя въ мысли*, и проч. (см: выше). Послѣ онъ заключаетъ, что *отличіе литературныхъ сочиненій выражается только направленіемъ духа, а не выборомъ предметовъ или содержанія.* По отвѣту сочинителя можно судить, какою тонкою, едва уловимою чертою разграничиваются собственно-ученыя сочнненія и чисто-литературныя. Но когда Г-нъ Никитенко наконецъ цроизноситъ, что *въ литературныхъ произведеніяхъ духъ претворяетъ истину въ изящное, а изящное въ истинное;* тогда становится несомнѣннымъ, что и поэтъ, и историкъ, и естествоиспытатель, и правовѣдъ, и всѣ избранные, отличенные наукою или искуствомъ, когда они живымъ, несокрушимымъ словомъ воплощаютъ для насъ сказанія духа своего, всѣ они — равно литераторы. Существенное состоитъ въ ясной самобытности созданія. Предметъ и форма ничего не значатъ. Но какъ явленія народнаго духа, подобно внѣшне-

му существованію народа, образуются и совершаются въ извѣстной постепенности, и ихъ исторія есть какъ бы лѣствица, которой однако же каждая ступень равно важна, равно необходима для составленія цѣлаго; то дѣйствительная цѣнность литературныхъ сочиненій должна быть опредѣляема не безусловно по общимъ законамъ эстетики, а по отношенію къ тому, что̀ они вносятъ въ исторію народнаго духа. Второй вопросъ прямѣе и яснѣе рѣшенъ въ разсматриваемой книгѣ. Сочинитель предоставляетъ народу отдѣляться отъ другихъ *общественнымъ устройствомъ, нравами и обычаями*, а въ литературу предлагаетъ вносить, что̀ *свято*, *дорого* и *необходимо всѣмъ людямъ.* Ежели бы въ обществѣ нравы и обычаи, а потомъ и учрежденія не связаны были съ его духомъ; то легко было бы исполнить предлагаемое. Между-тѣмъ извѣстно, что духъ властвуетъ равно повсюду — и въ литературѣ и въ жизни, какъ частной, такъ и гражданственной. И-такъ едва ли можно наклонить литературу въ одну сторону, а гражданственность въ другую. По моему мнѣнію, оба эти предмета сами на столько сойдутся съ обще-человѣческимъ направленіемъ и столько выработаютъ въ себѣ частно-народнаго, сколько къ тому и другому найдутъ средствъ въ разнородныхъ обстоятельствахъ, дѣйствующихъ повсюду на литературу, которая такимъ образомъ и явится, какъ я уже опредѣлилъ ее, жизнію, высказавшеюся словомъ.

V.

Теперь въ сочиненіи идетъ опять занимательный вопросъ: *чѣмъ литература отличается отъ науки?* «Въ наукѣ и литературѣ (говоритъ Г-нъ «Никитенко на 27 стран.) мысль, облекаясь въ «слово, является въ своей первостихійной чистотѣ, «со всею свободою, свойственною ея характеру, и «охраняемою способомъ самаго ея проявленія—вотъ «почему наука и литература такъ дружны между «собою. Истина есть одинаково верховная за-«дача для науки и для литературы, потому-что «мысль только въ истинѣ находитъ удовлетвореніе «своего бытія, слѣдовательно и цѣль его. Но наука «ищетъ истины, добываетъ ее; это служебное ору-«діе мысли, посредствомъ коего выполняются толь-«ко требованія ея личныхъ интересовъ. Литерату-«ра стремится къ истинѣ, какъ къ величайшему «благу жизни.» Допустивши, что въ наукѣ и литературѣ *слово* составляетъ равное облаченіе мысли, а истина равное удовлетвореніе ея существованія, одну верховную задачу ея и цѣль, едва ли можно ихъ разъединить оттѣнками такихъ выраженій, какъ напр. *одна ищетъ, другая стремится;* потому-что какъ скоро ищутъ, то ужъ стремятся, и наоборотъ — стремясь ищутъ. Я даже не нахожу ни выгоды, ни обязанности ученія разграничивать то, что природою и сущностію своею соединено

такъ нераздѣльно. Конечно, великая разница между сочиненіями Нютона и Шекспира. Впрочемъ она по тому только чувствительна, что не всѣ изучаютъ отвлеченности математики. Между-тѣмъ едва ли болѣе найдется и такихъ людей, для которыхъ *дѣйствительная высокость* драмъ Шекспира постижимѣе биноміи Нютона. Но въ отношеніи къ полету и силѣ духа, въ отношеніи къ исторіи мысли и даже къ пользѣ, разливаемой на человѣчество откровеніями слова, эти два человѣка, Нютонъ и Шекспиръ, не равны ли между собою? И въ какомъ сочиненіи, когда рѣчь коснется вообще успѣховъ мысли и слова, назвавъ однаго, пропустятъ другаго? Иногда встрѣчается надобность ограничиваться какимъ-нибудь отдѣломъ литературы, что бываетъ и въ другихъ наукахъ. Говорятъ же всѣ: литература богословская, медицинская, юридическая и проч. Тѣмъ не менѣе литература народа не перестаетъ быть въ идеѣ чѣмъ-то цѣлымъ. «Для «кого было бы доступно изученіе литературы въ «такомъ обширномъ, или, лучше сказать, безпредѣльномъ объемѣ?» спрашиваетъ сочинитель, опровергая мнѣніе, по которому всѣ памятники письменности вносятся въ понятіе литературы. Эта необъятность получитъ предѣлы, когда всѣ повторенія, всѣ сокращенія, всѣ подражанія, всѣ выписки и многія подобныя имъ явленія письменности, какъ сухія вѣтви, отсѣчены будутъ историкомъ отъ возращаемаго имъ древа исторіи литературы. «Въ ли-

«тературѣ (сказано на 28 стран.) истина измѣняетъ «свою наружность; она совлекается форменной одеж- «ды понятій и принимаетъ праздничный нарядъ обра- «зовъ, то богатый и роскошный, то простой и граціоз- «ный. — — Изящное неразлучно съ литературою, то «какъ цѣль и содержаніе, то какъ условіе формы.» Истина, совлекшись первоначальной одежды своей— для того, чтобы показаться въ новой—не останется во всемъ объемѣ сама собою. Законный, единственно ей принадлежащій ея нарядъ является съ рожденіемъ ея, а не берется для замѣны ея простаго, буднишнаго, такъ сказать, одѣянія. Изящное ничего не значитъ друга- го, кромѣ истины жизни и согласія со всѣми ея при- надлежностями. Подтвержденіемъ этой мысли слу- жатъ слова и самаго сочинителя, когда онъ, говоря о причинахъ, ведущихъ литературу къ неизбѣжному упадку, такъ разительно изображаетъ тождество науки съ литературою. «Ежели мы предыдущими «объясненіями старались опредѣлить съ точностію «(стран. 53 и 44.) границы между литературой и «наукою; то совсѣмъ не имѣли намѣренія показать, «чтобы первая могла успѣшно развиваться безъ по- «слѣдней. — — Идеи, которыми литература обога- «щаетъ содержаніе своихъ изданій, притекаютъ къ «ней съ волнами событій; но онѣ требуютъ испы- «танія и опоры того высшаго разума, который «опыты настоящаго приводитъ въ связь съ опытами «вѣковъ и близкое къ намъ уполномочиваетъ и укрѣ- «пляетъ союзомъ съ первоначальнымъ и основ-

*

«нымъ. — — Если литература должна пробуждать «симпатическое сочувствіе къ истинѣ; ежели то, «что есть великаго въ идеѣ и разумѣ, она должна «дѣлать великимъ въ жизни: то какъ же испол-«питъ она эту священную миссію, возложенную на «нее во имя разумнаго и живаго человѣчества, не «бывъ облечена во всеоружіе знанія? Ложью и вы-«думками не убѣждаютъ, а только обманываютъ; «высокими идеями безъ ясныхъ понятій о вещахъ «забавляютъ умы тощіе, больные модою и самолю-«біемъ; грезами и поэтическими мечтами прельща-«ются только женщины до свадьбы и служащіе «юноши до первой взятки; общественныя сплетни и «обрывки знанія, подбираемые на тинистомъ и мут-«номъ днѣ современности, годятся только для га-«зетъ. Что жъ можетъ литература во всемъ этомъ «найти достойнаго себя и общества, которому она «предназначена служить не забавою, а наставни-«комъ, провозвѣстникомъ лучшихъ стремленій и вѣ-«рованій, судьею его сердца и ума и наконецъ его славою?»

VI.

Два метода изученія исторіи литературы разсмотрѣны сочинителемъ, прежде-нежели онъ приступилъ къ изложенію того, который имъ составленъ для будушихъ трудовъ его, а именно: *фак-*

тическій и *критико-эстетическій* методы. Хоть онъ и признаётъ явное преимущество втораго передъ первымъ, но основательно указываетъ на односторонность и критико-эстетическаго. «Истина «факта (говорится на 50 стран.) есть одинъ остовъ «истины — душу и жизнь даетъ ей истина идеи. «За то эта поникшая долу исторія справедливо хва«лится, что безъ нея всѣ высокія воззрѣнія ничто. «Она собираетъ, предоставляя другимъ пользоваться «собраннымъ — въ томъ именно состоитъ ея за«слуга.» Никто не сомнѣвается, что и полезнѣе и возвышеннѣе проникнуть въ значеніе факта, нежели ограничиться однимъ свѣдѣніемъ о томъ, что онъ дѣйствительно былъ. Только одно не можетъ обойтися безъ другаго. Надобно начать съ познанія, какъ произошелъ фактъ, чтобы опредѣлить его значеніе или идею. Слѣдовательно эти методы нельзя разсматривать въ видѣ предметовъ, одинъ другой замѣняющихъ, но какъ части цѣлаго. Еще опаснѣе въ нынѣшнее время возставать противъ исторіи, излагающей факты безъ примѣси теоретическихъ толкованій. Ясно, въ полнотѣ и съ художническою истиною представленныя событія обильнѣе благотворными выводами снабжаютъ читателя, нежели такъ называемые высшіе взгляды, односторонніе, произвольные и насильственно подчиняющіе каждое явленіе ложной причинѣ, случайно зародившейся въ головѣ историка. Судить и приговоръ давать слѣдуетъ безпристрастному зрителю

дѣлъ, а не раскащику, уже предубѣжденному любимою своею теоріею. При томъ же самая легкость казаться знающимъ исторію по общимъ взглядамъ угрожаетъ современности неизбѣжнымъ невѣдѣніемъ дѣйствительной науки.

Критико-эстетическій методъ изученія исторіи литературы Г-нъ Никитенко не безъ основанія называлъ одностороннимъ. Исторія, излагаемая по этому способу, «имѣетъ въ литературѣ только однаго «интереса и одной заслуги (стран. 52 и 53) — интереса и заслугъ художественныхъ, а мы видѣли «уже, что литература рѣшаетъ и другіе важные вопросы. Изложенная въ этомъ духѣ, она конечно «необходима для художника, для таланта, призваннаго къ литературной дѣятельности; но общество «имѣетъ нужду въ исторіи литературы, болѣе со«отвѣтственной разнообразнымъ стремленіямъ его. «Оно хочетъ изъяснить, понять себя въ явленіяхъ «и представителяхъ своей умственной силы и судь«бы — и исторія литературы, по требованію столь «законному, должна явиться въ новомъ характерѣ, «въ характерѣ философскаго прагматизма его мысли «и чувства». Я довелъ читателя до метода, избраннаго сочинителемъ, который его назвалъ *философско-прагматическимъ*. Народность и общественный духъ, государство съ его учрежденіями, непосредственно относящимися къ умственной дѣятельности народа, и языкъ — вотъ четыре предмета, съ ко-

торыхъ, по изъясненію Г-на Никитенка, начинается исторія литературы въ этомъ смыслѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ идутъ сочиненія, особенно дѣйствовавшія на успѣхи и направленіе народной мысли и чувства; а потомъ и литературныя лица съ ихъ вліяніемъ на общество, не только въ смыслѣ эстетическомъ, но и нравственномъ. «Критицизмъ (стран. 56) «долженъ пройти глубоко, по всѣмъ, такъ сказать, «составамъ и жиламъ созданій, заслужившихъ честь «подробнаго изслѣдованія. Онъ долженъ разложить «основную идею и содержаніе каждаго изъ нихъ, «стараясь показать, что̀ принадлежитъ въ нихъ об-«ще-человѣческимъ стихіямъ жизни, народнымъ и «общественнымъ, природѣ, мѣсту, личному харак-«теру писателя, или его школѣ, что̀ въ идеяхъ его «есть самобытнаго и заимствованнаго, откуда и ка-«кимъ путемъ. Онъ изъяснитъ форму произведеній, «ея общія черты и происхожденіе, эстетическій ха-«рактеръ въ отношеніи къ времени или національ-«ному вкусу, и наконецъ слогъ писателя, какъ со стороны филологическихъ условій, такъ и красокъ». Такимъ образомъ, согласно съ мнѣніемъ, выше мною изложеннымъ, Г-нъ Никитенко лучшимъ методомъ исторіи литературы признаётъ представленіе событій, т. е. фактовъ, излагаемыхъ съ ясностію, полнотою и художническою истиною. «Преимущество «этаго метода (заключаетъ онъ на 56 же стран.) «передъ двумя предыдущими очевидно. *Онъ вмѣ-«щаетъ въ себѣ выгоды обоихъ*, присовокупляя къ

«нимъ то, чего они лишены, т. е. полноту изложе-
«нія и объемъ, соотвѣтствующій значенію литерату-
«ры. При богатствѣ фактовъ и критико-эстетичес-
«кой ихъ оцѣнкѣ, онъ въ то же время показываетъ
«ходъ литературнаго образованія въ естественномъ
«его развитіи, т. е. въ связи съ прочими явленіями
«жизни, и вводитъ насъ въ самое святилище народ-
«наго ума и чувства, развертываетъ внутреннюю
«жизнь народа со всѣми ея измѣненіями, со всѣми
«переворотами, какимъ подвергалась она на пути
«къ высшимъ цѣлямъ человѣчества».

VII.

Источники исторіи литературы раздѣлены сочинителемъ на непосредственные и посредственные. Въ первомъ отдѣленіи онъ помѣщаетъ факты самой литературы, т. е. ея произведенія и писателей; во второмъ — все, что служитъ къ объясненію народности, общественнаго духа, образованности въ извѣстную эпоху, государственныхъ учрежденій и языка. По замѣчанію Г-на Никитенка, изъ числа фактовъ литературы одни имѣютъ болѣе отношенія къ народу, другіе къ эпохѣ и обществу, третьи къ какой-нибудь литературной школѣ. Мнѣ кажется, это раздробленіе не прибавляетъ ничего къ дѣлу науки. Существенное, что̀ надобно изучить въ литературномъ фактѣ, зависитъ не отъ его отношенія,

а отъ внутренняго достоинства его. Созданіе самобытное, согласное съ потребностями человѣческаго духа, исполненное силы и откровенія высокихъ истинъ и вѣчной красоты, естественно и равномѣрно относится не только къ народу, къ эпохѣ, или къ школѣ, но и ко всякому существу, мыслящему и чувствующему человѣчески. При этомъ явленіи не въ томъ вопросъ, кому и чему приписать его созданіе, но въ какой степени оно подвинуло человѣковѣдѣніе на безконечномъ его возвышеніи. Содѣйствовать къ осуществленію такаго духовнаго сокровища могли и современники и предшественники — и его благотворное вліяніе совершится по мѣрѣ готовности и воспріемлемости каждаго.

При оцѣнкѣ важности собственно-народныхъ произведеній словесности сочинитель очень кстати поражаетъ предразсудокъ, по которому нѣкогда «всѣ «простыя изліянія мысли и чувства считались (73 «стран.) грубыми и недостойными философскаго «взгляда изслѣдователей и вниманія людей образо-«ванныхъ. Это было (говоритъ Г-нъ Никитенко) въ «тѣ времена, когда въ произведеніяхъ литературы «искали только одной красоты, т. е. забавы и раз-«влеченія, колеблясь между Страсбургскимъ пиро-«гомъ и драмой или поэмой и нимало не подозрѣ-«вая, что слово, не имѣющее ни авторитета школы, «ни авторитета оффиціальнаго, можетъ рѣшать во-«просы чрезвычайно важные для общества и быть

«занимательнымъ въ своей патріархальной и глубо-«кой простотѣ. Въ силу тогдашнихъ стремленій «*выдумали* такъ называемый *вкусъ*, который очень «удачно, по характеру вѣка, перенесенъ былъ отъ «гастрономическихъ предметовъ на предметы изящ-«ные». Я полагаю, что пренебреженіе, оказанное нѣсколькими лицами въ прошломъ вѣкѣ собственно-народнымъ произведеніямъ словесности, не выражаетъ собою всеобщаго вѣрованія въ одни авторитеты. И въ XIX вѣкѣ довольно еще людей, для которыхъ старинная сказка или пѣсня только смѣшна, или совсѣмъ безвкусна. И теперь эти судьи колеблются между драмой или поэмой и Страсбургскимъ пирогомъ. Только не эти гастрономы выдумали *вкусъ*, который, какъ чувство, не тѣлесное, а духовное, извѣстенъ былъ во всѣ времена. Не только нынѣшнія теоріи, вѣроятно и позднѣйшія, не будутъ въ силахъ истребить его такъ же, какъ наприм. чувства самосохраненія и правоты. Конечно вкусъ различенъ; но его отсутствіе не признакъ высшаго совершенства, а недостатокъ, на подобіе того, какъ глухота или слѣпота называется поврежденіемъ организма.

Много занимательныхъ подробностей содержится въ книгѣ объ измѣненіяхъ и разныхъ періодахъ литературы народной. Мнѣ кажется только, что здѣсь было самое приличное мѣсто для развитія идеи о такомъ переходѣ литературы, которому

народъ ни сколько самъ не способствуетъ, но которому между-тѣмъ явно подчиняется. Я разумѣю появленіе писателя, въ высшей степени самостоятельнаго, увлекающаго читателей совершенно въ новую сферу образовъ, положеній, мыслей и убѣжденій. Конечно, это еще вопросъ не вполнѣ рѣшеный: сильнѣе ли общество дѣйствуетъ всегда на образованіе однаго человѣка, или одинъ человѣкъ на образованіе общества? По крайней мѣрѣ полезно для успѣховъ науки обращаться иногда къ воззрѣнію на эти отношенія. Въ теоріяхъ все приписывается народу, какъ будто его духомъ безъ различія одержимо каждое лице. Но часто писатель несравненно живѣе и неотвратимѣе обладаемъ бываетъ собственнымъ, кромѣ его никому еще не сообщеннымъ духомъ, нежели общимъ, народнымъ. И ежели обстоятельства позволятъ ему изобразить внушаемое геніемъ его — народъ и литература мгновенно примутъ новый оборотъ.

Въ числѣ источниковъ исторіи литературы, какъ я сказалъ, помѣщена въ сочиненіи характеристика языка, изображеніе его успѣховъ, измѣненій или упадка въ данную эпоху. «Геніальные писатели имѣютъ «свой языкъ, т. е. слогъ (83 стран.); изъ общаго языка «народа они извлекаютъ такія богатства и красоты, «которыя до нихъ казались несуществующими и не«возможными». Ежели сочинитель за одно принимаетъ *языкъ* и *слогъ*, то онъ вводитъ въ ученіе невѣрную

мысль. Языкъ только матерьялъ, а слогъ способность употреблять его. Исторія языка такъ же относится къ исторіи слога, какъ изслѣдованіе народной жизни къ частной біографіи.

Правила литературы, разсматриваемыя тоже какъ источникъ ея исторіи, изслѣдованы въ ихъ основаніи, т. е. въ сущности искуства. «Въ искуствѣ «есть двѣ стороны: одна принадлежитъ закону раз«витія, которое, увлекая все впередъ, къ новымъ «вопросамъ, новымъ слѣдствіямъ, не можетъ быть «опредѣлено и измѣрено ни умозрѣніями, ни опы«томъ; которое, отражаясь въ творческихъ замы«слахъ генія, подчиняется не какой-либо особой «системѣ правилъ, а всеобщей системѣ духа и жиз«ни, системѣ исторіи, подлежащей изъясненіямъ, «но не догматамъ. Другая сторона искуства заклю«чается въ способахъ, какими осуществляетъ она «свои идеи. Какъ эти способы состоятъ въ упо«требленіи вещественныхъ орудій и формъ, надъ «которыми господствуетъ законъ необходимости, въ «которыхъ все опредѣлено одинъ разъ навсегда; то «здѣсь для искуства должны быть правила строгія, «точныя, единообразныя и специальныя (85 и 86 стран.).» Это рѣзкое разграниченіе одной стороны дѣятельности духа отъ другой не вполнѣ согласно съ истиною. Понятія со всѣми приложеніями къ нимъ никогда не возникаютъ въ душѣ безъ орудій и формъ языка, такъ-что всякое развитіе въ первомъ

отношеніи непремѣнно содѣйствуетъ и развитію во второмъ. Правила литературы можно распространить на обѣ стороны искуства, только не въ видѣ мелочныхъ предписаній, а какъ общія и высшія соображенія, извлеченныя изъ свойствъ мыслящей силы и явленій ея.

О производителяхъ въ области литературы говорится здѣсь какъ о лицахъ, которыя, «постигнувъ «духъ своего народа и общества, изучивъ ихъ «нравственныя нужды, овладѣвъ ихъ словомъ, становятся впереди всѣхъ вождями и руководителями на «исторической аренѣ ихъ мысли. То, что въ умахъ «другихъ есть только темное гаданіе, неопредѣлен«ный порывъ, въ сердцахъ чаяніе или предчув«ствіе, что однако жъ составляетъ томительную по«требность и ума и сердца, то, прошедши сквозь ху«дожническую душу этихъ избранныхъ людей, вы«работавшись въ нѣдрахъ ихъ зиждительной мысли, «облекшись въ слово стройное и животрепещущее, «становится ясною истиною, живымъ убѣжденіемъ, «движетъ, одушевляетъ, питаетъ всѣхъ (89 и 90 стран.).» Столь общее и одноцвѣтное изображеніе лицъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ разностороннимъ, и своими трудами образующихъ въ исторіи разнохарактерные періоды, недостаточно выясняетъ этотъ важный матерьялъ исторіи. Всѣ писатели здѣсь безусловно подчинены готовымъ элементамъ и ничего собственнаго не вносятъ въ тотъ міръ, кото-

раго идеи безъ нихъ превратились бы во что-то неподвижное и безжизненное.

VIII.

Послѣ общихъ воззрѣній на науку, сочинитель приступаетъ къ *идеѣ и значенію исторіи литературы Русской.* Онъ говоритъ: «Исторія Русской мысли «*должна* имѣть *свой* характеръ, *свое* значеніе. Но «*какъ* ихъ опредѣлить? По *какимъ* умственнымъ пу-«тямъ устремится геній народа *мощный*, но не *иску-«сившійся* опытами прошедшаго, благотворными по «самымъ ихъ превратностямъ, *готовый* на все, но «такъ мало еще приготовившій? *Какія* задачи *суж-«дено* ему рѣшать въ системѣ человѣческой разумности — это тайна Провидѣнія (97 и 98 стран.).» Въ исторіи Русской мысли не только *долженъ быть*, но и *есть* особенный ея характеръ и значеніе. *Какъ* же ихъ опредѣлить? Способомъ, заключающимся въ сущности исторіи, которая *изображеніемъ дѣлъ* приводитъ къ ясному уразумѣнію и опредѣленію всего, что въ ней содержится. Два послѣдніе вопроса выходятъ изъ области исторіи — и сочинитель очень справедливо на нихъ самъ себѣ отвѣчаетъ. «Для насъ *не настала* еще пора полна-«го *самопознанія* — и, кажется, эта пора отдален-«нѣе, чѣмъ думаютъ слишкомъ торопливые состави-«тели народныхъ духовъ и судебъ (стран. 99).» Это

неоспоримо, ежели здѣсь разумѣется самопознаніе философическое, т. е. ясное разумѣніе всѣхъ тайнъ человѣческой духовности. Самопознаніе же историческое, т. е. выводъ изъ совершившихся у насъ дѣлъ, теперь уже возможно. «Мы въ области «исторіи шли какими-то особенными путями, и го«сподствующія начала нашей народности, выраба«тываясь въ горнилѣ самой чрезвычайной судьбы, «какая когда-либо постигала народъ, выработали «намъ физіономію, которую трудно уловить иску«снѣйшему наблюдателю и живописцу (тамъ же).» Чѣмъ необыкновеннѣе пути, по которымъ указано было итти народу, чѣмъ судьба его чрезвычайнѣе; тѣмъ замѣтнѣе все для наблюдателя, и тѣмъ легче живописцу уловить эту физіономію. «Мы *одарены* «самыми счастливыми способностями, самыми человѣчественными, если можно такъ выразиться, го«товыми принять въ себя всякую истину, красоту «и добро (тамъ же).» Это сдѣлалось бы несравненно ощутительнѣе, если бы замѣнено было хотя нѣсколькими *фактами*. «*Народы, въ системѣ всеоб«щей образованности, составляютъ логическія, свое«временныя явленія, вѣрныя и мѣстами своими и эпохами потребностямъ и идеѣ цѣлаго* (стран. 100).» Вотъ мысль, которую надобно взять за основаніе въ изслѣдованіи предмета, занимающаго здѣсь сочинителя. Убѣжденный въ ея непреложности, онъ долженъ былъ изъ нея почерпать отвѣты на всѣ вопросы, возникающіе въ исторіи нашей словесно-

сти. «Раскинувшаяся на плоскихъ снѣжныхъ рав-«нинахъ у рубежей Азіи и Европы, отодвинутая «отъ сцены великихъ историческихъ дѣлъ самою «безпредѣльностію и непріязненнымъ характеромъ «своего пространства, Россія *должна была* слабо «испытывать притягательную силу начала, двигав-«шаго корифеями человѣчества, народами, стоявши-«ми во главѣ всемірной образованности, или вовсе «не испытываться (101 и 102 стран.).» Не проти-ворѣчитъ ли это предыдущему положенію? «Такъ «прошли вѣка. Мы не дерзаемъ, и кто дерзнетъ «сказать, что вѣка эти прошли *безплодно* для на-«шей умственной и нравственной *будущности* (103 стран.).» Вмѣсто *будущности* не вѣрнѣе ли сказать *для жизни*, такъ-какъ жизнь значитъ преемничество явленій, а будущность не входитъ въ это понятіе? «*Что было, то не могло быть безъ слѣдствій;* «*жизнь не знаетъ ничего безплоднаго* (тамъ же).» И здѣсь глубокая истина.

Почти всѣ приведенныя мною общія мысли сочинителя заставляютъ думать, что онъ въ идеѣ и значеніи исторіи литературы Русской найдетъ явленіе естественное, правильное и послѣдовательное; что онъ укажетъ прямый путь движенія народной мысли, и представитъ характеръ ея въ истинномъ видѣ. Но онъ, какъ бы охладѣвши къ собственнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, выраженнымъ съ такою ясностію и силою, отвращается отъ нихъ и перехо-

дитъ на противную сторону. «Новѣйшія племена «запада довершали разрушеніе древняго міра (говорится на 101 стран.) и, проникнутыя свѣжими «идеями Христіанства, полагали основаніе новому. «Россія ничего подобнаго не дѣлала и не могла дѣ«лать. — — Она *не имѣла случая* въ-началѣ оказать «ни однаго изъ тѣхъ энергическихъ напряженій ума «и воли, которыя вынуждаются столкновеніемъ съ «дѣятелями, оспаривающими другъ у друга осущест«вленіе великой идеи. Сами ли пришли къ намъ «Варяги, или были призваны — все равно: они *не «могли*, или *не успѣли* дать первоначальнымъ Сла«вянскимъ элементамъ ни возбужденія, ни направле«нія, ни народной цѣли. Правда, они привели ихъ въ «броженіе, которое конечно *должно было* имѣть свои «историческія *послѣдствія*; но эти послѣдствія не «успѣли развиться изъ движенія, охваченнаго вдругъ «новымъ вліяніемъ, самымъ неожиданнымъ и роко«вымъ — вліяніемъ Татарскимъ. При такихъ об«стоятельствахъ у народа Русскаго *способности* его «долгое время должны были остаться, такъ сказать, «*непочатыми*; имъ *не на чемъ* было изощряться; *не «въ чемъ* было почерпнуть ни возбудительной тепло«ты вопросовъ всенародныхъ и *человѣческихъ*, ни «довѣрія къ самимъ себѣ. Онѣ испытывали только «или силу гнета, или силу конвульсивно раздражав«шую. — — То были вѣка *страданій* и умственна«го *бездѣйствія* (101, 102 и 103 стран.)». Я согласенъ, что въ событіяхъ народной, а слѣдовательно

и частной жизни Русскихъ многое было не такъ, какъ у другихъ народовъ. Но развѣ и теперь нѣтъ поразительной разницы въ формахъ, которыми выражается духовная дѣятельность современныхъ намъ государствъ? Никто между-тѣмъ не думаетъ, что люди, живущіе по-своему, лишены напряженій ума, что ихъ способности не початы, что ихъ не животворитъ теплота человѣческихъ вопросовъ и что у нихъ умственное бездѣйствіе. Кто допускаетъ бытіе мысли, тотъ уже не можетъ отвергать ея дѣятельности. Какъ бы въ подтвержденіе моего мнѣнія, самъ сочинитель сказалъ: «Уже ли Россія обя-«зана представлять въ ней тѣ же самыя явленія, «въ томъ же порядкѣ и по тѣмъ же переходнымъ «степенямъ, съ тѣми обстоятельствами и оттѣнками, «какъ и всѣ другіе народы, которые впрочемъ поль-«зуются отъ нашихъ аристарховъ правомъ итти сво-«имъ особеннымъ путемъ и развиваться изъ собст-«венныхъ началъ? Развѣ наша литература, какова «бы она ни была, не есть фактъ, рожденный исто-«рическими судьбами общества и народа, и развѣ «она меньше по-этому заслуживаетъ вниманія и из-«слѣдованія, чѣмъ всякая другая дѣйствительность «природы или исторіи (137 стран.)?» Я нахожу еще менѣе приближающимися къ истинѣ тѣ предположенія, которыми сочинитель какъ бы оправдываетъ Русскихъ въ осьмисотлѣтнемъ мнимомъ умственномъ усыпленіи. «Чрезвычайная, усилен-«ная дѣятельность, съ какою предстояло Россіи воз-

«награждать *обиды судьбы* и траты отъ промедле-«нія не входила ли въ одно изъ условій *эконо-«міи человѣческаго рода*, которое выполнить сужде-«но ей? Новыя необычайныя событія, происшедшія «изъ этаго *кажущагося* нарушенія исторической сим-«метріи, не даютъ ли исторіи міра новаго особен-«наго оттѣнка, необходимаго для гармоніи цѣлаго, «и самому народу не послужили ли они замѣною «того возбужденія, какое другіе находили на обык-«новенномъ, такъ сказать, *логическомъ* пути своей «жизни (103 и 104 стран.)?»

IX.

Эпохою Петра Великаго открывается картина Россіи, достойной стоять наряду съ другими народами. Описывая дѣянія Преобразователя государства нашего, сочинитель прибавляетъ: «По предме-«тамъ, по цѣли, если угодно, по фактамъ, это было «новое и чрезвычайное событіе, которое исторія на-«ша по-справедливости называетъ реформою, пере-«воротомъ; *по внутреннему прагматизму мысли*, это «былъ естественный, *логическій* шагъ нашей народ-«ности, задержанной въ своемъ ходѣ, но *не измѣнен-«ной* въ сущности ни Татарами, ни реформою. Она — «эта гибкая, крѣпкая, энергическая, свѣтлоумная, «аналитическая народность—въ самой колыбели сво-«ей обречена дѣйствовать, какъ она дѣйствуетъ,

«обречена стереть съ лица земли двухъ завоевате-«лей—однаго храбраго, другаго величайшаго, брить «бороду, носить модныя шляпки и фраки Парижа, «читать Байрона, Шекспира, Гёте, Шеллинга и Ге-«геля, говорить языкомъ Карамзина, Жуковскаго, «Пушкина, Крылова, имѣть Университеты, Акаде-«міи и Гимназіи (108 стран.).» И–такъ несправедливо сказано было выше, что логическое движеніе въ исторіи намъ не досталось?

Надобно сознаться, что до–Петровскій періодъ Русской исторіи у насъ изученъ вообще очень слабо; въ изслѣдованіи его много пропусковъ; тогдашніе памятники письменности нашей частію не разсмотрѣны знатоками, частію не всѣ открыты, а еще большее число ихъ утрачено. Вотъ почему и кажется намъ, что, въ–противность естественному ходу дѣлъ, здѣсь, на границѣ между древнею и новою исторіею Россіи, усматривается изумительный скачекъ. У Г-на Никитенка есть прекрасныя слова, которыми поддерживается мысль, что вся исторія Россіи должна представлять наблюдательному уму зрѣлище естественнаго движенія къ умственному совершен-«ству. «Жизнь (говоритъ онъ на 145 и 146 стран.) раз-«вивается въ такой строгой постепенности, такъ не «любитъ скачковъ, отступленій и щегольскихъ эффек-«товъ, что самое великое на земли не есть ни самое «чрезвычайное, ни неожиданное. Изучайте предше-«ствующія обстоятельства и причины: вы увидите,

«что превозносимые вами эпоха и геній — ея творецъ, суть только громкіе провозвѣстники удара, «который совершился уже въ тишинѣ непримѣтно колесами и пружинами, скрытыми въ огромномъ и сложномъ механизмѣ дѣлъ человѣческихъ.» Въ четверть вѣка никакой геній не въ-силахъ изъ ничего создать въ государствѣ все, а тѣмъ менѣе уничтожить осьмисотлѣтнюю духовную жизнь. Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе сочинителя, что Петръ I дѣйствовалъ на основаніи народности нашей. Мнѣ кажется только, что въ разнородныхъ Его стремленіяхъ не надобно смѣшивать существенныхъ дѣлъ съ дѣлами, случайно примкнувшимися къ первымъ. Какъ лучше образовать разныя части управленія въ государствѣ, какъ вѣрнѣе упрочить внѣшнее и внутреннее его благосостояніе, какъ утвердить повсюду порядокъ, распространить знанія: все это и при Петрѣ входило въ Россію по слѣдамъ, давно уже проложеннымъ въ прежнее время, нисколько не противорѣча нашей народности въ хорошемъ ея значеніи. Новыя же формы жизни частной и другія большею частію наружныя перемѣны, не составляя существеннаго въ быту нашемъ, только надвинуты на него и остались на поверхности общества, не проникнувъ въ него какъ потребность и пріучивъ насъ во многомъ довольствоваться однимъ *кажущимся*. Послѣдняя черта, замѣчаемая и нынѣ въ жизни нашей, получила начало съ Петровскаго преобразованія. Она сообщаетъ нѣкоторый видъ

справедливости разнымъ возглашеніямъ, являющимся и въ обществѣ и въ литературѣ противъ геніальнаго Монарха. Г-нъ Никитенко говоритъ, что Русской народности *обречено читать Байрона, Шекспира, Гёте, Шеллинга и Гегеля*; а несогласно съ нимъ мыслящіе думаютъ, не вѣкъ ли ей обречено *казаться*, будто она дѣйствительно ихъ читаетъ?

Въ разсматриваемой мною книгѣ картина умственной дѣятельности въ Россіи въ продолженіе до-Петровскаго періода, къ удивленію читателей, составлена изъ частей, явно не соотвѣтствующихъ одна другой. Сперва говорится тамъ, что у насъ «въ этомъ пространствѣ времени мысль народная «*не обнаруживаетъ въ себѣ жизни развитія*; она не «выработываетъ великихъ всечеловѣческихъ идей «истиннаго и изящнаго напряженнымъ постояннымъ «инстинктомъ, не очищаетъ, не доводитъ ихъ до «степени опредѣленныхъ вопросовъ созрѣвающимъ «сознаніемъ своихъ силъ (125 стран.).» А послѣ прибавлено, что «въ до-Петровскомъ пространствѣ вре-«мени народная мысль свидѣтельствуетъ о своемъ «бытіи и неизмѣняемомъ характерѣ то непрерыв-«нымъ рядомъ дѣеписаній и живымъ отношеніемъ «своимъ къ современной дѣйствительности, на прим: «въ Словѣ о полку Игоря, то ярко и смѣло наки-«данными чертами поэтическихъ образовъ въ ска-«зочномъ эпосѣ, то глубокими, иногда мощными «и зловѣщими, иногда умилительно-тихими и крот-

«кими звуками сердца въ лирикѣ. Мысль, угнетае-«мая и скорбная подъ свинцовымъ игомъ вѣковъ «медлительныхъ и суровыхъ, питалась и находила «утѣшеніе въ высокихъ твореніяхъ Отцевъ и Учи-«телей Церкви. Полная ихъ отраднаго и святаго «наитія, она нерѣдко переносила и образъ воззрѣ-«нія ихъ на вещи и языкъ въ свои сказанія о «судьбѣ отечества. Государственные акты, вмѣстѣ «съ выраженіемъ высшихъ потребностей эпохъ, за-«ключаютъ въ себѣ нерѣдко страницы *истинно-изя-«щнаго народнаго краснорѣчія*. Его не называютъ «ораторскимъ, можетъ быть, только изъ преувели-«ченнаго уваженія къ формѣ, тогда-какъ *по духу «его и дѣйствію оно вполнѣ проникнуто ораторски-ми стихіями* (стран. 126, 127 и 128).»

Что касается до слѣдующаго за нимъ періода, т. е. настоящаго, нынѣшняго, литературная дѣятельность Россіи обозначена и въ немъ чертами, опять противорѣчащими одна другой, такъ-что идея и значеніе исторіи литературы Русской остаются рѣшеными очень сомнительно. Прежде сочинитель сказалъ, что «наше настоящее, можетъ быть, обильнѣе нуж-«дами, требующими постоянныхъ усилій ума, чѣмъ «настоящее другихъ; оно имѣетъ свой характеръ, «котораго нельзя изъяснить общими и исторически-ми мѣстами; по своей чрезвычайности, оно не «подходитъ подъ ихъ обыкновенныя категоріи и «формулы. Мы народъ новый въ исторіи всемір-

«ной умственной дѣятельности—вотъ истина, столь «же простая, сколь и важная для насъ. *Мы должны не продолжать, а начинать;* наше богатство «*не въ наслѣдствѣ*, а въ собственной разумной дѣя«тельности, для которой Небо щедро надѣлило насъ «способностями. Въ нихъ-то, въ этихъ прекрасныхъ «способностяхъ наша твердая опора и наши драго«цѣннѣйшія *надежды* на поприщѣ знанія и иску«ства. *Всѣ патріотическія идеологіи должны умолк«нуть* передъ существенными патріотическими ин«тересами, которые можно выразить двумя слова«ми: *наука* и *трудъ* (121 и 122 стран.).» Потомъ прибавлено, что «значеніе и интересы нашей лите«ратуры постепенно возрастаютъ въ періодѣ послѣ «Петра Великаго. Здѣсь она является намъ въ томъ «характерѣ, *какой обыкновенно слѣдуетъ изъ жиз«ни развитія — въ характерѣ строгой прагматиче«ской послѣдовательности.* Съ каждымъ шагомъ «значеніе ея быстро расширяется, такъ-что совпа«деніе ея съ значеніемъ исторіи всемірнаго образо«ванія уже *не есть предчувствіе*, а *очевидность.*—— «Литература наша, послѣдовательно, логически пе«реходя отъ одной степени къ другой, отъ измѣ«ненія къ измѣненію, отъ неудачь къ успѣху, *про«никала* глубже и глубже въ умственные и нравственные интересы людей, въ новыя ихъ нужды, «*укрѣплялась* въ нихъ корнями своими, *обогащала* «ихъ своими внушеніями, сама обогащалась ихъ

«стихіями и готовила въ тишинѣ *свой прекрасный цвѣтъ и плодъ* (128, 129 и 130 стран.).»

X.

Окончаніемъ книги служитъ раздѣленіе исторіи литературы Русской на два періода, разграниченные явленіемъ Петра Великаго. *Первый* періодъ названъ временемъ образованія и установленія нашей народности, безъ преемственнаго и послѣдовательнаго развитія нравственныхъ, т. е. умственныхъ и эстетическихъ силъ. Я уже нѣсколько разъ упоминалъ выше, можно ли согласиться съ мнѣніемъ, чтобы народъ, проникнутый умственными и эстетическими силами, дѣйствовалъ на поприщѣ гражданственности безъ преемственнаго и послѣдовательнаго развитія этихъ силъ? *Вторый* періодъ названъ здѣсь временемъ нравственнаго развитія народности. Есть и подраздѣленія каждаго изъ нихъ. Въ до-Петровскомъ особо берется отдѣлъ съ основанія Русскаго государства до появленія въ немъ власти Татаръ, и отдѣлъ съ Татаръ до преобразованій въ Россіи при Петрѣ. «Вліяніе дикаго и свирѣпаго могущества Татарскаго (говорится на стран. 146 и 147) было «столь глубоко и въ то же время столь враждебно «основнымъ стихіямъ Русской жизни, что вѣковъ, «захваченныхъ имъ, нельзя не представлять себѣ «періодомъ отдѣльнымъ, совершенно особеннымъ и

«по характеру своему и по слѣдствіямъ. Россія до «Татаръ была иною, чѣмъ во время и послѣ ихъ «до Петра Великаго — и какъ бы намъ ни пред-«ставлялось здѣсь мало памятниковъ ея умственной «жизни, мы не можемъ не видѣть на нихъ печати «другаго духа, не видѣть въ нихъ другаго направ-«ленія мысли». Эта самая причина требуетъ, чтобы время съ Іоанна III до Петра I изображено было также въ особомъ отдѣленіи, на что сочинитель не соглашается. Онъ, предупреждая возраженіе, спрашиваетъ: «Но произвело ли это время какой-нибудь перево-«ротъ въ умахъ, возбудило ли, направило ли ихъ къ «новой опредѣленной дѣятельности (стран. 149)»? Въ отвѣтъ можно указать на введенную у насъ въ продолженіе этаго времени правильную систему гражданскаго устройства, на памятники законодательства, на дѣйствія тогда же введеннаго книгопечатанія, на сказанія Князя Курбскаго и другія современныя записки, на духовное краснорѣчіе, на дипломатическіе акты, на народныя пѣсни, на филологическіе труды ученыхъ, на повсемѣстность силлабическихъ стиховъ, на замѣтные успѣхи ученаго образованія, и проч. и проч., что довершило въ Россіи духовную самостоятельность. Г-нъ Никитенко говоритъ, что «это были пары, «скоплявшіеся въ душной атмосферѣ, которые над-«лежало мощному духу планеты разогнать, чтобы «они не мѣшали видѣть восходящее великолѣпное «солнце (150 стран.).» Не точнѣе ли сказать: это былъ свѣтъ зари, которая свидѣтельствовала, что

солнце уже восходитъ? И въ самомъ дѣлѣ: для литературныхъ успѣховъ Кантемира и Ломоносова болѣе было приготовлено въ Русской жизни не задолго до Петра, нежели собственно при немъ.

Что касается до періода послѣ Петра, сочинитель, не находя особенной нужды и даже возможности разлагать на отдѣлы это небольшое пространство времени, только указываетъ читателямъ, что до 1812 года литература наша обозначается болѣе *художественно-формалистическимъ* направленіемъ, а послѣ этой эпохи *художественно-общественнымъ* и *народнымъ*. До какой степени выражена этими названіями идея той и другой половины періода, я не вхожу въ особое изложеніе, потому-что вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ сочинителя, который говоритъ: «Самая ничтожная и самая трудная вещь дѣлить «событія историческія на періоды (стра. 145)».

Я представилъ моимъ читателямъ весь планъ и основныя мысли сочиненія. То и другое достойно общаго вниманія, какъ явленіе самобытное, что̀ такъ рѣдко у насъ бываетъ, особенно въ исторіи литературы. Излишнимъ нахожу упоминать, что сочинитель самобытенъ даже въ слогѣ своемъ: это легко каждый могъ замѣтить по выпискамъ, мною приведеннымъ. Его книга должна возбудить дѣятельность наставниковъ Русской словесности. На логическомъ основаніи сочинителя они легко могутъ

теперь утверждать и распространять свое ученіе, не школьное, а живительное и общественное. Частности и дополненія предоставляются на произволъ каждаго. Всего пріятнѣе чувствовать въ книгѣ Г-на Никитенка этотъ *духъ терпимости*, который такъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о прямомъ стремленіи сочинителя къ истинѣ. «Если сказанное мною (говоритъ «онъ въ Предисловіи на стран. VII и VIII) будетъ «поводомъ къ обнаруженію началъ или понятій про-«тивоположныхъ — тѣмъ лучше: изъ борьбы мнѣ-«ній рождается истина. И не пора ли намъ нако-«нецъ ученій, несогласныхъ съ нашими идеями, или «нашими видами въ области науки и искуства, не «считать оскорбленіями лицъ и вещей? Мы зрѣемъ «примѣтно — и нѣкоторымъ остаткамъ литератур-«наго дѣтства да будетъ конецъ».

Плетневъ.

21 Мая, 1845 г.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

73. *Русскіе полководцы*, или жизнь и подвиги Россійскихъ полководцевъ, отъ временъ Императора Петра Великаго до царствованія Императора Николая I. Изданіе Константина Жернакова. Жизнеописанія составлены *Николаемъ Полевымъ*. Въ б. 8; XII и 353 стран. Съ портретами, гравированными на стали. Спб.

Въ этой книгѣ, сверхъ біографіи Петра Великаго, помѣщено одиннадцать жизнеописаній, а именно: Шереметева, Меншикова, Миниха, Румянцова-Задунайскаго, Потемкина-Таврическаго, Суворова-Рымникскаго, Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, Барклая-де-Толли, Витгенштейна, Дибича-Забалканскаго и Паскевича-Эриванскаго-Варшавскаго. Имена такихъ героевъ и подвиги ихъ, во всякомъ расказѣ, не могутъ не возбуждать полнаго участія къ сочиненію, имъ посвященному. Главнымъ пособіемъ при

составленіи біографій служили сочинителю формуляры и историческіе труды Д. Н. Бантыша-Каменскаго. Слѣдовательно можно поручиться за вѣрность расказовъ. Одно обстоятельство непріятно поражаетъ читателя—монотонія во всемъ: въ выраженіяхъ языка, въ оборотахъ рѣчи, въ украшеніяхъ слога, въ краскахъ, въ планѣ, даже въ приговорахъ и сужденіяхъ, такъ-что, прочитавъ одну біографію, читатель, перемѣнивъ имена мѣстъ, лицъ и числа годовъ и мѣсяцевъ, напередъ уже знаетъ все послѣдующее. Это произошло отъ того, что сочинителю вздумалось въ каждой біографіи не выходить изъ границы однаго и того же содержанія въ одномъ и томъ же порядкѣ. Сперва онъ помѣщаетъ полный формуляръ съ росписью всѣхъ дѣтей героя и съ указаніемъ, кто на комъ женатъ, или кто за кѣмъ за-мужемъ, также, сколь велико движимое и недвижимое имѣніе его; за-тѣмъ подробное описаніе герба; послѣ приводятся названія книгъ, въ которыхъ говорится объ этомъ героѣ; наконецъ коротенькій расказъ, чему его учили въ дѣтствѣ, какова была его наружность и другія частности, служащія вмѣсто характеристики. Ясно, что ни одинъ герой не одушевилъ сочинителя до такой степени, чтобы біографія образовалась по идеѣ историческаго лица. Всѣ они какъ бы одно мыслили, одно чувствовали, и будто бы ничего не было отличительнаго ни въ характерѣ, ни въ жизни столькихъ людей. Другое обстоятельство, столь же непріятно бросающееся въ глаза читателю, заклю-

чается въ видимой поспѣшности, въ странной небрежности, съ которою написано все сочиненіе. Не говоря уже о совершенномъ отсутствіи *слога*, который дается въ удѣлъ только человѣку съ талантомъ, здѣсь никакой нѣтъ обработки фразъ. Почти всѣ онѣ иначе не начинаются, какъ длиннымъ рядомъ причастій и дѣепричастій, дополняющихъ безконечный періодъ и послѣ помѣщенія глагола, какъ «на прим: «*Подкрѣпляемый* Англіею, *думая*, что «Турція отвлечетъ Россію, и кромѣ того мало *ува*«*жая громадныя силы* Русскаго государства, не «*боясь* Швеціи и Франціи, не *видя* противъ себя «великихъ полководцевъ, *увѣренный въ свое счастіе*, «*надѣясь*, что побѣда рѣшитъ дѣло и разрушитъ «союзъ, Фридрихъ самъ *открылъ войну*, не *стра*«*шась* грозившей отвсюду бѣды (стран. 120).» Ошибки противъ языка — въ родѣ: *увѣренный въ свое счастіе*, или: *Екатерина казалась незамѣчавшею оскорбленнаго самолюбія своего стараго полководца* (137 стран.), или: *Екатерина сохранила до кончины своей особенный почетъ славѣ и имени Румянцова* (стран. 141), или: *недостатки его* (Румянцова) *составляли медленность въ исполненіи, нерѣшительность въ планахъ, опасеніе за славу свою, доходившее до излишенства* (тамъ же) — эти пятна современныхъ сочиненій, приготовляемыхъ наскорокъ по заказамъ издателей, отнимаютъ много цѣны у книги. Надобно къ тому прибавить, что едва ли являлось въ этомъ родѣ сочиненіе, кото-

рое бы написано было столь неумѣренно надутымъ языкомъ, какъ расматриваемыя здѣсь біографіи. «Среди волненій по кончинѣ его (Петра I), среди «крамолъ междоусобія, при недостаткѣ дарованій «и воли, при ошибочной внѣшней политикѣ (82 «стран.), не только уцѣлѣла Россія, но вѣрно шла «по тому пути, по коему назначилъ ее итти Петръ «Великій, куда двинула Россію всесильная воля его. «Къ твореніямъ генія всегда прибавляется времен«ное, преходящее—дань слабости человѣческой. Про«ходятъ годы, и временное исчезаетъ, преходящее «уничтожается, и твореніе генія остается только «съ тѣмъ, что безсмертнаго вложилъ въ него ге«ній. Такъ съ могущаго дуба ежегодно падаютъ «листья, когда глава его гордо высится къ небе«самъ, и вѣками считаетъ вѣкъ свой.» Развѣ такія мысли, развѣ такія сравненія, развѣ такое убранство понятій называются краснорѣчіемъ исторіи? Нѣтъ. Великіе люди земли Русской ожидаютъ еще своего біографа. Если для исторіи самой Россіи уже былъ Карамзинъ, почему не надѣяться, что и для знаменитыхъ соотечественниковъ нашихъ явится достойный ихъ историкъ? Ему каждый герой нашъ внушитъ особое созданіе, какъ самъ онъ былъ лицемъ своеобразно возникнувшимъ и изъ собственнаго генія развившимъ рядъ своихъ дѣяній.

74. Русское чтеніе. *Отечественные историческіе памятники XVIII и XIX столѣтія*, издавае-

мые *Сергѣемъ Глинкою.* Часть I. Въ 8; III, II и 74 стран. Спб.

«На прощаньи съ жизнію (говоритъ С. Н. «Глинка) предлагаю новый трудъ, можетъ быть, «слабый, но съ тою же цѣлію, чтобы оживлять «доблести отечественныя и доставлять что-нибудь «полезное для всѣхъ сословій общественныхъ. Жизнь «отечественная — жизнь нераздѣльная отъ палатъ «до хижинъ. Соединеніе мыслей, думъ и сердецъ «подкрѣпляетъ и сохраняетъ эту жизнь, даруемую «намъ Богомъ подъ тѣмъ небосклономъ, гдѣ была «колыбель наша, гдѣ прахъ нашихъ отцевъ, и гдѣ «мы въ свой урочный часъ сойдемъ въ могилу. Но «любовь къ родинѣ, любовь къ отечеству, не исклю-«чаетъ общей любви къ человѣчеству, завѣщанной «Христомъ Спасителемъ. Гдѣ встрѣтимъ страдаль-«ца, тамъ видимъ въ немъ ближняго и брата: и «счастлива та рука, которая приподнимаетъ на тер-«нистомъ пути жизни. Небо видѣло: это было луч-«шею мнѣ отрадой. Кто стоитъ у могилы, тотъ не «лжетъ. Померкаетъ мое зрѣніе, но не душа. А ду-«ша моя желаетъ: *да благоденствуетъ все человѣ-«чество наряду съ нашимъ отечествомъ!* Съ этимъ «желаніемъ жилъ — и съ нимъ умру.» За этими строками, которыхъ конечно никто не прочтетъ безъ участія, слѣдуютъ четыре любопытныхъ расказа, составляющіе первую часть Русскаго Чтенія: 1. Исторія зерцала Петра Великаго и любовь Его къ

правдѣ; II. Петръ Первый и историкъ Татищевъ, Астраханскій губернаторъ; III. Походъ Князя Юрія Владиміровича Долгорукаго въ Черногорію (*Отрывокъ изъ собственноручныхъ его записокъ*), и IV. Чесменскій бой, *описанный Княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ*. Каждая изъ помѣщенныхъ здѣсь статей, какъ дополненіе къ исторіи нашей, можетъ назваться драгоцѣнною. Мы сожалѣемъ, что издатель не представилъ общаго плана, которому онъ намѣренъ слѣдовать въ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ. Впрочемъ если Русское Чтеніе будетъ и просто сборникомъ историческихъ отмѣтокъ, оно тѣмъ не менѣе принесетъ пользы собирателямъ частныхъ извѣстій относительно Россіи.

75. *Общій Отчетъ, представленный* Его Императорскому Величеству *по Министерству народнаго просвѣщенія за 1844 годъ*. Въ 8; 131 стран. Спб.

Въ Отчетѣ содержится: 1. обозрѣніе общихъ распоряженій, относящихся совокупно ко всѣмъ или къ нѣкоторымъ частямъ Министерства; 2. описаніе состоянія частей отдѣльно и изложеніе мѣръ, принятыхъ къ улучшенію каждой; 3. таблицы и вѣдомости, показывающія подробно ходъ и успѣхи народнаго просвѣщенія, обороты опредѣленныхъ для того суммъ, движеніе дѣлъ и число рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ бумагъ. Въ первомъ отдѣлѣ находится пятнадцать статей. Отдѣлъ второй за-

ключаетъ въ себѣ двадцать три особыхъ вѣдѣнія, изъ которыхъ образуется все Министерство. Изъ третьяго отдѣла напечатано пятнадцать таблицъ, относящихся единственно къ успѣхамъ народнаго просвѣщенія въ два послѣдніе года паралельно. Ничто не можетъ убѣдить такъ въ истинѣ и дѣйствительности всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ Министерствомъ для достиженія общественныхъ и благотворныхъ цѣлей его, какъ ежегодно возрастающее число учебныхъ заведеній и обучающихся тамъ молодыхъ людей. Особенно поразительно различіе это на разстояніи десяти лѣтъ. Въ 1834 году всѣхъ учебныхъ заведеній было 1544, а въ 1844 г. ихъ 2213, т. е. прибавилось 669. Учащихся было въ 1834 году 78,096, а въ 1844 г. ихъ 112.408, т. е. прибыло 34,312 чел. «Общественное воспитаніе (слова изъ заключенія Отчета), основанное на началахъ твердыхъ и обдуманныхъ, безостановочно подвигаясь по опредѣленному направленію, стремится къ своей цѣли мирно, но неуклонно, и устрояется постепенно въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ. Уже не требуетъ оно преобразованій обширныхъ и коренныхъ, но во многомъ начинаетъ являть желанныя послѣдствія, а — можетъ быть — въ бо̀льшемъ еще обнадеживаетъ на будущее время, подъ тихимъ вліяніемъ котораго медленно созрѣваетъ все, что предназначено быть не минутнымъ только цвѣтомъ, а плодомъ доспѣлымъ и прочнымъ. Это стройное движеніе впередъ, за-

мѣтное наблюденію постоянному и внимательному, не поражаетъ внѣшностію, но ясно говоритъ за ту сокровенную силу, которая въ немъ и чрезъ него проявляется. Подъ живительнымъ ея вліяніемъ, Учебныя Заведенія Министерства народнаго просвященія, поглотивъ невозвратно почти все воспитаніе частное, привлекаютъ къ себѣ все большее и большее число юношей, ищущихъ образованія полнаго и основательнаго, которое соотвѣтствовало бы и личному призванію каждаго и общимъ условіямъ нашего народнаго быта. Эта потребность проникаетъ уже во всѣ слои общества и всѣми ими ощущается болѣе или менѣе.»

76. *Опытъ исторіи Русской литературы*. Сочиненіе Э. Профессора Императорскаго С. Петербургскаго Университета Доктора Философіи *А. Никитенка*. Книга первая. *Введеніе*. Въ 8; VIII и 152 стран. Спб.

См. 336 стран. нынѣшней книжки Современника.

77. *Стихотворенія Эдуарда Губера*. Въ 8; 112 стран. Спб.

Всѣхъ стихотвореній пятдесятъ одно. Они писаны въ теченіе послѣднихъ двенадцати лѣтъ и относятся преимущественно къ такъ называемому элегическому роду. На нихъ одинъ колоритъ стихо-

творческой печали. Обстоятельства ли жизни настроили такъ сочинителя, или чтеніе меланхолическихъ поэтовъ — рѣшить это мудрено. Довольно замѣтить, что повтореніе однѣхъ и тѣхъ же идей, однѣхъ и тѣхъ же картинъ, одних и тѣхъ же ощущеній утомляетъ читателя. Самобытная поэзія, какъ жизнь, разнообразнѣе. Ея внушенія обильнѣе воззрѣніями, которыя всѣхъ занимаютъ, и въ которыхъ всегда есть что-то знакомое каждому, невыдуманное и остающееся въ душѣ читателя урокомъ, или предметомъ размышленія. Но здѣсь, въ собраніи неестественныхъ иперболъ, чувствуешь что-то неправдоподобное, утомительное и отчасти маскарадное. Самый языкъ принялъ эти же черты идей, картинъ и чувствованій. Мы увѣрены, что сочинитель, съ такимъ постоянствомъ и любовію преданный благороднѣйшему изъ искуствъ, со-временемъ перемѣнитъ направленіе духа другихъ стихотвореній своихъ и тѣмъ избавитъ новые свои труды отъ всего усиленнаго въ изобрѣтеніи, въ изложеніи и въ краскахъ. Мы предоставляемъ читателю самому убѣдиться въ истинѣ замѣчаній нашихъ, помѣщая здѣсь одно изъ разбираемыхъ нами стихотвореній :

ПЕРЕПУТІЕ.

Испытанъ раннею тоскою
Въ горнилѣ пламенной борьбы,

Стою нетвердою стопою
На перепутіи судьбы.
Куда пойду? За ложной славой
Какъ прежде увлекусь ли вновь?
Иль снова, спутницей лукавой,
Предстанетъ грѣшная любовь?
И снова ль въ омутѣ волненій,
Въ цѣпяхъ разврата и страстей,
Погрязну жертвою сомнѣній
И неизвѣданныхъ скорбей?
Нѣтъ, не хочу стопой усталой
Начать изрытаго пути;
Не мнѣ дорогою бывалой
За ложнымъ счастіемъ итти.
Назадъ, къ обители смиренной
Безпечной юности моей,
Гдѣ въ тишинѣ уединенной,
Я жилъ, не вѣдая скорбей!
Туда, гдѣ дѣтскою молитвой
Я тихо къ Богу прибѣгалъ,
Гдѣ жребій міра грозной битвой
Моей души не возмущалъ!
Тамъ успокоюсь отъ волненій,
Отъ разрушительныхъ страстей
И отъ томительныхъ сомнѣній
Безумной юности моей.

78. *Географія*, составленная *Александромъ Чертковымъ*. Въ 8; XIII и 246.

Сочинитель расположилъ всю науку въ видѣ особыхъ трехъ курсовъ. Въ *первомъ* помѣстилъ онъ понятія о землѣ, заимствованныя изъ математической географіи; основанія физической и политической географіи; наконецъ общій обзоръ частей свѣта. Во *второмъ* курсѣ излагается политическая географія Европы, и въ заключеніе—колоніи Европейцевъ внѣ Европы. *Третій* курсъ обнимаетъ географію имперіи Россійской и наконецъ математическую географію. Въ дополненіе къ общимъ курсамъ науки, сочинитель, преподающій географію въ Технологическомъ Институтѣ, присовокупилъ для его воспитанниковъ отдѣльное обозрѣніе городовъ въ Европѣ, замѣчательныхъ торговою и фабричною промышленностію, также горнозаводскимъ производствомъ.

79. *Современные историческіе труды въ Россіи.* Письма къ издателю Маяка. Въ 8; 61 92 стран. Спб.

Это одна изъ статей Маяка, особо тиснутая. Ее можно назвать шуточною; потому-что замѣтки о трудахъ историческихъ слегка привязаны къ длинному разговору гостей, собравшихся для ежедневнаго развлеченія и занятыхъ обыкновеннымъ въ подобныхъ случаяхъ празднословіемъ.

80. Императоръ Александръ I *и Его сподвижники въ 1812, 13, 14 и 15 годахъ.* Военная галле-

рея Зимняго Дворца. Жизнеописанія сочиненія Генералъ-Лейтенанта *Михайловскаго-Данилевскаго*. Изданіе В. Межевича и И. Песоцкаго. Въ 4. Семь тетрадей. Спб.

Въ означенныхъ здѣсь семи тетрадяхъ находятся литографированные Гюо и Долле снимки съ портретовъ: Императора Александра I, и Генераловъ: Тормасова, Строганова, Сенпри, Багговута и Дорохова. Предпринято издать такимъ образомъ всю коллекцію портретовъ, находящихся въ Военной галлереѣ Зимняго Дворца. Это изданіе, когда оно кончится, можно будетъ назвать прекраснымъ дополненіемъ къ исторіи достопамятной эпохи 1812 года.

81. *Ученіе о жизни вообще и о жизни человѣка въ особенности, какъ такомъ предметѣ, на которомъ утверждается врачебная наука*. Опытъ сближенія медицинскихъ понятій о человѣкѣ съ внушеніями святой Вѣры и здравой философіи. Сочиненіе *Ивана Зацепина*. Часть I. Въ 8; 340 стран. Моск.

Хотя всѣ науки можно представить въ видѣ однаго воззрѣнія на вселенную и Творца ея, и хотя даже трудно вполнѣ постигнуть одну безъ содѣйствія другихъ; однако дальнѣйшее совершенствованіе ихъ требуетъ спеціальнаго изученія каждой. Вотъ почему, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ еще не обработаны частныя изслѣдованія, надобно же

лать, чтобы медицина, философія и Богословіе излагаемы были въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Можетъ быть, и у насъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, понадобится это высшее совокупленіе знаній въ одинъ заключительный трудъ; но теперь онъ поведетъ только къ поверхностнымъ взглядамъ, которые по–несчастію замѣтны во многихъ изъ позднѣйшихъ ученыхъ трудовъ.

82. *Типы современныхъ нравовъ*, представленные въ иллюстрированныхъ повѣстяхъ и расказахъ, издаваемыхъ подъ редакціею *Николая Кирилова*. Въ 12; 121 стран. Спб.

Типъ, составляющій эту книжку, называется *Тертый калачь; сцены изъ провинціальной жизни.* Ничего нѣтъ холоднѣе, бездушнѣе, а слѣдовательно и скучнѣе въ литературныхъ сочиненіяхъ, какъ типы, т. е. наборъ разнородныхъ чертъ изъ множества характеровъ для составленія лица небывалаго, представляющаго собою отвлеченное понятіе, или цѣлое сословіе. Тутъ нѣтъ жизни, тутъ нѣтъ никакой истины: и характеры, и краски ихъ, и положенія лицъ, и дѣйствія ихъ, и страсти — все холодное сочиненіе, утомительная выдумка, мертвая природа.

83. *О пьянствѣ въ Россіи и о средствахъ*

къ истребленію его. Соч. Екатеринославскаго помѣщика *А. Г.* Въ 12; 137 стран. Одес.

Книга состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ *первомъ* собраны свѣдѣнія о распространеніи въ Россіи употребленія хлѣбнаго вина (часть историческая) и статистическія показанія о потребленіи вина въ нынѣшнее время; въ *другомъ* отдѣленіи предложены средства къ истребленію пьянства, которое, по мнѣнію сочинителя, должно будетъ уменьшиться, если вмѣсто хлѣбнаго вина введено будетъ въ большее употребленіе пиво. Въ высшей степени занимательна въ книгѣ часть *статистическая.* Она представляетъ все дѣло въ ясности, ужасающей наблюдателя. Если бы можно было каждому человѣку, въ минуты его спокойнаго размышленія, представить эти цифры, конечно никто не отошелъ бы отъ нихъ безъ глубокой мысли о гнусномъ порокѣ, до такой степени распространившемся. Это душевное убѣжденіе, если бы можно было распространить его, по нашему мнѣнію, лучшее средство начать врачеваніе порока.

84. Жизнь безъ горя и печали. *Солдатская сказка. Ива Меркулыча Щираго.* Въ 16; 94 стран. Спб.

Стихотвореніе, ничѣмъ не напоминающее характера и красотъ простонародныхъ сказокъ, и въ то-

же время не достигнувшее совершенствъ общей поэзіи.

86. *Метеоръ, на 1845 годъ.* Въ 8; 175 стран. Спб.

Сборникъ изъ стихотвореній разныхъ сочинителей, гдѣ, какъ и всегда бываетъ въ сборникахъ, немножко хорошаго, а ужъ вдоволь посредственнаго и худаго.

86. *Новый гость.* Изданіе *Александра и Карла Реймера.* Визитъ I. Въ 16; 184 стран. Спб.

И это сборникъ, только со стихами и прозою. За то здѣсь хорошаго такъ мало, что и упоминать не о чемъ.

87. *Расказы для дѣтей.* Въ 12; 156 стран. Спб.

Съ появленіемъ этой книжки дѣтская библіотека ничего не пріобрѣла особенно замѣчательнаго.

88. *Начальныя основанія алгебры*, изложенныя Адъюнктъ-Профессоромъ Императорскаго Александровскаго Лицея *Р. Щегловымъ.* Въ 8; 243 стран. Спб.

Руководство, полезное для слушателей сочини-

теля, но въ обще-ученомъ отношеніи ограничивающееся истинами и методою, давно введенными во всѣ изъ прежде-изданныхъ руководствъ.

89. *Подарокъ дѣтямъ.* Азбука. Съ примѣрами для постепеннаго чтенія, украшенная картинками *К. Т.* Въ 16; 40 стран. Спб.

См. № 87.

90. *Курсъ высшей и низшей геодезіи А. Болотова*, Генеральнаго Штаба Полковника, Императорской Военной Академіи Профессора. Часть I. Въ 8; 580 стран. Съ чертежами. Спб.

Слѣдующіе предметы введены сочинителемъ въ первую часть замѣчательно-хорошаго труда его: сферическая тригонометрія; вступленіе въ астрономію; описаніе геодезическихъ и астрономическихъ инструментовъ; геодезическія дѣйствія и опредѣленіе ими вида и величины земли; геодезическое и барометрическое нивеллированіе, и астрономическое опредѣленіе географическаго положенія мѣстъ.

91. *Новѣйшая Французская азбука*, составленная по новой методѣ, посвящаемая прилѣжнымъ дѣтямъ. Въ 12; 94 стран. Моск.

Ни метода, ни изданіе не посчастливились въ этой азбукѣ.

92. *Чтенія общей химіи*, приложенной къ фабричному и заводскому дѣлу. Составлено стенографически по публичному курсу, въ 1841 — 2 году преподанному для Московскихъ фабрикантовъ *Р. Гейманомъ*, Профессоромъ химіи, и проч. Съ пояснительными рисунками и чертежами, вырѣзанными на деревѣ. Въ 8; 186 стран. Моск.

Всѣхъ напечатанныхъ здѣсь чтеній шесть: о пользѣ технической химіи; о свѣдѣніяхъ для производства въ наибольшемъ количествѣ издѣлій при выгоднѣйшемъ употребленіи взятаго на то капитала; о химическомъ соединеніи; о явленіи огня; о пламени, и объ освѣщеніи.

93. *Краткое практическое наставленіе для постройки сельскихъ жилыхъ зданій* каменныхъ и деревянныхъ. Составлено *А. Сапожниковымъ* и *П. Таманскимъ*. Въ 4; VIII и 108 стран. Спб.

Читатель найдетъ въ этой книгѣ: какіе инструменты необходимы при постройкѣ; какъ составлять планъ соотвѣтственно мѣстному положенію предполагаемой постройки; каковы должны быть матерьялы и какъ ихъ заготовлять; чего требуетъ производство постройки какъ вчернѣ, такъ и окончательно; какой лучше брать размѣръ для зданій; на чемъ основывается исчисленіе матерьяловъ; отъ чего за-

виситъ прочность зданій, и какъ лучше выдѣлывать и обжигать кирпичь.

94. *Новые взгляды на сельскую жизнь.* Въ 8; 44 стран. Спб.

Сочинитель, въ книжкѣ своей, обратилъ вниманіе на предразсудокъ, будто хлѣбныя растенія перерождаются, т. е. изъ хорошихъ становятся худыми; потомъ онъ снабжаетъ читателя наставленіями касательно цвѣтовъ, называющихся георгинами, и наконецъ разсуждаетъ о мѣрахъ къ вѣрному и выгоднѣйшему сбыту хлѣба сельскими хозяевами.

95. *Таблицы для вычисленія процентовъ*, какъ по банковымъ билетамъ по 4 и 5 процентовъ отъ однаго дня до ста лѣтъ, и отъ одной копѣйки до нѣсколько сотъ мильоновъ рублей, такъ и по частнымъ долгамъ по 6 проц. Составлены *А. Эръ-Энцемъ.* Въ 8; 53 стран. Спб.

Руководство чрезвычайно полезное и до такой степени легкое, что все дѣло можно кончить при помощи *Русскихъ счетовъ.*

96. *Старикъ-колдунъ, по прозванью Чертовъ-умъ.* Новѣйшая народная Русская сказка *Алексѣя Поспѣлова.* Въ 12; 45 стран. Спб.

Все, называемое въ нашей литературѣ *народнымъ*, неизвѣстно, когда и кѣмъ сочинено. Это общественное достояніе народа. Какъ же можно было назвать разбираемую нами сказку и *новѣйшею* и *народною*, да еще подписать подъ нею и имя *сочинителя*?

97. *Магическая стрѣлка*, или вѣрнѣйшее изъ вѣрнѣйшихъ гаданій на картахъ. Въ 32; 78 стран. Моск.

Совѣтуемъ непремѣнно попробовать, дѣйствительно ли это средство гаданія изъ вѣрнѣйшихъ вѣрнѣйшее.

II.

98. *Описаніе Русской Имперіи*, въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Томъ I. *Книга II. Архангельская губернія*. Въ б. 8; 149 стран. Съ картою губерніи, гербами, планами городовъ и рисунками, представляющими виды: 1) Архангельска, 2) Соловецкаго монастыря и 3) памятника Ломоносову. Съ приложеніями. Спб.

99. *Начальственныя распоряженія по Казанскому Учебному Округу*, издаваемыя при канцеляріи Попечителя. *Томъ VIII*. Въ 8; 41, 27, 22, 79 и 11 стран. Казань.

100. *Санктпетербургская Флора*, съ раскрашенными рисунками, составленная *К. Левинымъ*. Изданіе литографа Селезнева. Книжки 11 и 12. Спб.

Лѣсной словарь. Составленъ въ Департаментѣ корабельныхъ лѣсовъ. *Часть третья.* О — Я. Въ 8; 861 и XII стран. Спб.

═

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

8. *Лондонскія тайны.* Романъ *Френсисса Троллопа.* Переводъ *П. Фурманна.* Картинки сочинены и литографированы Художникомъ *Е. Коврѣцынымъ.* Пять томовъ. Въ 18; 270, 236, 234, 175 и 131 стран. Спб.

Никогда подражаніе не было такъ смѣшно, какъ въ нынѣшнее время. Оно обращено не только на повтореніе идей и описаній, но даже именъ и заглавій. Этимъ ребяческимъ способомъ расчитывая достигнуть главной цѣли своей, т. е. денегъ, мелкіе писатели обнаруживаютъ, какъ невысоко думаютъ они объ умѣ и вкусѣ тѣхъ, для кого трудятся. Парижскія тайны породили длинную генерацію тайнъ всевозможныхъ наименованій. Получивши готовую форму, расположеніе, содержаніе и столько красокъ, проворное деньголюбіе (нельзя же назвать этаго трудолюбіемъ) бросилось за перья и наводняетъ Европу новыми своими произведеніями. А въ Европѣ, къ счастію, только и живутъ для новаго, какъ

бы оно ни было плохо. И мы Европейцы: поспѣшимъ не пропустить ни одной изъ модныхъ тайнъ. Благодаря столь живому участію въ ничтожныхъ явленіяхъ заграничной литературы, всѣ теперь могутъ просвѣтиться и подробно узнать, что̀ *міроваго* происходитъ въ Лондонскихъ тавернахъ и закоулкахъ. На примѣръ, прилично ли Европейцу XIX вѣка остаться безъ свѣдѣнія о томъ, какъ бранили трактирную служанку хозяйка ея и одинъ изъ посѣтителей таверны? «Вотъ что значитъ на-«кормить (I; 5, 6), принять въ домъ нищую», сказала мистриссъ Бо̀рнетъ. «Она отучитъ отъ моего за-«веденія всѣхъ посѣтителей... потому-что не слу-«шается ихъ. Вотъ благодарность! — Мистриссъ «Бо̀рнетъ! прервалъ капитанъ: оставьте эту бѣдную «дѣвчонку... чортъ съ ней! Дайте-ка мнѣ лучше... «гроггу... — Хозяйка повиновалась, но, обиженная «грубымъ заступничествомъ капитана, со злостью «поднесла кулакъ подъ носъ Сузанны» и проч.

9. *Краткая исторія крестовыхъ походовъ.* Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ 12; 355. стран. Спб.

Сочиненіе, изъ котораго переведена эта исторія, извѣстно въ Германіи какъ одно изъ лучшихъ руководствъ. Оно издано подъ названіемъ: Карманная библіотека всеобщей исторіи. Переводчикъ еще пользовался и другими сочиненіями, послѣ вышедшими, чтобы доставить эпохѣ, здѣсь изображаемой,

надлежащую ясность, а расказу — удовлетворительность. Все это говоритъ въ пользу труда его. Одно непріятно: въ составленіи фразъ переводчика замѣтно незнаніе Русской конструкціи, что легко было бы уничтожить, если бы переводъ прочитанъ былъ, съ карандашемъ въ рукѣ, кѣмъ-нибудь изъ людей, въ этомъ дѣлѣ болѣе опытныхъ, нежели самъ переводчикъ.

10. *Картины изъ исторіи дѣтства знаменитыхъ музыкантовъ.* Переводъ съ Французскаго. Подъ редакціею *Михаила Чистякова.* Съ 6-ю картинками. Въ 16; 222 стран. Спб.

Что значитъ *переводить подъ чужою редакціею?* Это занятіе совершенно новое въ литературѣ. Ежели словомъ *редакція* выражается здѣсь исправленіе, бычистка дурнаго перевода — въ такомъ случаѣ было бы справедливѣе и точнѣе сказано: переводъ такаго-то съ поправками такаго-то. Между-тѣмъ выборъ подлинника заслуживалъ, чтобы и самъ поправщикъ непосредственно потрудился надъ его переводомъ.

11. *Царица ночи.* Переводъ съ Нѣмецкаго *Адольфа фонъ Имзена.* Въ 8; 30 стран. Спб.

Нельзя не пожалѣть, что Г-ну Имзену въ то время, какъ онъ переводилъ Царицу ночи, неизвѣ-

стенъ былъ вышеупомянутый способъ подвергать переводы *новооткрытой редакціи*.

12. *Шесть сказокъ для дѣтей*. Переводъ съ Французскаго. Въ 16; 160 стран. Спб.

Совѣтуемъ купить эту книжку, только не для текста, а для виньетокъ и картинокъ.

13. *Описаніе всѣхъ возможныхъ лаковъ и политуръ*, съ приведеніемъ лучшихъ и легчайшихъ способовъ ихъ составленія. Сочиненіе доктора философіи и естественныхъ наукъ *Ф. Нетто*. (Съ Нѣмецкаго). Въ 12; 24 стран. Мвск.

Переводчикъ вѣрно не зналъ, что титулъ Г-на Нетто, занимающагося сочиненіями о лакахъ, можно было еще продлить безъ нарушенія истины, прибавивъ: докторъ политическихъ, реальныхъ, историческихъ и математическихъ наукъ, филологіи, астрономіи и проч. Но выигрываетъ ли отъ этаго добро̀та лаковъ?

II.

14. *Воспоминанія слѣпаго*. Путешествіе вокругъ свѣта Жака Араго̀. Переводъ *П. А. Корсакова* и другихъ. Изданіе В. Межевича и И. Песоцкаго. *Томъ второй*. Въ 8; 320 стран.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

8. *Пара новыхъ Русскихъ росказней. Ивана Ваненко.* 1. О солдатѣ Яшкѣ красной рубашкѣ синія ластовицы. 2. О молодомъ Ильѣ женатомъ да о лысомъ Мартынѣ тороватомъ. *Второе изданіе, исправленное и дополненное.* Въ 8; 150 стран. Моск.

9. *Начальное чтеніе для развитія нравственныхъ понятій,* изданное для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Московскаго учебнаго округа. *Изданіе второе, безъ исправленія.* Въ 8; 198 стран. Моск.

10. *Краткое начертаніе Русской исторіи,* составленное для руководства при первоначальномъ изученіи Русской исторіи Профессоромъ *Иваномъ Кайдановымъ. Изданіе шестое.* Въ 8; 74 стран. Спб.

11. Драгоцѣнный подарокъ дѣтямъ, или *новѣйшая Россійская азбука,* содержащая въ себѣ всѣ

нужнѣйшія и полезныя понятія. *Для дѣтей обоего пола. Седьмое изданіе.* Въ 12; 76 стран. Моск.

12. *Французская азбука*, съ присовокупленіемъ десяти разговоровъ, составленныхъ по новому методу *Θедоромъ Куртенеромъ. Изданіе пятое.* Въ 12; 96 стран. Моск.

13. *Наставленіе г. помѣщикамъ*, желающимъ довести пашню до наивозможной степени плодородія, и проч., и проч. Въ 12; 24 стран. Моск.

14. *Сельское чтеніе.* Книжка первая. *Изданіе четвертое.* Въ 3; 136 стран. Спб.

15. *Анекдоты о Балакиревѣ*, бывшемъ шутѣ при Дворѣ Петра Великаго. Собранные *А. В. А. Изданіе третіе.* Въ 12; 151 стран. Моск.

ПОПРАВКИ

въ статьѣ объ основныхъ формахъ Русскаго глагола.

Напечатано:			Поправки:
Стран:	Строк:		
5——	*въ выноскѣ*:	сходны между собой	соотвѣтствуютъ одна другой
Тамъ же:		*раздать*	*ревѣть*
9.	10.	за которую	и за которую
13.	6.	и ср.	с и р
15.	2.	необходимо	иногда необходимо.
19.	9.	*родили*	*родили*(сь)
—	17.	и удареніе	удареніе
22.	8.	означается	узнается
27.	6.	Въ глаголахъ	7) Въ глаголахъ
28.	8.	дѣйствительныя причастія прошедшія	дѣйствительное причастіе прошедшее
—	19.	4. Дѣепричастіе	Дѣепричастіе настоящее
30.	22.	непремѣнною	перемѣною
33.	7.	лягутъ	*лягутъ*
34.	22.	доказано	досказано
35.	7.	раздѣлялся	раздѣлился
— *Послѣднія слова*:		въ неопредѣленное наклоненіе	въ неопредѣленномъ наклоненіи

ОГЛАВЛЕНІЕ XXXVIII ТОМА.

Конецъ тридцать осьмаго тома.

